

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020 Том 24 № 1

doi: 10.22363/2313-2337-2020-24-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

О.А. Ястребов,

доктор юридических наук, профессор; техническое и организационное обеспечение, взаимодействие и контакты, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: yastreb-ov@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.А. Власенко,

доктор юридических наук, профессор; научная политика, качество публикуемых материалов, формирование выпусков, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

П.Н. Андреева,

переписка с авторами, делопроизводство журнала, ведение электронных каталогов, организация рецензирования материалов, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Редактор

И.А. Гроник,

кандидат юридических наук; подготовка номера к изданию, оформление номера, техническое редактирование материала, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: gronik-i@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абшидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

Варламова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика.

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Паназиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия.

Робинсон Николас А., доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, штат Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки.

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2313-2337 (Print) ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*, в *РИНЦ*, *eLIBRARY.RU*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *World Cat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *EBSCOhost*, *перечень ВАК*.

Цель журнала и направленность публикаций

Журнал публикует статьи по фундаментальным и прикладным проблемам юридической науки, рецензии на монографии и обзоры научных мероприятий.

Цель журнала — публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу вопросов современного развития государства и права, истории законодательства и государственных институтов, филофонии и социологии права.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематике, соответствующем специальностям ВАК юридические науки: 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.04, 12.00.06, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.13, 12.00.14, 12.00.15. Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании.

Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Основным критерием отбора материалов для опубликования является их научный уровень, все статьи проходят внешнее рецензирование (двойное слепое).

Материалы для опубликования представляются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>.

Литературный редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.В. Попова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16;

e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 15.03.2020. Выход в свет 30.03.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,38. Тираж 500 экз. Заказ № 12. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) 117198, г. Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN University

RUDN JOURNAL OF LAW

2020 VOLUME 24 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Oleg A. Yastrebov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor; technical
and organizational support,
interaction and contacts,
RUDN University, Russia.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay A. Vlasenko,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, scientific policy, quality
of published materials, formation
of issues, RUDN University, Russia.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Polina N. Andreeva,
correspondence with the authors,
journal records management,
maintaining electronic catalogs,
organization of reviewing materials,
RUDN University, Russia.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

EDITOR

Irina A. Gronik,
Candidate of Legal Sciences,
preparation of the Journal's layout for
publication, design of the Journal's layout,
technical editing of the material, RUDN
University, Russia.

E-mail: gronik-i@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

- Aslan Kh. Abashidze*, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Science, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa.
Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.
Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece.
Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia.
Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy.
Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, NY, USA.
Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print) ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly (4 times per year)

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *in Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science's platform, eLIBRARY.RU, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, World Cat, Cyberleninka, DOAJ, EBSCOhost, VAK (Higher attestation Commission under the Ministry of science and education of Russia)*

Purpose and scope of the journal

RUDN Journal of Law publishes articles on the fundamental and practical issues of legal science, book and conference reviews.

The purpose of the journal is to publish the results of original scientific researches on a wide range of issues of modern development of the state and law, the history of legislation and state institutions, philosophy and sociology of law

The journal publishes the results of research on a wide spectrum of legal issues.

The papers published are based on contemporary methodology of the legal science, contain doctrinal approaches, reflect new tendencies in legislation and law enforcement practice of the Russia and foreign countries, international legal regulation.

The policy of the journal is built upon the observance of norms of scientific ethic.

The key criteria for the selection of materials is their scientific level.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Review editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.V. Popova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ахметова С.В., Бабенко А.Н. Требования, предъявляемые к судебным документам	7
Цуканова Е.Ю. К вопросу о месте правовых состояний в системе юридических фактов	25
Тарнавский О.А., Бормотова Л.В. Идеологический, нормативно-правовой и процедурный аспекты поиска эффективных способов возмещения вреда, причиненного преступлением	46

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Zyrianov A.V. The idea of self-organization in the system of public administration (Идея самоорганизации в системе государственного управления)	60
Tsindeliani I.A. Axiological aspects of the financial law system (Аксиологические аспекты системы финансового права)	82

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демичев А.А., Илюхина В.А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства)	98
Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России	113

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Казанцев Д.А., Михалёва Н.А. Автоматизация закупок как будущее контрактной системы	137
---	-----

К 60-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РУДН НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Еремян В.В. Школа сравнительного конституционного и муниципального права (Часть II)	158
Безбах В.В. Научная школа исследований частного права в Российском университете дружбы народов: кафедра гражданского права и процесса и международного частного права	170
Клебанов Л.Р. Проблемы борьбы с преступностью в XXI веке: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические решения	186
Чеснокова Е.В. Кафедра судебно-экспертной деятельности — пример синтеза за науки, экспертной практики и образования	193

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В ЛИЦАХ

Кузнецов М.Н. Памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации д.ю.н. проф. В.К. Пучинского	203
Игнатова М.А. Игнатов Алексей Николаевич и его научное наследие	219

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Svetlana V. Akhmetova, Andrey N. Babenko. Requirements for court documents	7
Elena Yu. Tsukanova. To the question of legal conditions place in the system of legal facts	25
Oleg A. Tarnavsky, Ladmila V. Bormotova. Ideological, legal and procedural aspects of the search for effective ways of compensation for harm caused by the crime.....	46

LEGAL RESEARCH METHODOLOGY

Aleksey V. Zyrianov. The idea of self-organization in the system of public administration	60
Imeda A. Tsindeliani. Axiological aspects of the financial law system	82

HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

Alexey A. Demichev, Vera A. Ilyukhina. Woman before the jury court in the Russian empire (revisiting the gender equality principle)	98
Anastasiya S. Tumanova, Alexander A. Safonov. Charters of voluntary associations in prerevolutionary Russia	113

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

Dmitry A. Kazantsev, Natalya A. Mikhaleva. Procurement automation as the future of the contract system	137
---	-----

ON THE 60TH ANNIVERSARY OF THE RUDN UNIVERSITY LAW INSTITUTE SCIENTIFIC SCHOOLS AND RESEARCH AREAS

Vitaliy V. Eremyan. Comparative constitutional and municipal law school (Part II)	158
Vitaly V. Bezbakh. Scientific School of Private Law of Research at the Peoples' Friendship University of Russia: Department of Civil Law and Process and Private International Law	170
Lev R. Klebanov. Problems of the fight against crime in the XXI century: criminal law, criminal procedure and criminalistics decisions	186
Elena V. Chesnokova. Department of forensic activity is an example of the synthesis of science and forensic practices and education	193

FACULTY OF LAW (INSTITUTE) IN PERSONS

Mikhail N. Kuznetsov. In memory of Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law prof. V.K. Puchinsky	203
Milena A. Ignatova. Ignatov Alexey Nikolaevich and his scientific heritage	219

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-7-24

Научная статья

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СУДЕБНЫМ ДОКУМЕНТАМ

С.В. Ахметова¹, А.Н. Бабенко²

¹ Арбитражный суд Красноярского края
660049, Красноярск, Россия, ул. Ленина, д. 1

² Третий арбитражный апелляционный суд
660049, Красноярск, Россия, пр-т Мира, д. 9

Настоящая статья посвящена анализу и формулировке требований, предъявляемых к судебным документам. Актуальность заявленной темы объясняется необходимостью совершенствования процесса коммуникации и повышения эффективности правосудия. Наиболее разработанными являются вопросы требований к судебным актам. Вместе с тем важное значение имеют требования, предъявляемые к иным судебным документам — ходатайствам, заявлениям, письменным доказательствам. Наиболее важными представляются требования законности, обоснованности, мотивированности. Вместе с тем нельзя забывать такие требования, как полнота, логичность, грамотность. В рамках общей характеристики судебных документов уделено внимание требованию справедливости и целесообразности. Пристальное внимание уделено языку и стилю судебных документов. Сформулированы требования к форме и содержанию судебных документов. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления требований к некоторым разновидностям судебных документов, подобно тому, как закреплены требования к судебным актам.

Ключевые слова: судебные документы, юридические документы, требования к судебным документам, язык судебных документов, судебные акты

© Ахметова С.В., Бабенко А.Н., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Введение

Судебные акты создаются или становятся таковыми в результате деятельности по отправлению правосудия. Судебные документы упорядочивают поведение участников судопроизводства и являются результатом их деятельности, направленной на достижение юридически значимого результата, связанного с разрешением дела судом.

Судебные документы представляют собой важнейший элемент юридической практики, а именно практики судебной. Требования к судебному документу обеспечивают законность и целесообразность их использования, а также своевременное и точное исполнение, эффективное воздействие на процесс отправления правосудия.

Наличие требований к судебным документам объясняется необходимостью их детальной регламентации, а также — соответствия процессуальной форме, в которой протекает вся деятельность по рассмотрению и разрешению дел в суде. Кроме того, такие требования дисциплинируют участников процесса, на этой основе между ними складываются отношения уважения и, возможно, сотрудничества. Единые требования позволяют участникам процесса оценивать судебные документы с позиций ценностей права и соответствия закону, а также строить соответствующим образом свое поведение в ходе судебного разбирательства.

Общие требования к судебным документам

В современной юридической литературе наиболее разработаны вопросы, касающиеся требований, предъявляемых к судебным актам как наиболее важной разновидности судебных документов.

Чаще всего в качестве таковых называются требования *законности, обоснованности и мотивированности*. Эти требования так или иначе относятся и ко всем судебным документам.

Требование *законности* включает в себя следующие признаки:

- 1) соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, международных договоров Российской Федерации;
- 2) соответствие постановлениям Конституционного Суда РФ;
- 3) соответствие нормам материального и процессуального права;
- 4) соответствие позициям ЕСПЧ;
- 5) соответствие обычаям делового оборота;
- 6) соответствие судебной практике Верховного Суда РФ;
- 7) применение в необходимых случаях аналогии права, закона.

Понятием законности, кроме того, может охватываться юридическая квалификация обстоятельств дела с позиции норм права, ссылка на которые имеется в тексте судебного документа (Chechina, 2004:163–164).

И.М. Зайцев пишет о том, что судебный документ, решение должно соответствовать предписаниям процессуального закона и правилам делопроизводства, установленным для официальных документов (Zaitsev, 1985:10).

Законность считается универсальным требованием для всех юридических документов. Не являются исключением в этом и судебные документы. Создаваемый документ должен соответствовать действующим нормативно-правовым актам. Анализируя данное требование, можно разделить его на содержательную и формальную составляющие. В рамках первой документ должен «входить» в систему права, т.е. соответствовать имеющимся правовым предписаниям. С точки зрения второй документ должен исходить от правомочного субъекта и соответствовать параметрам, установленным для данного документа, иметь необходимые реквизиты (Sokolova, 2016:19), без которых документ может потерять свою юридическую силу и значимость. Количество и необходимый набор реквизитов определяется разновидностью конкретного документа. Наиболее строгие требования в отношении реквизитов предъявляются к судебным актам. Судебный акт должен содержать дату, номер, состав суда, быть подписан судьями и др.

Применительно к судебному документу законность, как требование может быть разделено на соответствие материальным и процессуальным нормам права. В зависимости от вида судебного документа тот или иной вид законности приобретает большую или меньшую значимость.

Юридическая обоснованность означает достаточную аргументированность документа, наличие веских оснований для его создания.

Обоснованность означает, что выводы суда о фактических обстоятельствах дела, имеющих правовое значение, должны опираться на всестороннее, полное и объективное исследование действительных фактических обстоятельств, т.е. объективную истину, при помощи указанных в законе средств доказывания (Kleinman, 2005:535–536).

Аргументированность решения или приговора суда состоит в соответствии выводов суда, изложенных в решении или приговоре, обстоятельствам дела, что подтверждается наличием совокупности доказательств. Обоснованность судебного акта означает определение и доказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, а также соответствие выводов суда, изложенных в акте, обстоятельствам дела. Обоснованность искового заявления обусловлена наличием законных и фактических предпосылок для его подачи.

В связи с тем, что рамки рассмотрения дела очерчиваются самими сторонами, требование обоснованности становится относительным, так как некоторые обстоятельства могут быть неизвестны участникам процесса в силу правовой неграмотности, злонамеренности или сговора. Таким образом, признак обоснованности в различных судебных документах выражен не одинаково. Отдельные заявления и ходатайства могут быть использованы для прояснения обстоятельств дела или просто носить ошибочный характер. Судебный акт приоб-

ретает признак обоснованности в случае, когда суд установил обстоятельства, имеющие значение для дела, в полном объеме, достаточном для вынесения решения, их доказанность, а выводы соответствуют установленным обстоятельствам. Цель здесь — подготовка такого судебного акта, который бы убеждал каждого добросовестного человека в согласии с ним. Обоснованность включает в себя фиксацию в тексте документа истинно существующих отношений, а также содержание в тексте подробного анализа обстоятельств и доказательств, при помощи которых суд выяснил объективно существующие отношения — объективную истину. Обоснованность судебного документа строится на основании полноты суждений обо всех юридических фактах, подлежащих установлению, а также их истинности. *Полнота* судебного акта означает то, что в нем исчерпывающе разрешены все вопросы о каждом требовании. Полнота судебных документов — это наличие в них всех необходимых реквизитов, а также достаточной аргументации.

Законность и обоснованность — связанные категории. Вместе с тем под законностью понимают точное и неуклонное соблюдение судом и всеми участниками процесса действующих норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении дела. Обоснованность же выражается в том, что выводы авторов судебных документов основываются на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Решение по делу будет обоснованным, если суд каждый юридический факт по делу установил в точном соответствии с действительностью (Avdyukov, 1959:103). Законность также может рассматриваться как правильное применение норм права. Обоснованность порой толкуется как объективная истинность выводов суда о фактических обстоятельствах дела. Законность и обоснованность судебных актов закреплены в арбитражно-процессуальном законодательстве в качестве обязательных для всех судебных актов (ст. 15 АПК РФ), а в гражданско-процессуальном лишь для решений (ст. 195 ГПК РФ):

Обоснованность, в свою очередь, тесно связана с мотивированностью, представляющую важное качество судебных документов. Мотивы придают логичность и последовательность документальной деятельности всех участников процесса, обеспечивают проверку их законности и обоснованности судом и иными участниками.

Требование *мотивированности* — это внешнее выражение обоснованности, которое дает возможность представить внутреннюю логику документа от начала изложения до формулировки выводов или требований. Мотивированность судебного документа заключается в необходимости акцентирования внимания его автора на действиях по его мотивировке, на обязательности указания в нем совокупности мотивов, которые показывали бы, какую мыслительную, логико-практическую деятельность осуществил автор при подготовке документа. Применительно к судебным документам вообще мотивировать необходимо не только содержательную часть, но и причины и необходимость создания до-

кумента. В нем должны полно и всесторонне быть отражены результаты по изложению и оценке всех известных имеющих значение для дела обстоятельств, а также их квалификации, с изложением мотивов, на основании которых одни положения принимаются, а другие отвергаются. Мотивировка — это отражение логической, мыслительной деятельности автора документа при реализации требований законности и обоснованности. В документе должен отражаться алгоритм рассуждений его автора.

Мотивированность касается как вопросов права (процессуального и материального), так и вопросов факта. Она отражает связь между фактическими обстоятельствами дела и выводами, позволяет вскрыть противоречия в суждениях и, кроме того, раскрывает личностное понимание автором документа применяемых правовых норм. Мотивированность является неотъемлемым требованием судебного решения как акта правосудия, поскольку в нем отражается природа судебной власти. Таким образом, требования законности, обоснованности и мотивированности должны касаться всех судебных документов, в особенности же судебных актов.

В то же время действующее законодательство не предусматривает возможности отмены постановления суда проверочной инстанции ввиду его необоснованности. Необоснованность является основанием отмены только судебных актов судов первой инстанции. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.1967 № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» указано, что «приговоры, решения, определения и постановления судов должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными, составленными в ясных и понятных выражениях»³.

Помимо требований, предъявляемых к судебным документам, закрепленных в законодательстве, можно выделить и иные, в частности, *определенность*, что предполагает их безусловность, применительно к судебному акту — невозможность вынесения иного. Требование *целесообразности* означает допустимую в пределах законности возможность усмотрения с учетом конкретных обстоятельств дела с целью наиболее рационального разрешения правового конфликта с учетом интересов общества и индивида.

В связи с тем, что целесообразность тесно связана с требованием законности, следует разделить эти требования для разных видов судебных документов. Для судебных актов это в большей мере требование законности, для иных судебных документов — целесообразности. Поскольку судебное усмотрение осуществляется в заранее установленных законодателем рамках, требование целесообразности является составной частью законности и подчинено ему.

Такое требование, предъявляемое к судебным актам, как *справедливость*, закреплено законодателем в уголовном процессе. Однако, Р.Е. Гукасян

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.1967 № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» // СПС КонсультантПлюс.

и А.Т. Боннер полагают возможным использовать его в рамках гражданского и арбитражного процесса. Законное и обоснованное решение, по общему правилу, должно быть справедливым. Проблема соотношения законности и справедливости заслуживает отдельного рассмотрения. Однако документ может быть несправедливым, когда: а) норма права в той или иной мере не справедлива; б) имеется пробел в праве; в) автор злоупотребляет правом, руководствуется буквой закона, однако не учитывает его дух. Справедливость предполагает правильную квалификацию спора с целью разумного применения правовых норм, отвечающих морально-нравственному их содержанию и, обусловленное требованиями общественной оценки судебного документа как справедливого.

Справедливость — требование относительное, оно зависит от процессуальной позиции автора. Кроме того, оно может быть применено лишь к части документов, а именно официальным документам.

О справедливом судебном разбирательстве указывается как на уровне международно-правовых документов (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), так и в российском процессуальном законодательстве (ст. 2 АПК РФ, ст. 2 ГПК РФ).

В научной литературе сложилось три основных подхода по вопросу соотношения права и справедливости. Справедливость — категория либо моральная (Дж. Остин, Г. Кельзен), либо правовая (В.С. Нерсесянц), либо морально-правовая (О.Э. Лейст). Справедливость является неотъемлемой ценностью права, одной из основных, однако она зачастую должна конкретизироваться в отдельных принципах и правилах. В идеальном случае справедливость воплощается в правовой норме. Однако из-за несовершенства юридической техники, отставания законодательства правовая норма может не выражать ценность справедливости. В этом случае роль судебных документов состоит в том, чтобы реализовать данный принцип. Судебные документы создаются для того, чтобы, прежде всего, побуждать, информировать, убеждать, записывать, описывать, исполнять, обязывать кого-либо действовать или бездействовать и т.п.

Язык и стиль судебных документов обеспечивают ясность и доступность языка правосудия, что «должно формировать общественное мнение о независимости и справедливости судебной власти» (Reshenkin, Pavlov, 2001:115).

В судебных актах отражается авторитет судебной власти, это «один из немногих документов, принимаемых государством в отношении конкретного лица, поэтому его грамотное изложение и правильное оформление являются показателем уровня нашей культуры и уважения к гражданам» (Komarov, 2003:6).

Процессуальное законодательство подробно регламентирует форму, структуру, содержание и требования, которым должны отвечать судебные акты. Судебный акт, по сути, является наиболее совершенной разновидностью судебных документов.

Обязательная письменная форма судебного акта предусмотрена процессуальным законодательством. Судебные акты должны состоять из вводной,

описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Требования к содержанию судебных актов предусмотрены статьями 127, 198, 225, 329, 338, 366 ГПК РФ, статьями 170, 271, 306 АПК РФ, статьями 297, 304–308 УПК РФ.

Ст. 33 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации (не применяется с 01.09.2016, за исключением процессов, начатых и не завершённых до дня вступления в силу Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») регулировала вопросы формы и содержания решений третейских судов, но не предусматривала четкой логической структуры этого судебного документа, а содержание данной статьи сводилось к перечислению вопросов, которые отражаются в решении.

Требования к языку судебных документов

Письменный характер судебных документов влияет на язык этих документов: это речь в отсутствие собеседника, требующая развернутости и полноты изложения, в целях придания своему содержанию логичности, понятности. *Логичность* построения текста является необходимым требованием для любого судебного документа. Под текстом мы понимаем несколько предложений, связанных между собой по смыслу и грамматически. Требования логики необходимо должны учитываться при составлении судебного документа.

При изложении судебных документов следует применять правила формальной логики. Соблюдение правил логики при изложении судебного документа придает ему завершенность и внутреннюю стройность. По форме любой судебный документ является силлогизмом, где большей посылкой выступает норма права, подлежащая применению, малой посылкой — установленные фактические обстоятельства, а выводом является требование, предписание, обращение.

Логика, кроме всего прочего, означает сочетаемость слов и предложений. «Логичность высказывания имеет предметный и понятийный уровни. Предметная логичность заключается в соответствии смысловых связей и отношений единиц языка в речи и отношениям предметов и явлений в реальной действительности. Понятийная логичность есть отражение структуры логичной мысли и логичного ее развития в семантических связях элементов языка в речи. Как правило, эти два вида логичности тесно связаны и в конкретном коммуникативном акте выступают в единстве. Разрыв понятийной и предметной логичности можно наблюдать тогда, когда связи и отношения объективной действительности, сущность явлений и событий сознательно искажаются и неправильно осознаются» (Reshenkin, Pavlov, 2001:118).

Логичность, как и точность, характеризует текст судебного документа со стороны его содержания. Логичность характеризует структуру семантики документа, его организацию, благодаря чему он становится доступным и уместным. Условиями логичности текста являются:

— овладение законами логического мышления, применение правил формальной логики в поисках новой истины;

— знание языковых средств, способствующих организации смысловой связанности и непротиворечивости элементов языковой структуры.

С.С. Алексеев говорил о юридическом языке, «особенностями которого являются императивный стиль изложения, определенность и *точность* мысли» (Alekseev, 1996:146), главная задача которого — добиться высокой определенности при максимальной простоте, учитывая такой признак, как конкретность содержания и абстрактность форм выражения. Эта задача в полной мере относится и к языку судебных документов, так как в них обобщаются, отражаются тексты нормативно-правовых актов.

По мнению Р.О. Халфиной, точность — «такое коммуникативное качество речи, которое возникает как соответствие смысловой стороны речи (плана содержания) предметно-вещной действительности и (или) системе выраженных понятий и проявляется в использовании слов в полном соответствии с их языковыми значениями» (Halfina, 1981:294).

Употребление в судебном документе неточного термина может привести к ошибке, отразиться на судьбах людей, деятельности организаций и учреждений. Юридическая теория и практика требуют однозначного употребления терминов, использования одних и тех же терминов для обозначения одних и тех же понятий, ликвидации неоправданного использования синонимов. Последствия неточности юридической квалификации действий конкретных лиц могут привести к нарушению режима законности в обществе. Можно выделить следующие черты текста судебного документа, которые обеспечивают его максимальную точность:

— использование слов и выражений в прямом, буквальном значении; иносказание, переносное понимание, скрытый подтекст и двойственность неприемлемы;

— единство применяемой терминологии — правовое понятие — должно обозначаться одним термином во всех судебных документах в рамках определенной разновидности процесса;

— применение терминов с четким, однозначным смыслом, отказ от двусмысленных и многозначных слов и выражений;

— единые способы изложения однотипных формулировок, отсутствие словесного украшательства;

— логическая последовательность и стройность изложения мысли, его смысловая завершенность (Halfina, 1981:294).

Можно сформулировать обобщенные требования, предъявляемые к языку судебных документов, которые направлены на достижение единства духа и буквы закона:

1) логически последовательное изложение материала, связь частей текста между собой, цельность и сбалансированность;

2) правильное использование юридических конструкций;

- 3) точность и определенность применяемой юридической формы: терминов, формулировок, выражений;
- 4) использование устоявшихся терминов и выражений;
- 5) экономичность, емкость, компактность выражений;
- 6) единообразие формы и структуры документов, способов изложения правового материала.

Судебный документ должен быть в максимальной степени доступен и убедителен, что предполагает простоту и понятность языка. Большое значение имеет соблюдение правил орфографии и пунктуации. Однако стиль документа должен обеспечить убедительность содержащихся в нем положений. Обязательно наличие заголовков, дат, указания на автора, наименование, номер дела или порядковый номер.

Важным средством юридической техники является распределение материала внутри документа в определенном, согласованном порядке.

Структура (внутреннее устройство документа) имеет значительные особенности в зависимости от типа документа. Большинство судебных документов должны иметь следующие разделы — вводную, описательную, установочную, мотивировочную, просительную или резолютивную.

Любой судебный документ включает фактическую и юридическую части. Фактическая часть содержит обстоятельства дела (суть, место и время события, его участники и др.), в юридической части дается ссылка на нормы права, подлежащие применению при разрешении конкретного вопроса или дела в целом.

Вводная часть обозначает разновидность документа, наименование издавшего его органа, место и дату исполнения. Описательная — излагает суть фактических обстоятельств, требующую разрешения проблему. Мотивировочная часть включает указание и ссылки на применяемые нормы права, регулирующие соответствующие правоотношения и причины их использования. В резолютивной части излагается вывод компетентного органа (суда) по делу, в просительной — суть просьбы участника процесса. Не все вопросы структуры судебных документов урегулированы нормами права. Например, в Кодексе РФ об административных правонарушениях отсутствует закрепление структуры постановления по делу об административных правонарушениях (ст. 261 КоАП РФ лишь указывает на необходимость включения в текст постановления определенных сведений). Вместе с тем это не означает, что материал может быть изложен в произвольной форме — необходимо выдерживать последовательность и логичность изложения фактов. Этот недостаток устранен в Кодексе административного судопроизводства РФ (ст. ст. 175–178).

Судебные документы должны отвечать требованиям достоверности, ясности, непротиворечивости и др. Документы как доказательства должны быть относимыми, допустимыми, достаточными. Служебные судебные документы должны быть грамотными, краткими, содержательными.

Требования, предъявляемые к судебным документам, формируются исходя из представлений о качестве данных документов. Это качество должно обеспечивать надлежащее разрешение судебных споров. Качество судебного документа определяет его пригодность для эффективной защиты законных прав и интересов, регулирования конкретных правовых отношений. Под качеством документа понимается совокупность свойств и признаков, определяющих документ и степень его соответствия предназначению (Kushnarenko, 2008:34–38).

Судебные документы должны соответствовать экономическим потребностям развития общественных отношений. Под качеством закона (как разновидности юридического документа) С.В. Поленина понимает единство трех составляющих: социальной, политической и юридической. Социальная составляющая выражается в степени соответствия отражения в законе объективных процессов, происходящих в обществе. Политическая составляющая показывает степень соответствия методов правовой регламентации требованиям правовой политики и задачам общественного развития. Юридическая составляющая проявляется в рациональности внутренней организации нормы, закона, системы законодательства в целом (Polenina, 1993:37).

Применительно к судебным документам, данные составляющие трансформируются в применении законов в процессе отправления правосудия в соответствии с потребностями общественного развития. Социально-юридические свойства судебного документа проявляются в возможности реализации функций права, в частности, защите прав личности, общества и государства, регуляции общественных отношений в интересах указанных субъектов. Юридические его свойства определяются функцией отправления правосудия.

Судебный документ — это, прежде всего, текст. Требования к судебному документу как разновидности текста — *достоверность, грамотность, конкретность, своевременность, точность.*

Судебный документ должен отвечать требованиям *достоверности*, что означает его соответствие действительности. Говоря о нормативно-правовых актах, О.А. Городов указывает на три вида достоверности: фактическую (соответствие текстуального выражения акта истинной воле лица, его принявшего; верное указание реквизитов); юридическую (опубликование в официальном источнике); логическую (единство подходов к терминологии, непротиворечивость регулирования одних и тех же правоотношений в разных актах) (Gorodov, 2004:61–62). Можно распространить данное требование и на судебные документы со следующими поправками: фактическая достоверность означает адекватное выражение воли автора документа, а также ее соответствие реальным фактическим обстоятельствам; юридическая достоверность предполагает действие в соответствии с требованиями закона, верную правовую квалификацию действий; логическая достоверность более всего идентична достоверности нормативно-правовых актов, так как основывается на соблюдении законов формальной логики.

Достоверность наиболее актуальна для такого вида судебных документов, как доказательства. В отношении судебных актов достоверность предполагает обоснованность и законность, а также аутентичность текста. Достоверность протокола процессуального действия означает правильное отражение последовательности и сути совершаемых действий, четкое фиксирование необходимой информации.

Содержащиеся в документе сведения должны быть достоверными. Наличие ложных сведений в судебном документе может привести к вынесению неправосудного решения. Не случайно за дачу ложных показаний наступает уголовная ответственность.

Отсутствие в форме и содержании судебного документа каких-либо важных сведений делает его недостаточным, неполноценным. Например, судебное решение, в котором отсутствует мотивировочная часть, или которое не подписано судьей, подлежит отмене. Требование *полноты* судебного документа показывает, что судебная работа не терпит спешки, должна выполняться кропотливо и грамотно, а неполнота судебного документа отражает неквалифицированность участника судебного разбирательства.

Юридическая и лингвистическая *грамотность* означает правильное использование юридической техники, применение необходимых юридических терминов, конструкций, оборотов. Следует заметить, что подготовка судебных документов привела к необходимости формирования юридической техники создания судебных документов. Следует упомянуть о полезности использования шаблонов для написания тех или иных документов.

Лингвистическая грамотность предполагает соответствие текста судебного документа правилам русского языка: орфографии, пунктуации, стилистике и т.д. Юридическому тексту присущи императивность, точность, шаблонность, официальность (Shirobokova, 2007:54).

Понятность и доходчивость для всех участников процесса судебных документов выступает необходимым требованием. Это связано с тем, что очень часто с судебными документами вынуждены сталкиваться не юристы и граждане, не обладающие высшим образованием.

В настоящее время активно формируются правовые базы и банки данных судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции, создаются системы по размещению необходимой информации в сети Интернет. Размещение судебных документов в открытом доступе делает необходимым повышение культуры изложения всех без исключений судебных документов, которые должны отвечать строгим требованиям. В гражданском и уголовном процессе действует принцип устности судебного разбирательства. Однако основные стадии и результат рассмотрения дела фиксируется письменно посредством судебного акта. Судебные акты могут быть изготовлены в виде отдельного документа или содержаться в протоколе судебного заседания. Именно фиксация судебной деятельности в судебных актах делает правосудие прозрачным, по-

сколькx становится возможным контроль за деятельностью суда на всех стадиях процесса.

В науке гражданского и арбитражного процессуального права более всего разработаны требования, предъявляемые к судебным актам.

Последние должны изготавливаться с учетом соответствующего языка и стиля изложения, что обеспечивает ясность и доступность языка правосудия, формирует мнение о независимости и справедливости судебной власти. Доступность применительно к судебным актам предполагает исполнимость. Так как судебный акт принимается в отношении конкретного лица, его грамотность и правильное оформление является показателем уровня культуры суда и уважения к гражданам. Культура оформления судебных документов предполагает логичность и последовательность изложения материала, мотивированность, соблюдение стиля, соответствующего жанру документа. «Неточно употребленное слово в судебном акте вызывает неопределенность в толковании и может породить судебную ошибку, влекущую за собой не только продолжение тяжбы, но и драматические последствия» (Materov, Sudakov, 2003:7).

При изложении судебных актов используется деловой стиль, адаптированный для языка судопроизводства, а все судебные документы «должны отвечать требованиям *уместности, экономичности, точности, логичности и правильности речи*» (Reshenkin, Pavlov 2001:117).

Требование *уместности* заключается в том, что судебные документы оформляются с соблюдением правил письменной речи. Поэтому недопустимым является употребление элементов устной разговорной речи, применение неологизмов, эмоционально окрашенных, просторечных, диалектных и жаргонных выражений, которые противоречат официальному стилю документа.

Экономичность предполагает использование простых, ясных и понятных терминов, легко воспринимаемых фраз. Сложные грамматические конструкции, нагромождение дублирующих языковых средств делают документ малопонятным и фактически недоступным для участников процесса.

Точность означает умение ясно мыслить, знать предмет речи, употреблять термины в правильном значении.

Правильность изложения судебного документа означает, кроме всего прочего, сочетаемость грамматических форм. К сожалению, если простая орфография и пунктуация могут быть исправлены при помощи текстовых редакторов, сложные грамматические формы не всегда поддаются машинной проверке. Соблюдение официального языка и стиля судебных документов отражается на авторитете судебной власти. Многие авторы предлагают ввести единые образцы судебных документов, что позволило бы сократить количество юридических и языковых ошибок, а также привело бы к повышению уровня гражданского и арбитражного делопроизводства.

Законодательно закреплено применение бланков процессуальных документов в уголовном процессе (главы 56, 57 УПК РФ). Введение единых бланков

процессуальных документов для системы судов общей юрисдикции и совершенствование типовых форм для арбитражных судов будет способствовать единому стилю изложения судебных актов, повышению авторитета судебной власти (Zagainova, 2007:14).

Применение бланков процессуальных документов предусмотрено ГПК РФ (ч. 3 ст. 127) в отношении оформления судебного приказа. В настоящее время повсеместно издаются сборники примерных образцов судебных документов, что является хорошим подспорьем для повышения уровня грамотности соответствующих текстов.

Однако введение бланков судебных документов не решит в полном объеме проблемы наличия ошибок, так как данные бланки содержат лишь каркас изготавливаемого документа, который наполняется конкретным содержанием при разрешении процессуального вопроса или рассмотрении и разрешении дела по существу.

Введение электронных бланков судебных документов позволяет значительно экономить время, что способствует соблюдению сроков рассмотрения дел.

Положительный опыт использования единых бланков процессуальных документов существует в рамках Европейского сообщества. Так, с 21 января 2005 года в государствах — участниках Европейского Союза применяются единые бланки европейского исполнительного листа по бесспорным требованиям. В приложении к Регламенту Европейского парламента и Совета Европейского Союза 805/2004 от 21.04.2004 о введении Европейского исполнительного листа по неоспариваемым искам содержатся установленные бланки сертификатов европейского исполнительного листа для решений, мировых соглашений, для отзыва исполнительного листа и т. д.

Требования, предъявляемые к тексту судебного документа, кроме всего, носят делопроизводительный характер и должны обеспечивать культуру изложения содержания и внешнего оформления. Они конкретизируют требования, которые вытекают из общих начал культуры общества и российского права, а также обусловлены возможностью их реализации и выполнением воспитательной функции. Требования делопроизводства, предъявляемые к судебным документам, немногочисленны, элементарны и бесспорны.

Документ должен быть оформлен грамотно, без орфографических ошибок с соблюдением соответствующего стиля. Язык судебного документа должен сосредотачивать внимание на его содержании, сущности. Предложения следует строить короткими, по возможности без придаточных предложений, избегая местоимений. Переход от одной мысли к другой должен быть логичным и естественным.

Таким образом, к требованиям, предъявляемым к судебным документам, следует отнести современность и правильность стиля, логичность, четкость и ясность изложения, грамотность и культурность в самом широком смысле. Пренебрежение указанными требованиями снижает убедительность документа,

а также авторитет его автора. Здесь же следует указать на требования, относящиеся к содержанию судебного документа, а также к порядку изложения, последовательности и расположению материала. Предлагается выделить следующие аспекты:

1) в документе должна быть изложена вся необходимая информация, достаточная для достижения документом поставленных автором целей;

2) изложенная информация должна быть надлежащим образом аргументирована, отвечать требованиям доказанности;

3) документ должен отвечать установленным правилам оформления.

Можно выделить такие требования к судебным документам, как *целесообразность, аргументированность, аналитичность* (Rabchuk, 2008:153).

Любой судебный документ должен быть логичным, полным и четким. В нем должно отображаться только то, что касается цели, с которой изготовлен документ, поскольку второстепенные детали, большой текст затрудняет понимание. При подготовке текста следует соблюдать последовательность изложения событий, фактов, иных сведений, не переходить от одного вопроса к другому, возвращаясь опять к предыдущему.

Требования, предъявляемые к форме судебных документов, следует разделить на две группы:

1) правила, относящиеся к стилю изложения (ясность, системность, официальность, точность, правильность и т.д.);

2) правила, относящиеся к структуре документа (вводная, описательная, мотивировочная, просительная или резолютивная) (Aliev, Chewak, 2012:108).

Кроме того:

— формулировки должны быть грамматически единообразными, что означает использование единого юридического понятийного аппарата;

— терминология судебных документов должна отличаться в зависимости от отраслей процессуального и материального права.

Текст судебного документа — это письменное литературное произведение, а поэтому к нему могут предъявляться такие же требования, как к любому другому произведению книжно-письменной речи, но со свойственными для него грамматическими формами и конструкциями, которые отражают его специфику.

Имеет смысл предложить стандарты для требований, предъявляемых к каждой разновидности судебных документов, подобно тому, как в ст. 15 АПК РФ установлены требования, обязательные для судебных актов.

Стоит стремиться к изложению текста, приводящего к однозначному его пониманию. Вариативность интерпретаций в этом случае должна быть сведена к минимуму. Выбор варианта понимания здесь не только должен соответствовать коммуникативной ситуации, но быть максимально объективным, однозначным и преодолеть возможность множественной субъективной интерпретации. Требование максимального объективизма означает устранение из текста судебных документов различного рода субъективных проявлений: «оценочно-

сти», эмоциональности, художественных украшений, использование терминов, за которыми стоят устойчивые, определенные понятия. Такие понятия должны быть официально признаны, легитимны, отвечать требованию верификации, как в юридической науке, так и на практике. Судебные документы должны соответствовать принципу максимальной конкретизации и максимального ограничения смысла, определенности смысловых границ между словами, тождественности употребления смысла одного термина в разных контекстах и текстах, непротиворечивости суждений.

Заключение

Рассмотрены основные требования, предъявляемые к судебным документам. Каждый из них может быть детализован и развернут, стать предметом самостоятельного подробного исследования. Соблюдение перечисленных требований позволит судебным документам выполнять свои функции. Требования к судебным документам имеют важнейшее значение для процесса отправления правосудия. Такие требования не только позволяют создать правильный документ, но и достичь основной цели судебного процесса — разрешения дела по существу, вынесения справедливого судебного акта. Требования к судебному документу должны соблюдаться на всех этапах разработки документа, а также на всех стадиях судебного разбирательства. Строгость и количество требований зависит от разновидности судебного документа. Требования к судебным документам могут пониматься как технико-юридические критерии качества таких документов. Актуальным является детальная разработка средств юридической техники, относящихся непосредственно к подготовке судебных документов. Целью юридической техники (техники подготовки судебных документов в том числе) является рационализация юридической деятельности в рамках судебного делопроизводства, достижение ясности, точности, простоты и единообразия.

Судебный документ, который изготовлен в соответствии со всеми необходимыми требованиями, может и должен сыграть важную роль в процессе применения и охраны права.

Библиографический список / References

- Avdyukov, M.G. (1959) *Sudebnoe reshenie [Judgment]*. Moscow: Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Авдюков М.Г. Судебное решение / М.Г. Авдюков. М.: Госюриздат, 1959. 134 с.
- Alekseev, S.S. (1996) *Gosudarstvo i pravo [State and law]: textbook*. 3rd ed., recycled and add. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Государство и право: учебник. Начальный курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. Лит., 1996. 190 с.
- Aliev, T.T. Chewak, I.I. (2012) *Ponyatie i vidy trebovaniy, pred'yavlyemykh k resheniyu suda pervoi instantsii v grazhdanskom proizvodstve [The concept and types of requirements for the decision first instance courts in civil proceedings]*. *Modern law*. No. 8. 107–111. (in Russian).
Алиев Т.Т., Жевак И.И. Понятие и виды требований, предъявляемых к решению суда первой инстанции в гражданском производстве // Современное право. 2012. № 8. С. 107–111.

- Gorodov, O.A. (2004) K voprosu o dostovernosti normativnih pravovih aktov [To the question of the reliability of regulatory legal acts]. *Arbitration disputes*. Saint Petersburg, 2 (26). 59–65. (in Russian).
Городов О.А. К вопросу о достоверности нормативных правовых актов // Арбитражные споры. СПб., 2004, № 2 (26). С. 59–65.
- Zagainova, S.K. (2007) O sovershenstvovanii formi sudebnykh dokumentov v grazhdanskom i arbitraznom processah Rossii [On improving the form of court documents in civil and arbitration processes in Russia]. *Russian judge*. 6. 13–15. (in Russian).
Загайнова С.К. О совершенствовании формы судебных документов в гражданском и арбитражном процессах России // Российский судья. 2007. № 6. С. 13–15.
- Zaitsev, I.M. (1985) *Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom protsesse [Resolving Judicial Mistakes in Civil Procedure]*. Wikut M.A. (ed.). Saratov: Publisher Saratov University Publ. (in Russian).
Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе // И.М. Зайцев / под ред. М.А. Вкут. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 135 с.
- Kleinman, A.F. (2005) *Noveishie techeniya v sovetskoj nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava. Grazhdanskii protsess. Khrestomatiya [The latest trends in Soviet science of civil procedural law. Civil process. Anthology]*. Prof. Treushnikov M.K. (ed.). Moscow: Publishing House “Gorodets” Publ. (in Russian).
Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Гражданский процесс. Хрестоматия: Учебное пособие / под ред. проф. М.К. Треушникова. М.: ИД «Городец», 2005. 890 с.
- Komarov, A.N. (2003) *Yazyk i stil' sudebnykh dokumentov. Prakticheskie rekomendatsii po oformleniyu sudebnykh aktov [Language and style of court documents. Practical recommendations for execution of judicial acts]*. Compilers E.P. Popova, Yu.S. Fadeeva, T.N. Tsiplakova. Saint Petersburg: Kadis Publ. (in Russian).
Комаров А.Н. Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов / Сост. Е.П. Попова, Ю.С. Фадеева, Т.Н. Циплакова. СПб.: Кадис. 2003. 63 с.
- Kushnarenko, N.N. (2008) *Dokumentovedenie: Uchebnik [Documentation]*. 8th edition. Kiev: Znannia Publ. (in Russian).
Кушнарченко Н.Н. Документоведение: Учебник. 8-е изд., стер. Киев: Знання, 2008. 459 с.
- Materov, N.V., Sudakov, G.V. (2003) *O yazyke sudebnogo resheniya. Yazyk i stil' sudebnykh dokumentov: prakticheskie rekomendatsii po oformleniyu sudebnykh aktov [On the language of the judgment. Language and style of judicial documents: practical recommendations on the execution of judicial acts]*. Compiled A.N. Komarov. Saint Petersburg: Publishing house LLC “Kadis” Publ. (in Russian).
Матеров Н.В., Судаков Г.В. О языке судебного решения. Язык и стиль судебных документов: практические рекомендации по оформлению судебных актов / сост. А.Н. Комаров. СПб.: Изд-во ООО «Кадис», 2003. 63 с.
- Reshenkin, A.G., Pavlov, N.V. (2001) O yazyke sudoproizvodstva i stile sudebnogo akta [On the language of the proceedings and the style of the judicial act]. *Bulletin of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation*, No. 7. 114–121. (in Russian).
Решенкин А.Г., Павлов Н.В. О языке судопроизводства и стиле судебного акта // Вестник ВАС РФ, 2001. № 7. С. 114–121.
- Polenina, S.V. (1993) *Kachestvo zakona i effektivnost' zakonodatel'stva [The quality of law and the effectiveness of legislation]*. Ya.A. Kunik (ed.). Moscow: Publishing House of IGP RAN Publ. (in Russian).
Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства // С.В. Поленина / под ред. Я.А. Куник. М.: Изд-во ИП РАН, 1993. 56 с.

- Rabchuk, V.N. (2008) *Processualnaya dokumentatsiya [Procedural documentation]*: Teaching aid. Rostov-on-Don: Phoenix Publ. (in Russian).
Рабчук В.Н. Процессуальная документация: Учеб.-метод. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 379 с.
- Sokolova, M.A. (2016) *Defecty yuridicheskikh dokumentov [Defects in legal documents]*. Monograph. Moscow: Publishing House "Yurisprudentsya" Publ. (in Russian).
Соколова М.А. Дефекты юридических документов: Монография / М.А. Соколова. М.: ИД «Юриспруденция», 2016. 160 с.
- Halfina, R.O. (1981) *Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva [Scientific foundations of Soviet lawmaking]*. Gavrilov, O.A., Koldaeva, N.P., Pigolkin, A.S., Polenina, S.V. and etc.; Ed. ed. Halfina R.O. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
Халфина Р.О. Научные основы советского правотворчества / Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В. и др.; Отв. ред. Халфина Р.О. М.: Наука, 1981. 317 с.
- Shirobokova, L.P. (2007) *Yuridicheskie teksty: opyt grammatiko-tipologicheskogo issledovaniya (na primere nemetskogo i russkogo yazykov) [Legal texts: experience of grammar-typological research (on the example of German and Russian languages)]*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. [dis. ... Candidate of Philology science: 10.02.20]. Moscow. (in Russian).
Широбокова Л.П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2007. 179 с.
- Chechina, N.A. (2004) *Norma prava i sudebnoe reshenie [Rule of law and judgment]*. *Russian Yearbook of the Civil and Arbitration Process*, 2002–2003. Saint Petersburg: Publishing House Saint Petersburg State University Publ. 2. 656–721. (in Russian).
Чечина Н.А. Норма права и судебное решение // Н.А. Чечина / Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2002–2003. СПб.: Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004, № 2. С. 656–721.

Об авторах:

Ахметова Светлана Васильевна — заместитель председателя Арбитражного суда Красноярского края в отставке
ORCID ID: 0000-0003-4292-2401
e-mail: s.v.ahmetova@mail.ru

Бабенко Андрей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Третьего арбитражного апелляционного суда
ORCID ID: 0000-0003-1579-9807
e-mail: babenkodoc@mail.ru

Для цитирования:

Ахметова С.В., Бабенко А.Н. Требования, предъявляемые к судебным документам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 7–24. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-7-24.

Дата поступления в редакцию: 13 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

REQUIREMENTS FOR COURT DOCUMENTS

Svetlana V. Akhmetova¹, Andrey N. Babenko²

¹The Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory
1, Lenin str., 660049, Krasnoyarsk, Russia

²Third Arbitration Court of Appeal
9, Ave. Mira, 660049, Krasnoyarsk, Russia

This article is devoted to the analysis and formulation of requirements for judicial documents. The relevance of the stated topic is explained by the need to improve the communication process and improve the efficiency of justice. The most developed are the issues of requirements for judicial acts. At the same time, the requirements for other judicial documents — petitions, statements, written evidence are important. The most important are the requirements of legality, validity, motivation. However, we must not forget such requirements as completeness, consistency, literacy. As part of the general characteristics of judicial documents, attention was paid to the requirement of fairness and expediency. Close attention is paid to the language and style of court documents. The requirements for the form and content of court documents are formulated. The author comes to the conclusion that it is necessary to legislate the requirements for some varieties of judicial documents, just as the requirements for judicial acts are fixed.

Key words: judicial documents, legal documents, requirements for judicial documents, language of judicial documents, judicial acts

About authors:

Svetlana V. Akhmetova — retired deputy chairman of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory

ORCID ID: 0000-0003-4292-2401

e-mail: s.v.ahmetova@mail.ru

Andrey N. Babenko — Doctor of Law, Professor, Judge of the Third Arbitration Court of Appeal

ORCID ID: 0000-0003-1579-9807

e-mail: babenkodoc@mail.ru

For citation:

Akhmetova, S.V., Babenko, A.N. (2020) Requirements for court documents. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 7–24. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-7-24.

Article received November 13, 2019

Article accepted December 25, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-25-45

Научная статья

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРАВОВЫХ СОСТОЯНИЙ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Е.Ю. Цуканова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Белгород, Россия, ул. Победы, д. 85

Статья посвящена проблемам становления и позиционирования категории «правовое состояние» в правовой науке. Актуальность данного явления в праве обусловлена отсутствием однозначного его восприятия, что не позволяет в полной мере определить его место и назначение в теории юридических фактов.

Цель настоящей статьи заключается в определении философско-диалектического основания включения данного понятия в научный категориальный аппарат юриспруденции. Это позволит с достаточной определенностью выявить его основные характеристики, место в классификации юридических фактов, а также функциональные связи с иными элементами юридико-фактической системы.

Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись теоретические, общеправовые (диалектический, анализ, синтез, дедукция, системный метод), а также традиционные правовые методы (формально-логический, нормативно-догматический и иные).

В процессе исследования, основываясь на соотношении диалектических категорий движения и покоя, был сформулирован вывод о том, что физическая реальность представляет собой череду статических и динамических ситуаций. Статические обстоятельства, характеризующие стабильность и устойчивость явления или предмета, представляют собой состояния. Изменчивость общественных отношений обусловлена динамическими обстоятельствами, выступающими в качестве оснований для смены состояний.

Такой подход позволил сформулировать вывод о том, что состояния являются естественными элементами физического бытия. Их можно квалифицировать как реальные жизненные обстоятельства и, при условии, что норма права с ними связывает определенное правовое последствие, следует признавать их юридическими фактами.

Анализ места состояния в системе юридических фактов позволил прийти к выводу о том, что длительность по времени не может рассматриваться в качестве квалифицирующего его признака. Состояния характеризуются протяженностью во времени, причем именно «текучесть» явления имеет значение для определенной конкретной ситуации. Когда некий процесс занимает

© Цуканова Е.Ю., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

длительное время, но применительно к социальной ситуации имеет значение в качестве единого целого, то он должен рассматриваться как одномоментный факт.

Ключевые слова: правовое состояние; юридический факт; классификация юридических фактов; статические и динамические обстоятельства; факты однократного и непрерывного действия

Введение

Способом выявления особенностей отдельных элементов множества выступает классификация, являющаяся одним из фундаментальных процессов в науке. Она представляет собой всеобщую универсальную форму систематизации знаний о реальной действительности (Omel'chenko, 2008:34). Вследствие этого знание о месте предмета или явления в определенной классификации позволяет определить присущие ему признаки и свойства.

Юридический факт в наиболее обобщенном виде представляет собой реальное жизненное обстоятельство, с нормативной моделью которого правовая норма связывает возникновение определенных правовых последствий. Данное определение позволяет рассматривать юридический факт с двух сторон: материальной и идеальной. Материальная сторона характеризуется его жизненной реальностью, а идеальная тем, что такой факт отражен в идеальной нормативно-правовой системе.

Выделение двух сторон обуславливает возможность разделения всех признаков юридических фактов, которые могут выступить в качестве классификационного критерия, на две группы. Во-первых, это признаки, которые обусловлены физическими характеристиками жизненного явления, то есть материальной стороной юридического факта. И, во-вторых, признаки, которые становятся значимыми с точки зрения учета идеальной стороны юридического факта.

К числу признаков первой группы относится наличие воли субъекта к возникновению определенного жизненного обстоятельства (волевой критерий классификации юридических фактов). С точки зрения данного критерия все факты разделены на две группы, а именно события и действия.

Вместе с тем в общетеоретической, а также в отраслевой правовой науке, начиная с советского времени, широко обсуждается вопрос о возможности квалификации в качестве юридических фактов таких жизненных обстоятельств, как состояния. Нормы права зачастую связывают правовые последствия с такими явлениями или процессами, которые имеют определенную протяженность во времени. В качестве таких состояний рассматриваются, к примеру, состояние родства, состояние в браке, состояние аффекта, необходимой обороны, недееспособности, безвестного отсутствия и др. Вследствие этого правовые состояния вошли в научный категориальный оборот и, по мнению многих ученых, обрели характер юридического факта самостоятельного вида. Обособление правовых состояний в качестве отдельного вида юридически значимого обстоятельства породило научные дискуссии как о целесообразности такого подхода, так и о месте состояний в системе юридических фактов.

Развитие теории правовых состояний в отечественной юриспруденции

Влияние правовых состояний на движение права отмечалось еще в дореволюционной литературе. О правовом состоянии как одной из значимых категорий теории права говорил еще Д.И. Мейер, понимавший в качестве состояния принадлежность лица к определенному сословию: дворянству, духовенству, городским или сельским обывателям (Meier, 2003:105). В.И. Синайский, исследуя проблематику правовых отношений супругов, отмечал, что «возникший брак, пока он не прекращен или расторгнут, создает особое состояние — брачный союз...» (Sinaiski, 2002:498). Е.Н. Трубецкой также обращал внимание на то обстоятельство, что «право может изменяться не только вследствие мимолетных событий, но и под влиянием длящихся состояний» (Trubetskoi, 1917:201).

Однако в трудах приведенных ученых упоминание состояний и их правовой анализ носят эпизодический характер. Никакой дополнительной проработки состояний как фактора, влияющего на правовую материю, не проводилось.

Большее внимание правовым состояниям было уделено уже в советский период развития отечественной правовой науки. Высказывались разные, порой диаметрально противоположные, мнения в отношении необходимости выделения фактов — состояний и их места в классификации юридических фактов. Дискуссии по поводу места правовых состояний в системе юридических фактов не прекращаются вплоть до настоящего времени.

Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что позиции исследователей по поводу признания состояний самостоятельным видом юридических фактов разделились. Одна группа ученых не видит существенной специфики в правовых состояниях и вследствие этого за состоянием не признает качество самостоятельного юридического факта. К примеру, С.Ф. Кечекьян рассматривал состояние в качестве предпосылки правоотношения, но не в качестве юридического факта, обусловившего возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Тем не менее, автор не был абсолютно категоричен в данном суждении, и при дальнейшем обсуждении этого вопроса им было отмечено, что «во всяком случае, если относить состояния к числу юридических фактов, то совершенно очевидно, что нельзя классифицировать юридические факты на действия, события и состояния». Деление первых двух осуществляется в зависимости от наличия признака человеческой воли, в то время как состояния могут иметь значение юридического факта совершенно по другому признаку (Kechek'yan, 1958:173–174). Таким образом, видно, что критичным для автора является не то обстоятельство, что состояния не являются юридическими фактами, а факт невозможности поставить их в один ряд наряду с событиями и действиями.

Скептически относился к правовым состояниям и С.Н. Братусь. По мнению ученого, «понятие гражданского состояния самостоятельного значения в СССР не имеет и по существу является излишним. Это понятие охватывает

разнородные явления: то, что наше законодательство именуется гражданским состоянием — это правоспособность лица, состояние его принадлежности к брачному союзу и к семье (или отсутствие такой принадлежности) и имя лица» (Bratus', 1950:84).

Наиболее последовательно и обстоятельно отстаивала свое отношение к юридическим состояниям Р.О. Халфина, не признававшая за состоянием качество юридического факта. Ее критика основывалась на том, что обстоятельством, обуславливающим динамику правоотношения, является факт, на основе которого возникает соответствующее состояние. В качестве примера приводятся вступление в брак, заключение трудового договора и иные. При таком подходе состояние отождествляется с делящимся правоотношением. Это видно из мысли автора о том, что «нельзя предложить определенный критерий, который дал бы возможность отграничить состояние от делящегося правоотношения» (Khalfina, 1974:288–289).

О.А. Красавчиков, не признавая за состояниями самостоятельной правовой сущности, писал, что они «должны быть отнесены не более как к правоотношениям, характерной чертой которых (в отличие от большинства гражданско-правовых обязательств) является относительная стабильность» (Krasavchikov, 1958:83).

Некоторыми юристами допускалось юридическое значение правового состояния и некоторой способности выступать в качестве основания возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Однако такая способность признавалась только в том случае, если состояние является отдельным элементом фактического состава. Так, В.П. Шахматов, к примеру, писал, что состояние в родстве или в браке ничего не добавляет к уже сложившемуся порядку вещей. Поэтому состояние не способно порождать какие-либо самостоятельные правовые последствия. Их юридическое значение может проявляться только в качестве элемента фактического состава (Shahmatov, 1978:9). Аналогичным образом рассматривает состояние и П.Т. Полежаи, по мнению которой оно «входит в фактический состав и поэтому не может в отрыве от указанных здесь обстоятельств породить право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания от другого супруга. Это относится и к любым другим состояниям, которые не могут сами по себе служить основанием возникновения, изменения или прекращения тех или иных правоотношений» (Polezhai, 1965:51).

Вместе с тем в советской правовой науке неоднократно высказывалось и поддерживалось иное мнение, согласно которому правовые состояния признавались в качестве самостоятельного вида юридических фактов.

Первым из советских правоведов, который в качестве самостоятельного вида юридических фактов предложил выделять состояния, стал К.А. Стальгевич (Stal'gevich, 1957:31). В дальнейшем О.С. Иоффе также предлагал «наряду с событиями и действиями, выделить в особую группу под общим наименованием юридических обстоятельств такие неволевые явления, которые существуют по-

стоянно или в течение длительного времени, порождают непрерывно или периодически определенные правовые последствия и не погашаются в единократном акте правового действия» (Ioffe, 1949). Как видно, ученый предлагал выделять состояния, но наряду с традиционными событиями и действиями.

Ю.К. Толстой, обособляя состояния как отдельную разновидность юридических фактов, писал, что «было бы неверно отрицать за состоянием как таковым значение юридического факта. Так, состояние в браке, состояние в родстве сами по себе вызывают определенные правовые последствия, а, следовательно, имеют значение длящихся юридических фактов. В то же время состояния должны быть выделены в особую группу юридических фактов, поскольку они могут иметь как волевой (состояние в браке), так и неволевой характер (состояние в родстве)» (Tolstói, 1959:14).

Положительно оценивает идею юридических состояний в качестве самостоятельного вида юридических фактов и В.Б. Исаков. Ученый оспаривает мнение о том, что состояние не имеет самостоятельного фактологического значения, поскольку в действительности юридическим фактом выступает то явление, которое послужило основанием возникновения состояния. Учитывая данное обстоятельство, им подмечается, что «состояния, имея основой некоторые юридические факты, в своем дальнейшем существовании отрываются от своей фактической основы, приобретают самостоятельность и как юридические факты входят в фактические составы различных правовых отношений» (Isakov, 1984:35).

Одними из первых ученых, которые проделали специальный анализ состояния как правовой категории, стали М.И. Байтин и В.М. Баранов. В совместной статье ими было показано общетеоретическое значение правового состояния, выводимого из философской категории «состояние» (Baitin, Baranov, 1991:36–54).

В настоящее время большинство представителей правовой науки позитивно относится к состояниям как самостоятельной правовой категории. За ними признается качество самостоятельной правовой сущности, обладающей отличительными признаками. Правовые состояния стали предметом нескольких монографических исследований (Parfenov, 2007; Novikova, 2005) и множества статей в периодической печати. Такое «дружное» положительное восприятие правовых состояний в правовой науке дает свои результаты, и состояния рассматриваются в качестве отдельных разновидностей юридических фактов уже и в учебной литературе.

Таким образом, к настоящему времени накопился значительный исследовательский материал относительно обособления состояния в качестве самостоятельной правовой категории. На основе его обобщения, а также с учетом философской основы данного явления можно высказать собственные соображения по этому поводу.

Обоснование самостоятельности правового состояния как юридического факта

Решая вопрос о возможности квалификации правовых состояний в качестве юридического факта, следует учитывать, что последний является отдельным фрагментом (дискретной частью) реальной социальной действительности. Эти элементы физической реальности представляют собой различные предметы и явления, которые находятся в состоянии взаимосвязи между собой. Основываясь на диалектических догматах, можно утверждать, что взаимосвязь всего существующего является всеобщей формой бытия, которая охватывает все предметы и явления, а также присущие им свойства. Всеобщая взаимосвязь явлений отражает наиболее общие закономерности существования мира, представляющая собой результат и проявление универсального взаимодействия всех предметов и явлений.

Нормы права и правоотношения, выступая в развитии, отражают движение общественной жизни в правовой форме, юридический факт при этом связывает абстрактную норму права и конкретное правоотношение между субъектами. Для того чтобы «привязать» определенное правило поведения к соответствующей жизненной ситуации, необходимо отразить ее посредством юридических средств в идеальной среде государственно-правовых явлений.

Однако отражение фактических жизненных реалий в правовой системе представляет собой далеко не простой процесс. Необходимо учитывать элементы как объективного, так и субъективного свойства, различные оттенки социальной ситуации и множество иных обстоятельств.

Право по отношению к физическому бытию выступает как регулирующая система. Однако регулирование только тогда может быть эффективным, когда мы заранее мысленно предвосхищаем тот результат, который хотим получить в результате регулирования. Система юридических фактов, отраженных в правовых нормах, должна, таким образом, основываться на системе жизненных явлений, которые, в свою очередь, находятся в состоянии всеобщей взаимосвязи. На основе данного утверждения можно с уверенностью предположить, что те принципы, которые положены в основу закономерностей существования реальной жизни, должны соответствующим образом быть спроецированы в плоскость правового (идеального).

Классификация юридических фактов должна учитывать все многообразие реального бытия, построенного на системных началах с учетом всеобщей взаимосвязи явлений. Вследствие этого, полагаем, имеется необходимость проанализировать основные формы существования физической реальности (с точки зрения философского подхода — материи).

В философском изменении атрибутами материи как всеобщими формами ее бытия признаются: пространство, время и движение. Пространство опре-

деляет протяженность субстанции, время — длительность ее существования, а движение характеризует изменение материи.

Движение, рассматриваемое как философская категория, своим содержанием отражает всеобщее неотъемлемое свойство бытия, а именно — его изменчивость. Движение в широком смысле обозначает любые изменения, происходящее в объективной действительности.

В то же время положение о том, что материя органически связана с движением и является способом ее существования, еще не говорит об отсутствии какого-либо постоянства. В философии различают движение, которое связано с сохранением устойчивости качеств и свойств предмета, а также движение, связанное с переходом одного качества к другому, то есть с изменением качественного состояния предмета. Для отражения первой формы движения и обозначения временной стабильности в постоянном изменении используют понятие «покоя», которое иногда противопоставляют движению. «В отличие от движения, выражающего постоянное изменение, покой выражает устойчивость, неизменность. <...> Покой представляет собой относительно устойчивую систему движения, движения в равновесии» (Sheptulin, 1971:162). Покой, таким образом, выступает в качестве особой формы движения. Состояние покоя фиксирует такие этапы в развитии явления, которые обеспечивают устойчивость и стабильность предмета, а также временное сохранения его определенных качеств и свойств.

Появление в физической реальности некоей сущности, которой присущи определенные устойчивые свойства, не говорит о возникновении навсегда застывшей субстанции. В ней с течением времени неизбежно происходят изменения, которые в конечном итоге приведут к ее исчезновению и появлению новых сущностей. Например, рождение человека приводит в физический мир материальный объект, который сначала развивается и, достигнув определенного уровня, происходит обратное движение, приводящее к старению и смерти. Таким образом, в период жизни человека можно говорить о существовании определенной физической сущности, что отражает некоторую устойчивость в бытии материи (ее покое). Однако физиологические изменения в теле человека (движение в покое) в конечном счете приведут к его исчезновению как материальной данности. Тем не менее, в период существования человека можно говорить о том, что он находится в состоянии жизни. Со смертью данное состояние прекращается. Данный пример далеко не единственный. Он всего лишь наиболее наглядный и показательный в плане иллюстрации соотношения движения и покоя как свойств материи. Отношение покоя в данной системе характеризует определенное состояние материи.

Категория «состояние» в философской литературе рассматривается как однопорядковое явление наряду с категориями «сущность», «качество», «отношение», «изменение» и другими, имеющими первостепенное значение. Состояние, таким образом, рассматриваемая как философская категория, может быть определена как

«специфическая форма реализации бытия, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях» (Simanov, 1982:60). Состояние определяет качества человека, предмета или явления на определенных отрезках своего существования. С течением времени и под влиянием сторонних сил меняются свойства объекта, и он переходит от одного состояния к другому.

Происходящие в реальном бытии изменения рассматриваются как смена состояний. Данное обстоятельство особенно подчеркивается в понятии состояния, приведенном в философской энциклопедии, согласно которому оно определяется как «совокупность основных параметров и характеристик какого-либо объекта, явления или процесса в определенный момент (или интервал) времени. Бытие этого объекта, явления или процесса выступает как развертывание, последовательная смена его состояний» (New philosophical encyclopedia, 2010:600). Понятие «состояние» в такой интерпретации представляет собой одну из наиболее важных и значимых понятийных категорий, которая отражает наиболее существенные и закономерные связи и отношения реальной действительности (Verestova, 2012:199).

Сказанное позволяет утверждать, что наше физическое бытие представляет собой череду явлений и предметов, которые имеют различную природу и назначение. Среди них можно обособить две разновидности, которые определяют статику и динамику нашей жизни соответственно.

Статику нашей жизни отражает такое понятие, как состояние. Оно характеризует стабильность и устойчивость явления или предмета. Последние будут находиться в относительно неизменном устойчивом состоянии до тех пор, пока на них не будет оказано воздействие со стороны внешних сил.

С учетом сказанного полагаем справедливыми суждения о том, что практически любое явление физической реальности находится в определенном состоянии. Это обуславливается наличием относительно стабильных свойств как его атрибутов, вследствие чего «состояние» может рассматриваться как обязательная принадлежность любого явления. С учетом этого состояния можно условно назвать «статическими юридическими фактами».

Динамику определяют такие явления, которые приводят к изменению состояний, то есть они «ответственны» за изменчивость общественных отношений. К числу таких обстоятельств можно отнести такие, которые рассматриваются как события и действия во всем их многообразии. С учетом специфических функций их условно можно именовать «динамические обстоятельства» или «динамические юридические факты».

Но основе вышеизложенного можно сделать вывод, что состояния являются естественными элементами физического бытия. Вследствие этого их можно характеризовать как реальные жизненные обстоятельства и, при условии, что норма права с ними связывает определенное правовое последствие, нет оснований не признавать их юридическими фактами.

Одним из аргументов противников признания состояний юридическими фактами является то, что в качестве таковых должны признаваться не сами состояния, а обстоятельства, которые привели к определенному состоянию.

Действительно, возникновение состояния связано с обстоятельством, которое привело в движение общественное бытие и изменило его. Однако, как было показано выше, вся наша жизнь состоит из череды состояний и иных обстоятельств, которые их меняют. Тем не менее, с точки зрения практической целесообразности правовые последствия нормами права «привязываются» именно к состояниям. Обычно это обусловлено тем, что в такой ситуации абсолютно неважно, что привело бытие к определенному состоянию. Важно то, что оно реально существует. С.С. Алексеев, характеризуя рассматриваемую ситуацию, говорит о возникновении и существовании «двух рядов (этажей)» юридических фактов. Первый ряд представляет собой факты, являющиеся основанием возникновения состояний, и, соответственно, второй ряд — сами юридические факты-состояния (Alekseev, 1982:177).

В.Б. Исаков, оппонируя критикам правовых состояний, говорит, что состояние, возникнув на основе определенного факта, «в своем дальнейшем существовании как бы отрывается от своей фактической основы. Оно приобретает самостоятельность и как юридический факт входит в фактические составы различных правовых отношений» (Isakov, 1984:35).

Ю.С. Новикова отмечает, что «в данной ситуации возникает эффект «поглощения» предыдущего юридического факта фактом последующим. Это происходит потому, что функция первого факта только сводится к тому, чтобы вызвать определенное правовое последствие и утратить детерминирующее назначение (например, регистрация брака)» (Novikova, 2005:96). Далее автор повторяет мысль В.Б. Исакова об отрыве состояния от своей первоначальной основы и обретения самостоятельного значения.

«Отрыв» состояния от своего фактического основания, полагаем, происходит потому, что для дальнейшего развития общественных отношений значимость основания теряет свое значение. Более того, становится неважной причина такого состояния в случаях, когда оно может быть вызвано различными обстоятельствами. Соответственно этому постоянная привязка правовых последствий к первоначальным фактам-основаниям становится излишней.

Это становится наиболее наглядным в случаях, когда такие состояния подлежат удостоверению в определенном законом порядке. К примеру, наличие паспорта подтверждает состояние в гражданстве. Для приобретения прав как гражданина определенного государства важно именно это состояние, подтверждаемое паспортом, но не причина его возникновения (приобретение гражданства по факту рождения или приобретение его по иным основаниям). Для выплаты социальных пособий по инвалидности не имеет значения причина инвалидности, главное, что она имеется и подтверждена учреждениями медико-социальной экспертизы в установленном законом порядке.

Факты-состояния как бы аккумулируют в себе все предшествующие явления жизненной действительности, «подводят черту» под ними и позволяют в правовой реальности оперировать фактической составляющей без излишней детализации. Используя в качестве юридического факта определенное состояние, мы тем самым предполагаем наличие всех жизненных обстоятельств, приведших к нему, однако на эти обстоятельства не обращается особое внимание в силу того, что они не имеют определяющего значения.

В приведенном выше примере важно, что человек является инвалидом определенной группы. Определяющее значение имеет сам факт такого состояния. Конкретная же причина, приведшая к такому состоянию, то есть вследствие чего наступила инвалидность, для большинства будущих правовых последствий значения не имеет.

В этой связи представляется справедливым суждение Ю.С. Новиковой, которая характеризует состояние как «сложный фрагмент материального мира». Однако, охватывая определенную правовую ситуацию одним понятием (которое определяет данную ситуацию), мы отражаем ее комплексно и укрупненно. Это позволяет избежать в государственно-правовой действительности использования громоздких фактических составов. Кроме того, помогает отражать в правовой норме фактические обстоятельства «с высокой степенью избирательности» (Novikova, 2005:112).

Таким образом, полагаем, что правовые состояния как самостоятельные юридические факты имеют свое значение в механизме правового регулирования, отличное от функций фактов, выступивших в качестве основания для возникновения правового состояния.

Отталкиваясь от общеправового понимания «состояния», можно перейти к рассмотрению данной категории в правовом измерении. Как уже было отмечено, впервые в отечественной правовой науке состояние как политико-правовое явление было проанализировано в статье М.И. Байтина и В.М. Баранова (Baitin, Baranov, 1991:36–54), которые рассматривают правовые состояния в качестве отдельных, относительно самостоятельных элементов правовой системы общества. При этом состояния характеризуются в качестве ее «подвижного», динамического элемента.

Данные идеи получили дальнейшее развитие в трудах А.В. Парфенова, который охарактеризовал правовое состояние как: 1) разновидность социального состояния; 2) относительно самостоятельный элемент правовой системы российского общества; 3) момент фиксации устойчивости в изменении, развитии, движении юридических субъектов и объектов в некоторый момент времени; 4) объективно существующее явление в праве; 5) явление, которое существует и проявляет свои функции в течение определенного периода времени (Parfenov, 2007:23). С учетом этого можно говорить о том, что термин «правовое состояние» действительно имеет категориальный статус в теории права.

Данные исследования имеют существенное методологическое значение для изучения специфики правового состояния как самостоятельного юридического факта. Больше внимание этому вопросу уделено в работах Ю.С. Новиковой, которая, наряду с понятием, признаками и видами правовых состояний, изучает функциональный аспект, заключающийся в определении значения состояния в отношении отдельных этапов механизма правового регулирования. Автор признает за правовым состоянием качество юридического факта, и в этом смысле оно рассматривается как «конкретное жизненное обстоятельство, характеризующееся относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого самостоятельно или в совокупности с другими юридическими фактами вызывающее правовые последствия и не погашающееся в единократном акте правового воздействия» (Novikova, 2005:9).

Иногда в качестве наиболее значимого признака состояния называют длительность его существования. К примеру, В.Б. Исаков определяет правовые состояния как «сложные юридические факты, характеризующиеся относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого они могут неоднократно (в сочетании с другими фактами) вызывать наступление правовых последствий» (Isakov, 1984:35).

Действительно, состояния, как правило, имеют длительный характер своего существования, однако это не является главным их свойством.

М.А. Рожкова, рассматривая в качестве примера факт нетрудоспособности, разграничивает случаи, когда он длится один день и когда «затягивается». В первом случае нетрудоспособность квалифицируется как факт однократного действия в качестве такой разновидности, как событие. Однако если нетрудоспособность занимает более продолжительный период времени, то «она переходит из группы фактов однократного действия в группу актов-состояний» (Rozhkova, 2010:92).

С таким подходом, полагаем, согласиться нельзя, поскольку главная особенность не в длительности явления с точки зрения периода времени. Состояние характеризует «протяженность», а не долгота по времени. Например, особо значимое для сферы уголовного права состояние аффекта, наоборот, характеризуется своей кратковременностью. Под состоянием аффекта понимается «чрезмерно взволнованное, обладающее огромной эмоциональной силой кратковременное состояние психики лица, возникающее мгновенно в момент совершения им общественно опасного деяния» (Sverchkov, 2019:107). Таким образом, аффект имеет место в течение непродолжительного периода времени, однако от этого не перестает быть состоянием.

Более того, одни те же явления могут применительно к разным ситуациям расцениваться по-разному. Например, постройка жилого дома рассматривается как действие с точки зрения такого последствия как возникновение права собственности. Однако в случае причинения вреда в результате осуществления данной строительной деятельности процесс постройки будет характеризоваться

как состояние. Наличие такого состояния квалифицирует данный случай причинения вреда как специальный, предусмотренный ст. 1079 ГК РФ (причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих).

Таким образом, длительность по времени не может рассматриваться в качестве квалифицирующего признака правового состояния. Состояния характеризуются протяженностью во времени, причем именно протяженность явления имеет значение для определенной конкретной ситуации. Когда некий процесс занимает длительное время, но применительно к социальной ситуации имеет значение в едином целом, то данный процесс должен рассматриваться как одномоментный факт.

Состояниям, таким образом, присущ стабильный и устойчивый характер (Novikova, 2005:120). В этом плане они свидетельствуют о накоплении определенного фактического состава к настоящему моменту и фиксируют его во времени. Состояние создает возможность для дальнейшего развития, в том числе и правовых форм. В этом плане они похожи на правоспособность, которая сама по себе должна рассматриваться как одно из правовых состояний.

Учитывая «текущий» характер состояний по сравнению с «разовыми» событиями и действиями (динамическими обстоятельствами), можно говорить о главной их особенности, которая состоит в том, что они создают возможность для возникновения на их основе иных правоотношений. Для этого необходимо, чтобы «на фоне состояния» произошли иные юридические факты, с которыми правовые нормы будут связывать определенные правовые последствия.

Наиболее значимым аспектом для проведения классификации правовых состояний является тот объект, качества которого характеризует то или иное состояние. Зачастую, когда выделяют состояния в качестве самостоятельного юридического факта, речь идет о признаках правового статуса субъекта. При этом упускается из вида, что состояния могут характеризовать и иные явления. Признаки, присущие состояниям, можно обнаружить не только применительно к субъектам права. Объекты также обладают качествами, которые можно характеризовать как состояния.

В этом плане можно обратить внимание на результаты исследований Ю.С. Новиковой, которая выделяет три вида носителей правового состояния. Во-первых, это субъекты права, которых может характеризовать состояние нетрудоспособности, состояния в браке и др. Во-вторых, объекты (предметы) как явления, имеющие материальную форму. Например, надлежащее техническое состояние, исправное состояние и др. И, в-третьих, носителем состояния может быть само общественное отношение, которое может характеризоваться безопасностью, стабильностью и иными качествами (Novikova, 2005:26–27).

Место правовых состояний в классификации юридических фактов

Рассмотрев вопрос о сущности правового состояния и положительно ответив на вопрос о возможности его квалификации в качестве юридического

факта, можно попробовать определить его место в классификации. В этом плане важно иметь в виду, что это возможно через выбор критерия, на основе которого можно было бы соотнести состояние с иными юридическими фактами. По поводу места состояний в классификации юридических фактов к настоящему времени сложилось несколько подходов.

Во-первых, некоторые авторы ставят правовые состояния в один ряд с событиями и действиями. К примеру, А.К. Стальгевич, впервые выделяя состояние в качестве юридического факта, рассматривает его как однопорядковое явление с событиями и действиями (Stal'gevich, 1957:31). Л.С. Явич, который поддерживал идею о выделении правовых состояний, делил юридические факты на три вида (события, действия и состояния) именно по волевому признаку (Yavich, 1982:13).

Во-вторых, некоторые авторы рассматривают правовое состояние как частный случай события. А.Е. Рябов по этому поводу пишет, что состояния формируются путем накопления присущих им признаков и что (самое главное) это происходит помимо воли человека. Вследствие этого события относятся к явлениям неволевого характера, а именно — событиям. Причем, имея ввиду деление событий на абсолютные и относительные, состояния определены как события относительные, поскольку «хотя процесс накапливания признаков, совокупности которых закон придает юридическое значение, неподконтролен человеку, но все же связан с проявлениями его волевой деятельности» (Ryabov, 2005:13).

В-третьих, состояние как самостоятельный юридический факт. Их самостоятельность обуславливается тем, что состояния могут быть результатом как волевых явлений, так и при отсутствии воли. В частности, Н.Л. Гранат говорит об особом месте состояний среди юридических фактов и отмечает, что они могут быть результатом как правомерных, так и неправомерных действий, так и событий (Granat, 1998:13). В целом, действительно, можно согласиться с тем, что состояния, рассматриваемые через призму волевого критерия, могут быть как событиями, так и действиями. Это, в свою очередь, означает, что данный классификационный критерий не является определяющим для состояний. Они обособляются по иному признаку, нежели волевой характер их возникновения.

В настоящее время мнение о самостоятельности состояния как юридического факта является доминирующим. Тем не менее, невозможность нахождения в одном классификационном ряду с событиями и действиями также и состояний отмечалась еще в середине прошлого века. В этом отношении можно выразить солидарность с позицией С.Ф. Кечекьян в том, что состояния обособляются в отдельную группу юридических фактов совсем по иному критерию, нежели волевой, являющийся основанием для выделения событий и действий. В качестве такого иного критерия называется длящийся характер события в отличие от иных фактических обстоятельств (Kechek'yan, 1858:174).

С.В. Курылев, говоря о необходимости выделения фактов — состояний, предлагал использовать в качестве классификационного критерия «характер

протекания явления». При этом критиковался подход, когда в основание классификации кладется только признак наличия воли участника правоотношения. Таким образом, характер протекания явления рассматривался как признак, равным образом используемый для выделения как событий, действий, а также состояний (Kurylev, 1955:45–46). Данной позиции оппонировал О.А. Красавчиков, который увидел в этом смешение двух классификационных критериев: волевого признака и признака завершенности (протекания). При этом было справедливо замечено, что «Использование двух признаков в разграничении классифицируемых явлений не сообщает системе совершенства, а, наоборот, умаляет ее научное, а, следовательно, и практическое значение» (Krasavchikov, 1958:87).

Таким образом, сущностные признаки состояния непосредственно не связаны с волевым критерием, являющимся основанием для реализации традиционной классификации. Соответственно этому для обособления состояний в ряду иных юридических фактов необходимо учитывать квалифицирующие признаки самого состояния. В этом плане важно учитывать, что выбор критериев классификации зависит от тех целей, которые ставятся при систематизации соответствующих явлений. Вне данных целей классификация лишена практического смысла.

В теории права получила распространение классификация юридических фактов, проводимая по характеру воздействия. Данный критерий используется для разграничения юридических фактов ограниченного (однократного) действия и длящихся фактов. Последние как раз и причисляются к фактам-состояниям. В частности, С.С. Алексеев, приводя данную классификацию, писал о выделении двух групп юридических фактов в зависимости от характера действия юридических фактов, а именно:

1) факты однократного действия как обстоятельства, влекущие правовые последствия только для определенного конкретного случая;

2) факты непрерывного юридического действия, которые и названы состояниями. Под ними автор понимает обстоятельства, которые существуют длительное время, непрерывно или периодически, и порождают юридические последствия (Alekseev, 1982:177).

Полагаем, что данная классификация учитывает наиболее важные особенности правовых состояний как фактических обстоятельств и может быть использована в целях обособления состояний как специфических юридических фактов.

Одним из наиболее значимых признаков юридических фактов является их способность производить определенные правовые последствия. Причем иногда даже подчеркивается, что юридический факт только тогда может быть признан таковым, когда он сам самостоятельно может породить юридически значимый результат. Соответственно этому, если обстоятельство приводит к правовым последствиям только в совокупности с иными фактами (то есть в рамках фактического состава), то оно не может быть признано юридическим фактом

(Novikova, 2005:98). Обычно способность правовых состояний влиять на динамику правоотношения в совокупности с иными фактами, то есть в рамках фактического состава, сомнениям не подвергается. Поэтому заявленный вопрос можно поставить и в другом ракурсе — могут ли правовые состояния как юридические факты производить правовые последствия самостоятельно или же только в рамках фактического состава, где состояние выступает в качестве исходного базового условия.

В этой связи отметим, что правовые состояния могут выступать в качестве самостоятельного основания для возникновения правоотношений. Например, обязанность родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей связывается с наличием факта родственных отношений первой степени.

Однако это не является их главной ролью в формировании фактической основы, опосредующей правовые последствия. Полагаем, что в большинстве случаев основная их функция состоит в создании потенциальной возможности появления соответствующих прав и обязанностей. Правовое состояние создает непосредственную предпосылку возникновения правоотношения. В этом плане оно сродни правоспособности как абстрактной возможности к приобретению прав и обязанностей.

Такой подход не является абсолютной новеллой в теории права. К примеру, Л.А. Чеговадзе определяет состояния через возможности и говорит, что установление правового состояния — это способ определения в конкретный момент движения правоотношения возможностей его участников рамками той меры, которую представляют собой его субъективное право или правовая обязанность (Chegovadze, 2005:38).

В.В. Груздев, рассматривая правовое состояние личности как субстанциональное и функциональное правовое явление, раскрывает его регулятивную роль через такую его особенность, «что оно является условием (предпосылкой) возникновения и (или) разрешения либо возможности возникновения и (или) изменения правовой ситуации» (Gruzdev, 2015:171–172). В другой своей работе В.В. Груздев добавляет, что «такие состояния из потенциально юридических переходят в собственно юридические лишь в совокупности с юридическими фактами, образуя фактический состав. Сами по себе они навсегда остаются юридическими лишь «на будущее», юридическими «в настоящем» они существуют только как элементы существующего фактического состава» (Gruzdev, 2010:249).

Ранее нами уже отмечалось, что состояния с философской точки зрения отражают относительную стабильность явления в течение определенного промежутка времени (отношения покоя) в постоянном движении материи, то есть ее изменении. Это явление может поменять свое качество под влиянием определенного обстоятельства, и в этом случае происходит переход от одного состояния к другому. Данные рассуждения имеют методологическое значение в вопросе развития теории правовых состояний.

Правовое состояние фиксирует правовую реальность на определенный промежуток времени. В этот период могут существовать правоотношения, связанные с появлением такого состояния. Однако дальнейшая динамика возможна только при появлении новых обстоятельств — юридических фактов, которые приведут правовую реальность к новому состоянию.

Например, возможность призваться к наследованию связывается с такими состояниями, как родство, брак или иждивение. Эти состояния порождают потенциальную возможность приобретения имущества в порядке наследования. Однако для вступления в наследование необходимо событие в виде смерти наследодателя, которое приведет к новому состоянию. Данный пример показывает возможность состояний выступать в качестве необходимой основы (фундамента), на базе которой с учетом иных фактов (динамических обстоятельств) могут возникать определенные правовые последствия.

При таком рассмотрении роли правовых состояний в механизме правового регулирования можно согласиться с мнением о том, что правовые состояния, в первую очередь, проявляют себя в качестве элемента фактического состава и порождают правовые последствия в совокупности с иными фактами.

Заключение

Анализ научных воззрений относительно правовых состояний показал, что данный вопрос имеет довольно длительную историю. Впервые состояния как юридически значимые обстоятельства выделялись еще в дореволюционной России, советский период характеризуется как этап первоначального становления в целом теории правовых состояний. На современном этапе можно говорить о наличии доминирующей позиции, согласно которой за правовыми состояниями признается качество самостоятельной правовой сущности, обладающей отличительными признаками. Исследованию данного правового феномена посвящены отдельные статьи и монографии.

Использование философско-диалектической методологии, в частности, наиболее общей закономерности о существовании мира в виде всеобщей взаимосвязи явлений, а также такого атрибута материи, как движение, позволило охарактеризовать состояния как естественный элемент физического бытия. Они характеризуют моменты относительного покоя в череде явлений, опосредующих динамику общественной жизни. Вследствие этого состояния можно характеризовать как реальные жизненные обстоятельства и, при условии, что норма права с ними связывает определенные правовые последствия, имеются основания рассматривать их как юридические факты самостоятельного вида.

Автор считает спорным распространенное в научной литературе мнение о том, что в качестве основного квалифицирующего признака правового состояния выступает его длительность по времени. Состояния характеризуются не длительностью, а протяженностью во времени, причем последнее имеет значе-

ние применительно к определенной конкретной ситуации. Когда некий процесс занимает длительное время, но в отношении к социальной ситуации имеет значение как единое целое, то данный процесс должен рассматриваться как одномоментный факт.

Сущностные признаки состояния непосредственно не связаны с волевым критерием, являющимся основанием для реализации традиционной классификации. Следовательно, состояния не могут рассматриваться как однопорядковая категория наряду с событиями и действиями. Их можно охарактеризовать как юридические факты длительного действия по отношению к тем, которые вызывают одномоментное влияние на общественные отношения. Вследствие этого в большинстве случаев основная их функция состоит в создании потенциальной возможности появления соответствующих прав и обязанностей. Правовое состояние создает непосредственную предпосылку возникновения правоотношения. В этом плане оно сродни правоспособности как абстрактной возможности приобретения прав и обязанностей.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что правовые состояния обладают спецификой, требующей учета со стороны теории права; отражают отдельные стороны физического бытия и, вследствие этого, должны признаваться самостоятельным видом юридических фактов.

Библиографический список / References

- Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh. [General theory of law. In two volumes]*. Vol. II. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
- Baitin, M.I., Baranov, V.M. (1991) О логико-гносеологической и юридической природе правового состояния [On the logical, epistemological and legal nature of the legal state]. *Voprosy teorii gosudarstva i prava: perestroika i aktual'nye problemy teorii sotsialisticheskogo gosudarstva i prava: Sb. nauch. trudov. [Questions of the theory of state and law: restructuring and actual problems of the theory of the socialist state and law: collection of scientific papers]*. Saratov, (9), 36–54. (in Russian).
Байтин М.И., Баранов В.М. О логико-гносеологической и юридической природе правового состояния // Вопросы теории государства и права: перестройка и актуальные проблемы теории социалистического государства и права: Сб. науч. трудов. Саратов, 1991. Вып. 9. С. 36–54.
- Berestova, O.G. (2012) The conceptual category of state in philosophy and linguistics. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Humanities*. (27), 199–201. (in Russian).
Берестова О.Г. Понятийная категория состояния в философии и лингвистике. Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 199–201.
- Bratus', S.N. (1950) *Sub'ekty grazhdanskogo prava [Subjects of civil law]*. Moscow: Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.

- Vil'nyanskii, S.I. (1958) *Lektsii po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Lectures on Soviet civil law]*. Vol. I. Kharkov: Kharkov University Publ. (in Russian).
Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Т. 1. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 339 с.
- Granat, N.L. (1998) Pravovye otnosheniya [Legal relations]. *Yurist.* (10), 9–14. (in Russian).
Гранат Н.Л. Правовые отношения // Юрист. 1998. № 10. С. 9–14.
- Gruzdev, V.V. (2015) Legal condition of the personality as substational and functional legal phenomenon. *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 21 (2). 167–172. (in Russian).
Груздев В.В. Правовое состояние личности как субстанциональное и функциональное правовое явление // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 2. С. 167–172.
- Gruzdev, V.V. (2010) *Chelovek i pravo: istoricheskie, obshcheteoreticheskie i tsivilisticheskie ocherkiyu [Man and law: historical, general theoretical and civilistic essays]*. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University Publ. (in Russian).
Груздев В.В. Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 463 с.
- Ioffe, O.S. (1949) *Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Legal relationship in Soviet civil law]*. Leningrad: Leningrad University Publ. (in Russian).
Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. 144 с.
- Isakov, V.B. (1984) *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave. [Legal facts in Soviet law]*. Moscow: Yurizdat Publ. (in Russian).
Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.
- Kechek'yan, S.F. (1958) *Pravootnosheniya v sotsialisticheskoy obshchestve. [Legal relations in a socialist society]*. Moscow: AN SSSR Publ. (in Russian).
Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
- Kosareva, I.A., Kosarev, A.A. (2009) On the issue of concept and types of juridical facts in family law. *Family and Housing Law.* (6), 16–22. (in Russian).
Косарева И.А., Косарев А.А. К вопросу о понятии и видах юридических фактов в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2009. № 6. С. 16–22.
- Krasavchikov, O.A. (1958) *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. [Legal facts in Soviet civil law]*. Moscow: Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 184 с.
- Khalfina, R.O. (1974) *Obshchee uchenie o pravootnoshenii [General doctrine of legal relationship]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 348 с.
- Kurylev, S.V. (1955) *Dokazyvaniye i ego mesto v protsesse sudebnogo poznaniya (V aspekte grazhdansko-protseessual'nogo prava) [Evidence and its place in the process of judicial knowledge (In the aspect of civil procedure law)]*. *Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.A. Zhdanova [Scientific works of Zhdanov Irkutsk State University]*. Irkutsk: Irkutsk book publishing house. (in Russian).
Курылев С.В. Доказывание и его место в процессе судебного познания (В аспекте гражданско-процессуального права) // Труды Иркутского государственного университета имени А.А. Жданова. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1955. С. 37–67.

- Matuzov, N.I., Mal'ko, A.V. (eds.) (2001) *Teoriya gosudarstva i prava. Kurs leksii. [Theory of Government and Rights. Lecture course]*. Moscow, Yurist Publ. (in Russian).
Теория государства и права. Курс лекций. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001. 776 с.
- Meier, D.I. (1902) *Russkoe grazhdanskoe pravo. V dvukh tomakh [Russian civil law. In two volumes]*. Vol. I. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
Мейер Д.И. Русское гражданское право. В двух томах. Т 1. 1902. М.: Статут, 1997. 290 с.
- Novikova, Yu.S. (2005) *Pravovoe sostoyanie kak kategoriya prava [Legal status as a category of law]. Dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.01. [Dis. ... cand. legal of sciences. 12.00.01]*. Ekaterinburg. (in Russian).
Новикова Ю.С. Правовое состояние как категория права. Дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Екатеринбург, 2005. 206 с.
- Omel'chenko, V.V. (2008) *Obshchaya teoriya klassifikatsii. Chast' I. Osnovy siste-mologii poznaniya deistvitel'nosti. [General classification theory. Vol. I. Fundamentals of the systemology of cognition of reality]*. Moscow, LTD PPC «Maska» Publ. (in Russian).
Омельченко В.В. Общая теория классификации. Часть I. Основы системологии познания действительности. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2008. 436 с.
- Parfenov, A.V. (2007) *Pravovoe sostoyanie: Monografiya. [Legal status: Monograph]*. Moscow: Yurist Publ. (in Russian).
Парфенов А.В. Правовое состояние: Монография. М.: Юрист, 2007. 124 с.
- Polezhai, P.T. (1965) *Pravovye otnosheniya: Konspekt leksii. [Legal relations: Lecture notes]*. Kharkov: Kharkov Law Institute Publ. (in Russian).
Полежаи П.Т. Правовые отношения: Конспект лекций. Харьков: Изд-во Харьковского юридического института, 1965. 51 с.
- Protasov, V.N. (2019) *Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnoe posobie dlya vuzov. [Theory of Government and Rights. Textbook for universities]*. Moscow: Yurait Publ. (in Russian).
Протасов В.Н. Теория государства и права. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. 192 с.
- Rozhkova, M.A. (2010) *Teorii juridicheskikh faktov grazhdanskogo i processual'nogo prava: ponyatiya, klassifikacii, osnovy vzaimodejstviya [Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, basics of interaction]: dis. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.03 [dis. ... Doctors of Law. 12.00.03]*. Moscow. (in Russian).
Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.03. М., 2010. 418 с.
- Ryabov, A.E. (2005) *Yuridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [Legal facts in the mechanism of legal regulation]. Abstract. dis. ... cand. legal sciences. 12.00.01*. Nizhny Novgorod. (in Russian).
Рябов А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. 34 с.
- Sverchkov, V.V. (2019) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnoe posobie dlya vuzov. [Criminal law. General part: textbook for universities]*. Moscow: Yurait Publ. (in Russian).
Сверчков В.В. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019. 251 с.
- Simanov, A.L. (1982) *Ponyatie "sostoyanie" kak filosofskaya kategoriya. [The concept of "state" as a philosophical category]*. Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).

- Симанов А.Л. Понятие «состояние» как философская категория. Новосибирск: Наука, 1982. 125 с.
- Sinaiskii, V.I. (2002) *Russkoe grazhdanskoe pravo. [Russian civil law]*. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
- Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
- Stal'gevich, K.A. (1957) *Nekotorye voprosy teorii sotsialisticheskikh pravovykh otноshenii [Some questions of the theory of socialist legal relations. Soviet State and Law]*. Soviet state and law. (2), 23–32. (in Russian).
- Стальгевич К.А. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 23–32.
- Tolstoi, Yu.K. (1959) *K teorii pravootnosheniya. [To the theory of legal relationship]*. Leningrad: Leningrad University Publ. (in Russian).
- Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959. 88 с.
- Trubetskoi, E.N. (1917) *Lektsii po entsiklopedii prava [Lectures on the Encyclopedia of Law]*. Moscow: Printing house partnership of A.I. Mamontov Publ. (in Russian).
- Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.
- Chegovadze, L.A. (2004) *Struktura i sostoyanie grazhdanskogo pravootnosheniya [The structure and state of civil relations]*. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
- Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. 542 с.
- Shakhmatov, V.P. (1978) *Semeinoe pravootnoshenie [Family relationship]*. Krasnoyarsk. (in Russian).
- Шахматов В.П. Семейное правоотношение. Красноярск, 1978. 38 с.
- Sheptulin, A.P. (1971) *Kategorii dialektiki [Categories of dialectics]*. Moscow: High School Publ. (in Russian).
- Шептулин А.П. Категории диалектики. М.: Высшая школа, 1971. 280 с.
- Yavich, L.S. (1982) *Pravo i sotsializm [Law and socialism]*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
- Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юридическая литература, 1982. 176 с.

Об авторе:

Цуканова Елена Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

ORCID ID: 0000-0003-4072-8218; SPIN-код eLibrary: 9132-6953

e-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

Для цитирования:

Цуканова Е.Ю. К вопросу о месте правовых состояний в системе юридических фактов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 25–45. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-25-45.

Дата поступления в редакцию: 26 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

TO THE QUESTION OF LEGAL CONDITIONS PLACE IN THE SYSTEM OF LEGAL FACTS

Elena Yu. Tsukanova

Belgorod National Research University
85, Pobeda st., 308015, Belgorod, the Belgorod region, Russia

The article is devoted to the problems of the formation and positioning of the legal status category in legal science. The relevance of this phenomenon in law is due to the lack of its unambiguous perception, which does not allow to fully determine its place and purpose in the theory of legal facts.

The purpose of this article is to determine the philosophical and dialectical basis for the inclusion of this concept in the scientific categorical apparatus of jurisprudence. This will allow with sufficient certainty to identify its main characteristics, place in the classification of legal facts, as well as functional relationships with other elements of the legal-factual system.

The methodological basis of the article was made by modern achievements of the theory of knowledge. In the research process, theoretical, general philosophical (dialectic, analysis, synthesis, deduction, systemic method, etc.), as well as traditional legal methods (formal-logical, normative-dogmatic and others) were used.

In the process of research, based on the ratio of the dialectic categories of movement and rest, the conclusion was formulated that physical reality is a series of static and dynamic situations. Static circumstances characterizing the stability and sustainability of a phenomenon or object are states. The variability of social relations is due to dynamic circumstances, which serve as the basis for a change of state.

This approach allowed us to formulate the conclusion that states are natural elements of physical being. They can be qualified as real life circumstances and, provided that the rule of law associates a certain legal consequence with them, they should be recognized as legal facts.

An analysis of the place of the state in the system of legal facts allowed us to conclude that the length of time cannot be considered as qualifying it. States are characterized by length in time, and it is precisely the “fluidity” of the phenomenon that matters for a specific situation. When a certain process takes a long time, but as applied to the social situation, it matters as a single whole, then it should be considered as an instantaneous fact.

Key words: legal status; legal fact; classification of legal facts; static and dynamic circumstances; facts of single and continuous action

About author:

Elena Yu. Tsukanova – candidate of Legal Sciences, associate professor the Department of Civil Law and Procedure of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University», Law Institute

ORCID ID: 0000-0003-4072-8218; SPIN-код eLibrary: 9132-6953

e-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

For citation:

Tsukanova, E.Yu. (2020) To the question of legal conditions place in the system of legal facts. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 25–45. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-25-45.

Article received November 26, 2019

Article accepted December 25, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-46-59

Научная статья

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ И ПРОЦЕДУРНЫЙ АСПЕКТЫ ПОИСКА ЭФФЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

О.А. Тарнавский, Л.В. Бормотова

Оренбургский государственный университет
460018, Оренбург, Россия, проспект Победы, д. 13

Уровень доверия населения правоохранительной и судебной системе год от года оставляет желать лучшего, граждане все чаще выказывают пренебрежительное отношение к законам и отказываются содействовать правосудию. Виной тому выступают целый ряд причин, лежащих не только в плоскости данного обсуждения. Между тем, очевидно, что карательные меры воздействия не имеют должного эффекта в отсутствие проявления заботы со стороны государства о своих гражданах, подвергшихся преступному воздействию. Анализ с точки зрения перспективности в статье подвергнуты все ныне существующие формы возмещения вреда. В итоге авторы пришли к выводу о необходимости на пути построения восстановительного уголовного правосудия в нашей стране упростить способы возмещения вреда. Интересам личности и государства в современном уголовном судопроизводстве все чаще соответствуют две наиболее перспективные, на взгляд авторов статьи, формы возмещения вреда: добровольное возмещение вреда обвиняемым и/или государственная компенсация.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, возмещение вреда, потерпевший, пострадавший, гражданский иск, государственная компенсация, реституция в уголовном процессе

Информация о конфликте интересов. Авторы не имеют потенциальных и явных конфликтов интересов, связанных с рукописью.

Участие авторов: Тарнавский О.А. — сбор, обработка и анализ материала, концептуальное направление; Бормотова Л.В. — структурирование и написание текста.

Введение

Каждое преступное посягательство вторгается в сферу государственных, частных интересов, вызывает социально-психологическую деформацию в обществе, несет потери физического, морального и материального толка, что влечет закономерную реакцию возмущения граждан. Общественно-опасные последствия преступления являются зачастую конструктивным элементом его со-

© Тарнавский О.А., Бормотова Л.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

става, а характер и степень вредоносности определяется содержанием затрагиваемых деянием общественных отношений. Тяжесть реальных или возможных последствий является, по существу, основным показателем опасности преступного деяния. При этом традиционный карательный способ реагирования на преступления как единственно действенный и эффективный уже не соответствует реалиям времени. Интересы современного государства и личности простираются дальше необходимости получить «отмщение» и нацелены в своей приоритетности на восстановительные, компенсаторные и примирительные потребности. В связи с этим логично напрашивается вывод, что коль государство допускает совершение преступлений и в результате этого причиняется вред лицам, то производство по уголовному делу в таком случае должно быть организовано именно в интересах своевременного обеспечения восстановления прав и интересов лиц, нарушенных преступлением, что подчеркивается Конституцией РФ в ст. 52 указанием на обязательство государства перед потерпевшими охранять их права путем обеспечения доступа к правосудию и компенсации причиненного преступлением ущерба. Лица, пострадавшие от преступных посягательств, ожидают от государственных органов власти адекватных причиненному вреду правосоставительных процедур, реального, полного и быстрого возмещения причиненного ущерба, покаяния лица, совершившего преступление и, наконец, наказания виновного. В противном случае мы получаем повторную виктимизацию потерпевшего, отсутствие веры в правоохранительную и судебную системы, неуважительное отношение граждан к букве закона, отказ от содействия в осуществлении правосудию.

Идеологический аспект поиска эффективных способов возмещения вреда, причиненного преступлением

Комплекс существующих проблем в сфере восстановления прав и интересов тех лиц, которые пострадали от совершения преступления, возможно разрешить посредством формирования соответствующей правовой доктрины и последующей ее реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Восстановление прав и интересов лиц, пострадавших от совершения преступления, как нами видится, нельзя сводить лишь только к возмещению вреда, причиненного в результате совершения преступления, хотя, бесспорно, что это есть неотъемлемая и достаточно весомая часть подобного восстановления в общем объеме. Восстановление прав и интересов лиц, пострадавших от совершения преступления, достигается, прежде всего, справедливым разрешением уголовно-правового конфликта по существу, включая назначение виновному соразмерного содеянному наказания и т.д. Следовательно, восстановление прав и интересов, нарушенных преступлением, — это есть составляющая часть многогранного государственного правового явления.

Поскольку уголовный процесс как деятельность есть реализация государством правосстановительной функции, то уголовное судопроизводство по сути и есть та единственно возможная для государства форма восстановления прав и интересов лиц, пострадавших от совершения преступления. Данное положение, как представляется, должно определять цель уголовного судопроизводства, понимая при этом исключительно приоритет прав и свобод личности. Реформе должен подвергнуться сам порядок уголовного судопроизводства, начиная с формулирования целей и задач, системы принципов, обеспечивающих достижение и разрешение процессуального статуса отдельных участников, а также активно использовать потенциал, наработанный «альтернативным» или «восстановительным» правосудием.

Нами рассматривается восстановительное правосудие как форма уголовного судопроизводства (в широком аспекте) и как конкретные способы разрешения уголовно-правового конфликта в рамках возбужденного уголовного дела (в узком аспекте).

Во многих государствах восстановительное правосудие по уголовным делам реализуется в форме специальных программ, сопровождающих официальное производство по делу, при этом являясь его обязательным спутником, становясь неотъемлемой и важной составной частью разрешения уголовного дела по существу. И даже там, где применение правосстановительных программ невозможно по ряду объективных причин, подобное заключение можно дать только после проверки и путем принятия соответствующего решения уполномоченным официальным органом. Таким образом, как такового параллельного правосудия нет, хотя материалы дела передаются из официальных органов для проведения восстановительных программ и учет их результатов судом свидетельствуют об альтернативном движении уголовного дела.

Оценивая динамику изменений современной правовой политики в России в настоящий момент, можно отметить присутствие соответствующей политической воли к созданию условий для внедрения альтернативных мер уголовно-правового характера, в том числе и примирительных процедур на различных этапах уголовного судопроизводства. Так, в качестве одного из основных направлений развития социальной политики, закрепленном в распоряжении Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденном Председателем Правительства РФ В.В. Путиным, обозначена необходимость «формирования и развития механизмов восстановительного правосудия, создания службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и реабилитационное насыщение приговоров судов, в части реализации принудительных мер воспитательного воздействия, реализация технологий восста-

новительного правосудия и проведения примирительных процедур»¹. Возмещение ущерба есть отражение восстановления социального порядка, оно является отражением стержня системы правосудия. В заключительном документе Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1–2 сентября 1975 г.) говорится: «...символическое возмещение ущерба вряд ли сможет хотя бы частично компенсировать боль и страдания, перенесенные потерпевшими и их семьями, в особенности при отсутствии сочувствия и заботы со стороны общества»².

Поэтому подчеркнем, что недостаточно ограничиваться в вопросе трактовки способов возмещения вреда пострадавшим от преступлений только уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными инструментами, это должны быть общественные, государственно-партнерские институты. По нашему мнению, главным препятствием во внедрении новых и расширении существующих институтов восстановительного правосудия в нашей стране является чрезмерная ведущая роль государства в реализации частного законного интереса в уголовной юстиции, политизированность уголовного процесса и отсутствие диалога с общественностью со стороны правоохранительных органов. При этом, как это верно подмечено М.И. Либоракиной (Liborakina, 1996:14), что представителям общественных организаций пора уже осваивать новые социальные технологии, уметь их создавать, отстаивать и предъявлять. Это особенно важно, поскольку та совокупность задач, которые необходимо решать в рамках восстановительного вектора развития уголовно-процессуальных институтов (рост правосознания населения, помощь в реабилитации правонарушителя и организация компенсации ущерба жертве и др.), может быть решена только на основе социальной кооперации, объединяющей возможности общественников и профессиональные навыки и властные полномочия юристов (адвокатов, следователей, прокуроров, судей).

В целях встраивания рассматриваемых процедур в практическую деятельность необходимы соответствующие изменения в уголовно-правовом, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве. При этом эффективность реабилитационных правообеспечительных или правосстановительных механизмов, опираясь на опыт тех государств, которые уже прошли данный путь, достигается благодаря тем возможностям, которые предоставлены федеральным законодательством, и, как отмечает В.В. Дубровин (Dubrovin, 2011:81–142), одновременно местными правовыми актами, а также внутриведомственными нормативами.

¹ Пункт 8 Распоряжения Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

² V Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Экономические и социальные последствия преступности: новые задачи в области исследования и планирования. Женева: [б.и.], 1975. С. 26–27.

Нормативно-правовой аспект поиска эффективных способов возмещения вреда, причиненного преступлением

На государственном уровне постоянно ведется работа по нормотворчеству в части возмещения вреда, причиненного преступлениями. В современной России и за рубежом разработано достаточное количество действенных, но не всегда действующих должным образом способов возмещения вреда, причиненного преступлением, которые можно свести в следующую систему:

1. Непосредственное и добровольное возмещение вреда самим обвиняемым за счет собственных средств. В Российской Федерации правовая природа этого способа возмещения заложена ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), но механизм реализации — уголовно-процессуальный. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит примеры возможных оснований прекращения уголовного преследования при условии возмещения вреда, причиненного преступлением, в соответствии со ст. ст. 25 и 28 УПК РФ, что, однако не гарантирует освобождение от уголовной ответственности, так как зависит от усмотрения субъекта, ведущего производство по делу. Такое обстоятельство никак не стимулирует обвиняемых к принятию мер по заглаживанию вреда, к тому же сама терминология «заглаживания» законодательно не уточнена. А между тем практика свидетельствует о выработке способов процессуального закрепления факта добровольного возмещения вреда: фиксация в протоколе допроса потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца или их представителей (назовем этих перечисленных лиц пострадавшими); собственноручное письменное заявление пострадавшего о том, что ущерб ему возмещен в полном объеме и претензий к обвиняемому не имеет; протоколы дополнительных допросов обвиняемого или его законного представителя; приобщенное к материалам дела ходатайство защитника; приходно-кассовый ордер юридического лица и пояснение его представителя, зафиксированное в протоколе допроса. Однако все перечисленные способы выработаны практикой и не имеют четкого законодательного закрепления. В связи с этим вносились различные предложения по восполнению указанного пробела. Так, В.А. Азаров указывал, что «когда сумма материального ущерба установлена и не вызывает возражений ни у потерпевшего, ни у обвиняемого, который желает его возместить, следовательно целесообразно не препятствовать непосредственной передаче в своем присутствии определенной суммы лицу, пострадавшему от преступления» (Azarov, 1990:149). Таким образом, предпринимались попытки по закреплению процедуры добровольного возмещения вреда самим причинителем, но далее, чем отражение в протоколах следственных и судебных действий, этот инструмент законодательного закрепления не получил.

2. Государственная компенсация причиненного вреда, которая заключается в комплексном мероприятии: полном восстановлении утраченных прав

(к примеру, трудовых, социальных, пенсионных); получении медицинской помощи, в том числе косметологической, пластической, стоматологической бесплатно; работе с психологом (возможно даже психиатрическая помощь); денежных выплатах в счет погашения задолженностей по кредитам, за обучение, жилищно-коммунальных услуг, образовавшихся по вине обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного); выплаты по случаю потери кормильца семье и иждивенцам пострадавшего лица, а также другие выплаты и компенсации как материального, так и нематериального правосстановительного характера.

Правовые основы данного института в законодательстве Российской Федерации отчасти заложены в упомянутой выше ст. 52 Конституции Российской Федерации, согласно которой государство должно принять соответствующие действия, направленные на компенсацию причиненного преступлением вреда. Также защита прав потерпевших в уголовном судопроизводстве регламентируется Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»³, в котором отражены виды государственной защиты, применяемые в отношении потерпевших, меры обеспечения их безопасности и социальной поддержки, порядок применения этих мер, полномочия государственных органов и должностных лиц. Несмотря на, казалось бы, детальную проработанность, закон применяется весьма редко, на что обращается внимание в аналитическом докладе «Жертвы преступлений: право на защиту», подготовленном правозащитным движением «Спротивление» в 2015 году⁴. Так же деятельность по защите потерпевшего на всем этапе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела разъяснена Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»⁵, в котором задан вектор органам правосудия — на охрану законных интересов потерпевших.

3. Односторонняя реституция (от лат. *restitution* — восстановление) в пользу потерпевшей стороны имеет исключительно гражданско-правовую природу последствий сделок, совершенных под влиянием обмана и угроз (Sukharev, 1984:320). В юридической литературе данный институт имеет дискуссионный характер с точки зрения его сущностного содержания, применимости и степени разработанности как достаточного способа возмещения в уголов-

³ Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

⁴ Жертвы преступлений: право на защиту: аналитический доклад. М., 2015 // Фонд поддержки пострадавших от преступлений, available at: <http://soprotivlenie.org/vid/normativno-pravovye-akty-rf/>. (Accessed 05 April 2019).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 30.07.2010. № 147.

ном судопроизводстве (Gerasimenko, 2008; Senin, 2005; Dubrovin, 2011). При этом авторами не ставится под сомнение сам факт существования в отечественном законодательстве уголовно-процессуальной реституции, что противоречит не только действующему УПК РФ, где по смыслу и совокупному содержанию ст. ст. 81 и 82 определяется механизм возврата вещественных доказательств законному владельцу, что не может быть приравнено к возмещению вреда, причиненного преступлением. Более того, действия, описанные в ст. ст. 81–82 УПК РФ, не являются реституцией как правового последствия признания недействительными сделок, заключенными под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или при стечении тяжелых обстоятельств и заключающимися в возврате потерпевшей стороне виновной стороной всего полученного по сделке, а при невозможности возвратить полученное в натуре возмещения его стоимости в деньгах. Кроме того, согласно содержанию ст. ст. 15, 179 ГК РФ, потерпевшему возмещается другой стороной причиненный ему реальный ущерб в виде затрат на восстановление нарушенного права, утраты или повреждения его имущества. Поэтому позиция относительно сведения сущности реституции в уголовном процессе к передаче «вещей и материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления» (Gerasimenko, 2008:173), не имеет под собой юридических оснований. Уголовно-процессуальной реституции в действующем законодательстве Российской Федерации не существует и предпосылок к тому не создано.

4. Институт гражданского иска как единственно разработанный механизм возмещения вреда лицу, пострадавшему от преступления, урегулирован ст. ст. 42, 43, 44, 160.1, 216, 230, 250, 268, 309 УПК РФ, тем не менее остается исторически дискуссионным инструментом, поскольку его существование в уголовном процессе создает так называемый «соединенный» процессуальный порядок из уголовно-процессуальных, гражданско-процессуальных и гражданско-правовых норм. Это ведет, с одной стороны, к затягиванию и усложнению порядка разрешения уголовного дела по существу; отсутствию глубины исследования обстоятельств дела, относящихся к сфере гражданско-правовых отношений, судом уголовной юрисдикции; недобросовестности со стороны некоторых гражданских истцов в стремлении «подзаработать». С другой стороны, соединение в одном процессе уголовного и гражданского дела избавляет пострадавшее лицо от «тяжести» поэтапного переживания разных процедур, при этом право подачи иска в порядке гражданского производства создает у потерпевшего его законное право выбора с точки зрения удобства. В целом, как это верно было подмечено И.Я. Фойницким, «гражданский иск в уголовном процессе является элементом дополнительным, присоединяющимся, отсюда подчиненная природа его» (Foynitsky, 1999:160). Отказ от института гражданского иска в современных условиях развития российской уголовной юстиции нецелесообразен, во-первых, ввиду отсутствия иных действенных средств обеспечения и восстановления нарушенных прав и интересов потерпевшего; во-вторых, данный ин-

ститут по сей день остается одним из инструментов реализации права обвиняемого на защиту. К тому же, как отмечает В.В. Владимирова «...при одновременном рассмотрении в уголовном процессе гражданского иска значительно повышается воспитательная роль уголовного процесса, поскольку у потерпевших и иных лиц, участвующих в рассмотрении дела, складывается убеждение в неизбежности возмещения причиненного преступлением ущерба» (Vladimirova, 2007:100).

Процедурный аспект поиска эффективных способов возмещения вреда, причиненного преступлением

На наш взгляд, наиболее перспективными с точки зрения удовлетворения потребностей лиц, пострадавших от преступлений, ускорения и упрощения уголовных процедур в системе восстановительного правосудия являются добровольное возмещение вреда обвиняемым на основе внедрения в уголовный процесс института соглашения о примирении сторон и полная государственная компенсация причиненного вреда потерпевшему, как взаимодополняемые и взаимозаменяемые инструменты.

Там, где добровольный способ возмещения вреда не всегда применим ввиду отсутствия зачастую у обвиняемого дохода, заработка, имущества, на которое можно было бы обратить взыскание, либо виновное лицо не установлено, либо отсутствует в связи со смертью, вред, причиненный преступлением, должен быть возмещен в полном объеме государством при совершении любого преступления. Процедурно осуществить это возможно на основе приказного производства по примеру Великобритании, что широко обсуждается и поддерживается как в юридической литературе (Dubrovin, 2009; Yunoshev, 2008), так и среди практиков (Kurdanov, 2019). Также развитие согласительных процедур, которые представляют собой различные формы взаимодействия органов уголовной юстиции с гражданами, общественными организациями, фондами (Заусев, 2016), должно стать действенным механизмом в числе способов возмещения вреда, причиненного преступлением.

В связи с этим нами предлагается ввести в действующий УПК главу об особом порядке принятия судебного решения при заключении соглашения о примирении сторон.

Суть соглашения заключена в построении сотрудничества правоохранительных органов и суда с общественными организациями и центрами, оказывающими помощь и реабилитацию лиц, пострадавших от преступлений, посредством которого, с одной стороны, является трехсторонний документ — соглашение о примирении между пострадавшим и обвиняемым, удостоверенное судом, а, с другой стороны, результат этого сотрудничества представляет собой составленный процессуальный документ: постановление или обвинительный приговор, содержащий обоснованное решение суда относительно исхода уголовного дела.

Основанием предлагаемого нами особого порядка принятия судебного решения должно быть заявленное в письменной форме ходатайство потерпевшего, частного обвинителя, законного представителя. Такое ходатайство может быть подано в течение всего производства по уголовному делу, начиная с момента официального уголовного преследования (возбуждения уголовного дела, применения меры пресечения, задержания лица, подачи заявления в мировой суд в порядке частного обвинения) и вплоть до окончания судебного следствия. В процессе реализации данного ходатайства потерпевший, частный обвинитель должны быть обеспечены квалифицированной юридической помощью, в том числе за счет средств государства. Дабы избежать возможное давление со стороны обвиняемого, подсудимого и гарантировать безопасность пострадавших лиц, удостоверить «добрые намерения» сторон в вопросе примирения, а также факт возмещения вреда в той форме, которая удовлетворяла бы законные притязания потерпевшего (иного пострадавшего лица), в ходатайстве, на наш взгляд, надлежит указать, в каком центре, общественной организации по содействию лицам, пострадавшим от преступлений, и в какие сроки состоится примирение.

Нами не исключается возможность заявления ходатайства как на этапе досудебного производства, так и в ходе судебного разбирательства. При этом, как нам видится, должностным лицом, разрешающим ходатайство по существу с вынесением соответствующего постановления об удовлетворении ходатайства либо его отклонении в досудебном порядке производства, должен быть прокурор.

При принятии постановления об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства прокурору или суду надлежит дать оценку достаточности действиям, которые подозреваемый, обвиняемый или подсудимый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в соглашении о примирении; указать на смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в соглашении о примирении. Соглашение о примирении должно быть подписано сторонами и судом.

Дальнейшее производство по уголовному делу может осуществлять в порядке особого порядка принятия судебного решения. Так, прокурор в случае утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта) выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу. В представлении прокурора надлежит, по нашему мнению, указать в чем конкретно будет выражаться помощь обвиняемого потерпевшему, какие выплаты надлежит произвести, каков будет источник финансирования и иные действия, направленные на возмещение вреда.

Таким образом, данным процессуальным документом должны быть обозначены пределы будущего судебного заседания, проводимого в особом порядке и относящимся к вопросу о примирении сторон.

Судья, на наш взгляд, прежде, чем выносить окончательное решение по делу, должен удостовериться, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним соглашением о примирении, и только после этого постановляет обвинительный приговор и с учетом положений ч. ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ назначает подсудимому наказание. По усмотрению суда подсудимому с учетом положений ст. ст. 64, 73, 80.1 УК может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания.

Наличие таких норм, несомненно, может иметь существенное значение при разработке схем включения программ восстановительного правосудия в уголовное судопроизводство. При отсутствии обособленной системы восстановительной юстиции российское законодательство, между тем, располагает потенциальной возможностью определить особый порядок производства при наличии согласия обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного) на добровольное возмещение вреда и оказание иной помощи потерпевшему по восстановлению его прав и интересов, нарушенных преступлением.

Во-первых, речь в данном случае идет о расширении предмета доказывания по делам таких категорий, когда при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства в отношении обвиняемых в поле внимания соответствующих органов должен быть обязательно включен вопрос об условиях жизни, материальном достатке, наличии лиц-иждивенцев.

Во-вторых, правомерно говорить о специфике уголовной ответственности: в отношении лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, соответственно, предусмотреть возможность освобождения их от уголовной ответственности при условии полного возмещения присужденного судом ущерба, оказания регулярной помощи потерпевшему, а также посещения специализированных организаций по урегулированию конфликтных ситуаций.

В-третьих, правомерно можно было бы рекомендовать при постановлении приговора по остальным категориям уголовных дел обсуждать вопросы: об условном осуждении, о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также об освобождении от наказания в случаях, когда его исправление могло бы быть достигнуто иными способами при наличии заключенного между потерпевшим и обвиняемым соглашения о возмещении вреда со стороны последнего.

Заключение

Предлагаемая модель лишь отчасти решит вопросы повышения эффективности способов возмещения вреда. Необходимо также тщательно обдумать, по каким составам преступлений она будет применима, каким должен быть механизм взаимодействия органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делу, и реабилитационных центров оказания помощи жертвам пре-

ступлений, дополнить полномочия суда и прокуратуры, разработать систему пенитенциарного контроля за исполнением соглашения о примирении после вступления приговора в законную силу. Вместе с тем нами усматривается, что в новых процедурных правилах заключено будущее развития уголовного судопроизводства и воплощение идеи восстановительного правосудия.

Принимая во внимание, что фигура потерпевшего является ключевой, следовательно, обоснованно появляется необходимость принять соответствующие меры к тому, чтобы совершенствование функционального назначения судопроизводства было ориентировано именно на обеспечение механизма восстановления прав и интересов потерпевшего, а также и иных лиц, пострадавших от совершения преступления. Как частная жизнь, так и частный интерес гражданина, будучи правовой категорией, не должны рассматриваться как социальная категория, не имеющая правового содержания, то есть вне правового регулирования. В связи с этим заметим, что от частного интереса не в малой степени может зависеть и форма уголовного судопроизводства, соответственно, и его модель.

Библиографический список / References

- Azarov, V.A. (1990) *Dobrovol'noe vozmeshchenie v ugovnom protsesse material'nogo ushcherba, prichinnogo prestupleniem* [Voluntary compensation in criminal process of the material damage caused by a crime]. *Strengthening of legality in the conditions of reorganization: collection of scientific works*. Volgograd: VSSh MVD SSSR Publ. 148–152. (in Russian).
Азаров В.А. Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного преступлением // Укрепление законности в условиях перестройки: сборник научных трудов. Волгоград: ВСШ МВД СССР. 1990. С. 148–152.
- Vladimirova, V.V. (2007) *Kompensatsiya moral'nogo vreda — mera rehabilitatsii poterpevshego v rossiiskom ugovnom protsesse* [Compensation of moral harm — a measure of rehabilitation of the victim in the Russian criminal process]. Moscow: Volters Kluver Publ. (in Russian).
Владимирова В.В. Компенсация морального вреда — мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 165 с.
- Gerasimenko, A.S. (2008) Implementation of the Institute of restitution. *Business in law*. (2), 172–173. (in Russian).
Герасименко А.С. Реализация института реституции // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 172–173.
- Dubrovin, V.V. (2011) *Vozmeshchenie vreda ot prestuplenii v ugovnom sudoproizvodstve (otechestvennyi, zarubezhnyi, mezhdunarodnyi opyt pravovogo regulirovaniya)* [Compensation of harm from crimes in criminal proceedings (domestic, foreign, international experience of legal regulation)]. Moscow: Yurlitinform Publ. (in Russian).
Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования). М.: Юрлитинформ, 2011.
- Dubrovin, V.V., Volevodz, A.G. (2009) Legal regulation of compensation for harm caused by a crime under the legislation of foreign countries. *Legal world*. (11), 57–66. (in Russian).
Дубровин В.В., Волеводз А.Г. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству зарубежных стран // Юридический мир. 2009. № 11. С. 57–66.

- Zaitsev, O.A. (2016) The Main directions of improvement of the Russian criminal procedure legislation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia*. (4), 67–69. (in Russian).
Зайцев О.А. Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 67–69.
- Kurdanov, V.O. (2019) Experience in the application of compensation for moral harm abroad, issues of improving the legal regulation of the Institute of moral harm in Russia. Rubric of the Kamchatka regional court “Thoughts aloud...”, available at: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2318. (in Russian).
Курданов В.О. Опыт в применении компенсации морального вреда за рубежом, вопросы совершенствования правового регулирования института морального вреда в России // Рубрика Камчатского краевого суда «Мысли вслух...», available at: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2318
- Liborakina, M.I., Flamer, M.G., Yakimets, V.N. (1996) *Sotsial'noe partnerstvo [The social partnership]*. Moscow: School of cultural policy Publ. (in Russian).
Либоракина М.И., Флямер М.Г., Якимец В.Н. Социальное партнерство. М.: Школа культурной политики. 1996. 116 с.
- Senin, N.N. (2005) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo prestupleniem, v ugovnom protsesse [Compensation for damage caused by a crime in criminal proceedings]*. Tomsk: Publishing House of NTL. (in Russian).
Сенин Н.Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе. Томск: Изд-во НТЛ, 2005.
- Foinitsky, I.Y. (1999) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva: khrestomatiya po ugovnomu protsessu Rossii [Course of criminal proceedings: a reader on criminal procedure of Russia]*. Compiled by prof. E.F. Kutsova. Moscow: Gorodets Publ. (in Russian).
Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: хрестоматия по уголовному процессу России / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. М.: Городец, 1999.
- Yunoshev, S.V. (2008) Gosudarstvennye kompensatsii zhertvam prestuplenii v praktike zarubezhnykh stran [State compensation to victims of crimes in the practice of foreign countries]. *Actual problems of the modern criminal process in Russia: interuniversity. collection of scientific articles*. Prof. Lazareva V.A. (Ed.). Samara: Publishing House “Samara University”. (3), 64–74. (in Russian).
Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений в практике зарубежных стран // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных статей / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. Вып. 3. С. 64–74.
- Sukharev, A.Ya. (ed.) (1984) *Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar' [Legal encyclopedic dictionary]*. Moscow: Soviet encyclopedia Publ. (in Russian).
Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Советская энциклопедия, 1984. 416 с.

Об авторах:

Тарнавский Олег Александрович — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса, юридический факультет, Оренбургский государственный университет
ORCID ID: 0000-0002-4062-2045
e-mail: Natey@mail.ru

Бормотова Ладмила Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и финансового права, юридический факультет, Оренбургский государственный университет

ORCID ID: 0000-0002-6003-2675

e-mail: kaifp@mail.osu.ru

Для цитирования:

Тарнавский О.А., Бормотова Л.В. Идеологический, нормативно-правовой и процедурный аспекты поиска эффективных способов возмещения вреда, причиненного преступлением // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.* 2020. Т. 24. № 1. С. 46–59. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-46-59.

Дата поступления в редакцию: 23 октября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Research Article

IDEOLOGICAL, LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF THE SEARCH FOR EFFECTIVE WAYS OF COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY THE CRIME

Orenburg state University
13, Pobedy Avenue, 460018, Orenburg, Russia

The level of public confidence in the law enforcement and judicial system leaves much to be desired from year to year, citizens are increasingly showing contempt for the laws and refuse to promote justice. This is due to a number of reasons that lie not only in the plane of this discussion. Meanwhile, it is obvious that punitive measures of influence do not have the proper effect in the absence of concern on the part of the state about its citizens who have been subjected to criminal influence. Analysis from the point of view of the prospects of the article subjected to all the existing forms of redress. As a result, the authors came to the conclusion that it is necessary to simplify the methods of compensation of harm on the way to the construction of restorative criminal justice in our country. The interests of the individual and the state in modern criminal proceedings are increasingly consistent with the two most promising in the opinion of the authors of the article forms of compensation for harm: voluntary compensation for harm to the accused and/or state compensation.

Key words: restorative justice, compensation for harm, victim, civil claim, state compensation, restitution in criminal proceedings

About authors:

Oleg A. Tarnavsky — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Law Faculty, Orenburg state University

ORCID ID: 0000-0002-4062-2045

e-mail: Natey@mail.ru

Ladmila V. Bormotova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Law Faculty Federal state budgetary educational institution of higher education «Orenburg state University»

ORCID ID: 0000-0002-6003-2675

e-mail: kaifp@mail.osu.ru

For citation:

Tarnavsky, O.A., Bormotova, L.V. (2020) Ideological, legal and procedural aspects of the search for effective ways of compensation for harm caused by the crime. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 46–59. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-46-59.

Article received October 23, 2019

Article accepted December 25, 2019

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

LEGAL RESEARCH METHODOLOGY

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-60-81

Research Article

THE IDEA OF SELF-ORGANIZATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

Aleksey V. ZyrianovSouth Ural State University
76, Lenina ave., Chelyabinsk, Russia, 454080

This article is devoted to the problem of theory and practice of public administration in modern conditions. Actualization is carried out by searching for a new paradigm approach in order to determine the starting points regarding optimization and increasing the efficiency of the corresponding sphere of public relations.

The self-organizational approach, developed as a synergistic-information approach, corresponding to the methodological principles of the modern postnonclassical paradigm of scientific rationality, which was the result of the development of ideas of cybernetics, tectology, theory of systems and theory of dissipative structures, represents a special (different from the “classical” (mechanistic)) view on the relations of organization and management of state processes.

It is established that the process of organization is aimed at revealing new socially constructive qualities of the becoming systemic form and provides fixation and completion of the corresponding self-organizing structures of the state mechanism. Self-organization is included in the organizational process, providing flexibility and adaptive capacity of purposefully created structures. However, in this process, at the same time, there are stable structures of static importance, forming subsystems of management, designed to preserve the static form, regardless of their social value. The objective conservatism of these formations stagnates the creative renewal of the way of activity of social individuals, thus closing the process of formation of society as a whole and turning it into a system of final type.

In this case, self-organization manifests itself as an opposing party to such a state and on a historical scale destroys the rigid structures of public administration, with their inherent anomalies of the state apparatus. In the synergistic-informational understanding of the meaning of the state, its adminis-

© Zyrianov A.V., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

trative purpose is to provide conditions for the dynamic formation of society capable of overcoming extreme, crisis processes.

As a result, it is possible to consider the provision on the unity of forms of public order — self-organization, organization and means of their provision — public administration. The latter is considered not only as a function of organization and manifestation of self-organization, but as a means of implementing public order in both forms. This implies overcoming the mismatch between the interests of the people and the system of power in the state policy. Since the formation of such a policy of the state is associated with the transition from the power base of regulation of public relations to the information one, this process acquires an objective meaning and cannot but form the basis for the development of the strategy of socio-economic and socio-political development of the country, all socially significant administrative projects.

Key words: state, administration, system, self-organization, crisis, synergies, paradigms, models, anomalies

Introduction

The entry of mankind into the next millennium of history is taking place in the context of an increasing complication of relations in the system of man — society — state — international community. The traditionally established homeostats of social life were not able to filter the content of flows of conflicting information and orient people towards a constructive dialogue with each other, with society, with the state and nature. Once open to all forms of external influences, a person experiences stress on his adaptive mechanisms, goes into a state of unstable being and seeks protection of his life in an individual and/or group isolation. The aggravation of competitive relationships in connection with this creates an uneven distribution of resources and means of living, creates tension in social moods, which, crossing a critical border, becomes a factor in breaking socially significant ties and replacing them with relationships of unilateral force or economic pressure.

The state, restrained by historically established forms of mutual relations with civil society, loses its ability to control social processes, especially of the organizational type. Increasingly alienating in this connection from the society (subjectivizing), it closes in itself and becomes the arena of the struggle for power, which from a means of social ordering turns into an end in itself or a means of protecting the interests of the economically dominant thin social layer. It becomes obvious that the traditionally established forms and methods of government, especially those related to relations between the state and civil society, cannot withstand the rapidly growing load of crisis events and are in a state that threatens not only by local social disasters.

The analysis of the ongoing processes and the search for a solution to this complex problem have until recently been carried out and continue to be carried out in the prevailing part within the framework of the classical deterministic paradigm, based on the concept of the world as a fundamentally equilibrium system, where the linear measurement of natural and social processes creates the illusion of opportunity of focused design of the future from the present and obtaining planned results. On this basis, the practice of rigid, limited in the choice of methods and means, administration, including the public one, has been formed.

The process of the emergence and development of ideas of social and state self-organization, their theoretical justification and gradual entry into the practice of state building is an example of the formation of a new branch of scientific knowledge. The crisis of the classical paradigm in understanding the super complex non-linearly developing systems has unstable the traditional ideas about the phenomena and processes of the social world such as society and the state. Dogmatic positions, losing their certainty, have become open to their critical rethinking and transformation.

It should be noted that there is a significant theoretical and methodological basis in the specified area of research. Thus, methodological problems of management in the context of postnonclassical science were studied: N.N. Moiseev (Moiseev, 2001), G.I. Ruzavin (Ruzavin, 1995), K.H. Delokarov (Delokarov, 1995), S.P., Kurdumov, E.H. Knyazeva (Knyazeva, Kurdyumov, 1997). Specifics of management in the conditions of social crisis and development of social processes in a mode with aggravation: V. G. Budanov (Budanov, 2003), information approach in management of complex self-organizing social systems: G.G. Malinetsky (Malinetsky, 2000). Relationship between culture and management in the synergetic aspect: O. N. Astafieva (Astafieva, 1999).

Some aspects of the relationship between the state system and the processes of social self-organization are presented in the works of O.V. Baryshnikova (Baryshnikov, 2001), A. B. Vengerova (Vengerov, 1986), G.A. Tumanova (Tumanov, 1986), V.S. Egorova (Egorova, 1994), A.V. Ivanova (Ivanov, 2001), L.A. Kalinichenko (Kalinichenko, 2000), A. P. Nazaretyana (Nazaretian, 2001), V.K. Petrova (Petrov, 2005), V.N. Protasova (Protasov, 2001), O.F. Shabrova (Shabrov, 1997), L.V. Leskova (Leskov, 1998), V.L. Romanova (Romanov, 2003) covering different directions of theory and practice of public organization and management in the postnonclassical representation.

The correctness of the choice of the channel, in which social science is involved in the general theory of self-organization, is checked traditionally — by the request of practice. The openness of practice, its creativity in response to changes in the mode of activity included in it and its inverse effect on the state of society, the conditions and quality of human life, the multivariance of the results of these answers, the unpredictability of their consequences in public life, require scientific studies of the processes developing in it precisely in the context of the theory of self-organization.

Changing and complicating the political and economic landscape of society requires a fundamentally new approach to the organization and functioning of the public administration system, the practical search of which is extremely difficult, with significant losses. It is becoming increasingly obvious that in the modern public administration it is necessary to proceed from the fundamentally new paradigmatic foundations in which forms and methods of administration would not be the product of subjective views and attitudes of those in power, but formed based on the real process of evolutionarily determined social transformations.

Evolution of the public administration paradigm

The centuries-old methodological and ideological tradition of public administration was formed within the framework of the deterministic paradigm based on the idea of the state as a balanced system (mechanism). The linear measurement of social processes created the illusion of the ability to project the future of multicomponent “managed objects” and to obtain the necessary results by “managing subjects” in accordance with the stipulated project parameters. For this reason, the practice of strict social control — “managing society” seems acceptable and justified. The purpose of such leadership activities is to maintain the established order and restore it in case of violation. It is enough, for example, to limit energy with a speed sufficient to achieve a certain limit, or to establish nominal or real limiters on the path of spontaneous potential. Perhaps the order will exist in such a system for some time, but its progressive development will slow down or even be eliminated. The society and the state in which the order is implemented in the indicated “mechanical” way are insular, closed with all the consequences arising from this state (Knyazeva, Kurdyumov, 1997:64) — stagnation, degradation, death.

The non-classical stage of the development of science has put forward a new paradigm of administration. The new system of cognitive ideals and norms provides a significant expansion of the field of controlled objects, opening the way for the development of complex self-regulated systems. Such objects are characterized by a multilevel organization, the presence of relatively autonomous and variable subsystems in motion, the massive stochastic interaction of their elements, the presence of a control level and feedbacks that ensure the integrity of the system. It is determined that a complex dynamic system (the systemic form of the state) is capable of ensuring the stability of its internal structure (mechanism) with certain (remembered by it) changes in the environment (society). The main role is information about deviations and methods for their normalization. The distribution and linking of this information in the system’s memory and its movement through a closed feedback review is a self-regulating mechanism. The non-classical cybernetic approach to managing social systems has taken the administrative paradigm beyond the framework of the mechanistic one, but the ideological guidelines of the “conservative” administration strategy and tactics have not been overcome. “Linearity”, “following the established order”, “closed cycle”, “returning to normal”, “constancy”, “conservation” — all these are from the vocabulary of equilibrium dynamics.

Post-nonclassical science brings to the forefront conceptual synergetic categories: “openness”, “non-equilibrium”, “non-linearity”, “complexity”, etc., managerial thought regarding society and the state moves away from the “lever-mechanical” worldviews. The modern metaphor of society as the environment, which forms a functional sub-system — the state (with its own system function (non-linear function) — right), which is a fast stream with unexpected turns in time and space, chaotic, but at the same time predefined in each zone of its turbulence. One can find a more success-

ful metaphor, but the general meaning is that administration is designed not to calm the movement of life, but to streamline life in an unequal environment (Knyazeva, Kurdyumov, 1997:68).

In widespread use, public administration is defined as a conscious, systematic, specially organized action of power on society in order to streamline and improve its social and functional structure in the process of development and implementation of the goal. However, this definition clearly corresponds to “classical” positions. Society and all the processes taking place in it play the role of objects of administration. The purpose of administration is to streamline them according to the goal achieved. It is believed that this goal is determined by a specific subject who knows what society should be and is able to influence it in the process of achieving this goal. Thus, the subject of public administration is placed above society and is called to decide its fate. The history, including the latest, not only knows the tragic results of the practical implementation of this approach to administration, but, unfortunately, provides them.

The post-non-classical paradigm determines the place of the subject of administration in the structure of society. Directly participating in public life, he lives this life, by his problems, organized in the process of social self-organization and implemented in the organization of the environment into which he enters. Social changes make adjustments to the structural and qualitative characteristics of subjects and control objects, not opposing, but synergizing the subject-object relations.

In this regard, the process of public administration is revealed in a new light. Objectively, it originates not in one highest point of social space, but in a variety of micro-level loci of social self-organization. Spontaneously arising in the process of overcoming the crisis, when individuals pass through bifurcation states, the order parameters are consistent with both public and private interests in society and acquire the value of arranging (organizing) or directing and regulating (controlling) factors. During the interaction of local social formations, the order parameters are selected that coordinate the relations and behavior of the elements of the system (government bodies) of the next organizational level up to the highest officials of the state apparatus. Thus, in the synergy of self-organization, organization and administration, a self-governing system of state organization is formed.

In connection with the new paradigm, the goal of administration is determined based on the requirements and capabilities of a self-organized system to carry out the formation and development, the need to help unlock the potential and coordinate the intensity and direction of the dynamics of self-developing local processes when the environment of their functioning changes. The ultimate goal of public administration is to ensure the rights, freedoms and conditions for human life as a species. All management systems, regardless of their organizational level, should be focused on this goal. The trend of the modern public administration: from coercion to motivation (Delokarov, 1995:129).

The new paradigm of the process of public administration and its forms focuses on a complex (open, non-linear) way of building relationships with elements of

a self-organizing system, the activity of which is “woven” from extreme, adaptive states and processes. The administration concept should take into account alternative social development and behavior in the critical area of system parameters by imposing significant restrictions on external effects. It is possible to say that there can be no external influences that could “impose” such behavior that is not provided for by the potential structure of the state system.

Thus, supporters of the synergetic methodology argue that the process of self-organization is a movement in only one direction — forward. This does not mean that the newly formed system will be in a “better” state, compared to the previous one. It becomes what it can be, experiencing a certain event or a series of events arising in time. This is the meaning of self-organization as a process of formation.

As already noted, the classical idea of the structure and the process of ordering the world is focused on the fact that everything is ordered, and the unrest that occurs is a frequent case of order and can be eliminated by the actions of its laws. The synergistic picture of the world is different. Everything in nature, including man, society, and therefore the state, is not balanced. In being itself, wherever it appears, chaos states are constantly included, which are sources of movement and self-organization.

The theory of self-organization laid the foundation for a new paradigm that radically changes the classical view of the world picture, the relationship of the material and the ideal, the essence of evolution, creativity, complementarity, etc. Synergy is also making profound changes in the theory of administration. Disorganization, crises, and even chaos, which in the framework of the classical paradigm were recognized as the antipodes of order, today are seen as a condition for systems to reach a new, higher level of development.

It must be said that in social science the theory of self-organization is at the stage of methodological formation. Having penetrated into these areas at a high worldview level, synergy is carefully introduced into the theory of the state. This caution is explicable. Thinking that has formed in line with the classical paradigm cannot easily accept the phenomenon of disorganization as a necessary process of social creativity. Nevertheless, the rapidly unfolding panorama of the stochastically developing state processes in the life of Russia and other countries experiencing crises of various nature, as well as the present tendency of the world community to plunge into a state of unstable equilibrium — one part of it, and stable non-equilibrium — the other, testify to the relevance of the analysis of the already begun process of formation of the theory of self-organization of the state and law. There is every reason to believe that the development of research in this direction will not only deepen the theoretical ideas about the self-organization of public life, but also provide an opportunity to determine approaches to the formation in the socio-political practice of such relations between the state as the institution of a social organization and society as a self-organizing system that would most fully meet the interests of the present and future life of mankind.

Two conceptual models of public administration

To study the nature and dynamics of the continuum of relations of self-organization, organization and administration, we will conduct a comparative analysis of their manifestations in the processes of various stages of the life state of the system using two types of models. Type A is an “organismic model”, showing successive phases of the process of state formation, having the boundaries of its development and existence in real time. We call it a “fatal” model. Type B is an “alternative model” open to future movement.

The spontaneous appearance of both the first and the second occurs the same way — in the chaos of multidirectional movements of social individuals and their groups, determined by their own requirements and interests. The areas of order formed in this chaos are associated with long-lived social factors (archetypes, beliefs, traditions, etc.). Cooperation begins at the moment of critical tension (crisis) caused by uncertainty in satisfying vital needs. A vector of coordinated (coherent) motion is formed at the bifurcation points as a result of the appearance of the attraction of volatile modes with the participation of individual elements in the general goal setting stream. Organization and administration in this process are included in self-organization as special cases manifesting at the moment of personality choice (Romanov, 2003:120).

With the establishment of systemic integrity, the process of formation of its fundamental qualitative properties (forms of government) that determine its features, self-determination relative to other state-shaped system formations takes place. In this process, a communication channel is formed for the movement of components and stable operating parameters of the order, which is the beginning of the organizational system of the state and the basis of the emerging administration subsystem.

As the system reaches maturity, the value of organization and administration increases. The maturity of the system occurs at the end of the formation of its organizational structure, which includes the administration subsystem (state mechanism). Then the quality of government processes in the studied models begins to be specified. In the first model, its configuration takes on a finite character; in the second, the movement continues in the upward direction. What are the mechanisms responsible for these differences?

The resulting state system (model of the first type) is characterized by isolation in relation to other systems, the rigid determinism of component relationships, the certainty of the relationship between the linear development of processes and their reversibility. The created organization is supported by its administration system, the subject of which is deviations from the order parameters established in the structure, and possible dysfunctions, which are defined as pathology and integrity threat. From the point of view of the classical approach in the theory of administration, this stage of systemic life is considered optimal, where the main task is to preserve the organization. This formulation indicates organization and administration in the form of

dominant processes in the system and contradicting its self-organization, since it is it that is the producer of deviations from the framework of the maintained order (Atamanchuk, 1997:98).

The real social practice refutes such relations, since the process of self-organization can neither be restrained, nor, moreover, stopped. In a situation of closure of systemic self-organization, an internal maximization of entropy is manifested. As a result, fluctuations destroy the conservative (bone), stagnant components of organization and administration that impede the transformation of the system. If the conservatism of the organization (form of the state) is steadily supported by the administration system, self-organization processes are manifested in its disorganization. The public administration system, losing the effectiveness of the state-political system, goes into the phase of functioning in the degradation mode. If at this stage the attempts of the administration subject continue to preserve the parameters of the order, which has outlived its usefulness, then the system is in crisis. This situation can no longer be resolved due to the depletion of the adaptation possibilities of former homeostats, and the system is in a state of significant imbalance. The oscillatory effect ends with a crisis, the collapse of the system.

In the second model, the quality of the relationship between self-organization, organization, and administration is excellent. The purpose of administration is not to maintain a static order, but self-organization, which is manifested in the continuous process of state formation, that is, dynamic organization, dynamic stability.

Remember that in accordance with the anthropic principle, the main source of the upward movement of the state and society is a freely developing spiritually and cognitively active person. If in the first model the human freedoms (the possibility of developing human resources) are limited by the rigid framework of the conditions for the functioning of a particular state regime, then in the second version, the control is aimed at expanding the life-affirming freedom of a person through faster adaptation, rejection of the overly stabilizing order parameters, and also overcoming deviations of individuals and groups (associations) to ensure free self-organization of socially productive individuals (Romanov, 2003:148).

Thus, both models indicate the importance of self-organization as a methodological basis for analyzing the process of formation and development of a dynamic state system. The quality of the state form manifests itself as a special case of self-organization, the moment of fixing the order parameters at the intermediate stages of development, which means a systemic predetermination to achieve new qualitative properties. The administration system works as a tool to support dynamic stability. If administration is primitive, that is, the will of the subject is aimed at securing the organization at one of the levels of development of the state system, self-organization overcomes systemic conservatism through disorganization, and the system or its parts again (often through crisis and catastrophe) are included in the current process of development of general in the form of speculative samples of the organizational structure. It is necessary to say that the model presented here is

fully correlated with the formation of human civilization and human systems in general, on a historical time scale.

At the same time, it should be noted that at the micro level, the processes of life organization still more closely correspond to the characteristics of the final model of social systems. However, the finality of these systems is due to the rigidity of the organization of not only arbitrary genesis, but also the dependence of their resource potential or on the genetic program. The goal of managing these relatively short-lived systems is the same — to ensure the freedom of their effective formation and development and at the same time — the maximum possible innovative contribution to the social resource of the emerging state macro-system expressed in the form of a certain form of political relations.

The main factor in the self-organizing movement, ensuring the continuing nature of state formation, is the way people work, updated in the process of generational change or component composition of the system. The progressive orientation of this movement is ensured by the evolution of scientific knowledge, the spiritual and moral orientation of its practical application, the elevated human needs, the free movement of information about the possibilities of realizing private and public interests.

Thus, the economic component of the mode of activity represents in the process of continuing social development its product, which provides the means, and not the fundamental end in itself. The infinity of self-organization of the natural world, its openness to equally endless cognition, respectively, determines the limitlessness of the evolution of reason and in its continuum — the formation of man in a becoming society. The unpredictability of the concrete results of this process in the future, which is characteristic of self-organization, determines, by the strategic goal of life, not dubious government projects and strict support for movement towards them, but the freedom of the formation process. Society and the state will become not what they “should be” according to wise design, but what they can be as a result of advancing the mode of activity (Atamanchuk, 1997:104).

The continuum of ongoing state formation manifests itself in a discrete, non-linear configuration. This is due to deviations in the upward movement as a result of both innovative “bursts” (acceleration) and socio-pathological deviations (inhibition). In the framework of this work, it was established that all kinds of deviations in the “normal” movement, including crises, are intrinsically inherent in self-organization and are the basis in the genesis of organization and administration, which are organically included in the process of self-organization. Fixing in the structures of newly emerging order parameters and “completed” qualities, restructuring, if necessary, releasing components from obsolete structures that inhibit innovative activity are the basic tasks of the organization as a conscious form of public ordering.

Thus, administration acts as a means of realizing these and other tasks of organizational support for the self-organizing process of state formation. In this context, the theory and practice of public administration overcomes the framework of the classical idea of it as “managing society”, based on the power-force prevention and elim-

ination of deviations and crises in social processes with a focus on the interests of the subject of administration. The highest goal of public administration from the perspective of an emerging new paradigm is to ensure the conditions for the life-affirming formation of a person as a species and society — as an environment for his living arrangement. The essential content of the process of the formation of such an approach to public administration in moving from coercion to motivation, to attraction of individuals and their associations in the channels, forming the general movement in the upward vector of state development (Shalayev, 1999:208).

Idea of anti-crisis public administration

It is possible to say that the idea of anti-crisis is paradoxical in nature. If a crisis is a discharge of an extreme state and a moment of self-organization, then crisis management assumes the neutralization of this discharge, and, accordingly, the repayment of the process of self-organization. At the same time, the extreme state of the state system is a difficult test for people who find themselves in a critical zone, and hardly anyone considers it appropriate to give their own destinies to the power of chance, even in the name of the brightest future. Solving this dilemma, it is obvious that two main administration tasks should be distinguished: 1) prevention of an extreme (crisis) situation of arbitrary genesis and with the threat of its transition to a catastrophe (actually crisis management); 2) assistance to the system experiencing the crisis in its way out of the extreme state in the optimal vector, or at least with less organizational and human losses (extreme management). Initial provisions of this approach: extremes associated with socio-pathological behavior of people, errors in activity or inaction can be prevented; the destructive power of the crisis can be weakened by consciously supporting the adaptive capabilities of the system; it is possible to promote the state system in preserving and revealing the genetic potential and, on this basis, get out of the crisis into a vector of progressive formation; it is possible to stimulate the recovery process in the period when the system emerges from the crisis; finally, the idea of using the energy of the crisis for socially constructive purposes can be realized (Yakovets, 1999:307). Thus, the tactics of public administration are built depending on the phase of the movement of the system in the process of its formation and development, in which various relationships of self-organization, organization and administration are manifested.

The theme of the crisis for modern scientists and practitioners of administration is quite new, arose suddenly and sounded immediately at the height of relevance. The crisis of politics, the crisis of the economy, the crisis of culture, the crisis of education, the crisis of science, the crisis of healthcare, the crisis of spirituality is not a complete list of local-sphere crises that produce a systemic social crisis and are its consequence. The idea of anti-crisis management, ensuring on this basis the “sustainable” development of society and the state, is increasingly pushing its way. There are some results. But they are not equivalent to the real threat of crisis. The field of crisis

management remains on a local scale and achievements are focused mainly in the economic sphere.

It seems that the crisis problem is reliably protected by nature from the invasion of the mind. The practice of public administration, taking in the conditions of the crisis seemingly optimal, life-tested solutions, result in a paradoxical response of the system, often aggravating the crisis process. It is becoming increasingly apparent that advances in crisis research are destroying the knowledge system that seems to have steadily developed in relation to the theory of administration. There is less and less doubt that the rationalistic paradigm of social science and state science, which is plunging into a crisis, will not solve the problem of social and state crisis.

Crisis is a sphere of unpredictability, non-linear processes and, accordingly, the subject area of the growing synergetic methodology. In this context, the crisis is seen not only as the apogee of disorganization, but also as the emergence of a new organization struggling with the emerging disorganization. An important component of understanding the essence of the crisis is already appearing here — unity in its meaning of destructive and constructive movements.

Almost all works on the topic of crisis and crisis management, one way or another, focus on crises of specific organizations (organizational forms) in the context of their functioning and development. Accordingly, “the apogee of disorganization”, “chaos” is the state of the organizations under study. But what about cases when crises of the same organizations arise not only in the depths of their disorganization, but also at the height of the organization? For example, the state can be destabilized in a crisis version precisely when its organizational form gives it the opportunity of total control of social processes.

Obviously, the crisis should not be considered from the standpoint of the state of an individual organization, but in the system of its relations with other organizations, such as the state in relation to society (the world community). It is in this space, on that part of it where intersystem relations are connected, that chaos of these relations arises, and it does not necessarily immediately responds to the organization of interest to us with a crisis.

In the same context, the problem of correlation of chaos as a scientific category is urgent — the theoretical construction of synergetic research, and crisis. Often found in the literature, their identification is not accidental. Prior to the fundamental discoveries of modern nonlinear dynamics, the concept of “chaos” had primarily the meaning of absolute disorder. The crisis is also denoted by this characteristic (“the apogee of disorganization”). The modern synergetic representation of chaos is, in a number of definitions, a revival of the ancient understanding of it as a constructive principle. Moreover, it is essential that dynamic chaos is not characterized as an absolute absence of any order. Rather, the opposite is true — dynamic chaos is in potentiality the bearer of a coherent hierarchy of order levels (Potaturin, 2000:63). Representing, in this way, chaos as the potential of order, the crisis should not be regarded as the “apogee of disorganization”, but as the moment of realization of the potential

of dynamic chaos, which manifests itself as a sudden spontaneous formation of structures (self-organization). In this process, the meaning of the formulated definition of the crisis as “a special case of a special chaotic regime” is revealed. It follows that the crisis is secondary to chaos. Chaos — a state, crisis — a moment when a new order is born out of chaos. If we accept this hypothesis, then it confronts us with another, crucial problem: why confront the crisis when it is the producer of order? Let us say more specifically: what is the meaning of crisis management then?

Let us turn to the fact that the dual probability of overcoming chaos applies to any crisis, no matter in which sphere it occurs. To study the phenomenon of this duality, it is necessary to delve deeper into the concept of chaos. As already noted, chaos is not an absolute lack of order. This means that in chaos we observe both order and disorder. Accordingly, we can assume that in chaos lies the potential of not only ordering, but also destruction. The subject area of crisis management, according to a simplified view, could relate to the prevention of collapse crises. But such an idea would be too simple. Apparently, we should talk about the inclusion in the chaos of some variables that would synergize multidirectional processes in the interests of constructive output. According to the proposed concept, the object of impact in crisis management should not be considered a crisis itself, but a situation in which a crisis “ripens” and is accomplished.

The main arena of crisis development that interests us is the spatio-temporal (correlated with the form of government, form of state system) and the functional (correlated with the state-political regime) borders of the public administration system. In a dynamic view, the boundary is a process of balancing interaction of disorganization and organizational factors. The stable opposition of the forces of activity on the one hand and resistance — on the other hand, forms a rigid boundary of the system. For self-organization, this is a special case — closing the system in a state of stable equilibrium with generating a crisis situation that is regular for closed systems and is associated with an intra-system increase in entropy (Nazaretian, 2001:109).

The real state system of the state is the oscillatory mobility of the processes of disorganization and organization in certain parameters. Organizationally determined restrictions on the realization of its expansive potential, the specifics of which are determined by economic, political, scientific, technical, and ideological resources, hinder the activity of the system beyond their limits. The impact on the system of disruptive external factors is also controlled by the indicated parameters, which dose this effect to the extent necessary and sufficient for the design and maintenance of protective mechanisms.

The form of the state, the system of government are the boundaries of homeostasis, provided by the parameters of the internal order. In case of spontaneous failures of protection mechanisms (fluctuations) and/or overcoming of their resistance by environmental agents, the boundaries of homeostasis break through, which creates local (in weak links) or general situations (with internal negative resonance) crisis situations. Steadily repeating violations of internal order parameters are caused by a homeostatic crisis, in the process of which the system either dies or “heals” due to the

reorganization of the structures and processes of homeostasis, their replacement with new ones that can neutralize or assimilate disturbances unusual for the previous homeostatic system. Such transformations of homeostasis, which are adaptation reactions, can be repeated until the adaptation reserve of the system is exhausted.

The range of deviations in the functioning of the system, going beyond its adaptive capabilities, means a systemic crisis situation. The growing non-equilibrium in this case is accompanied by the destruction of bonds between the components of the system. Their functioning becomes inconsistent. At the height of disorganization, a system either breaks up (a breakdown crisis), or its elements and preserved components in stochastic interaction form new order parameters like dissipative structures, i.e. a fundamentally new, qualitatively education, organizational form is born.

The limit of order in a self-organizing system is due to two basic informational deviations: 1) the impossibility of an adequate response to a signal common to the system; 2) the unusual signal received by the system. In the first case, the structures and mechanisms of the system responsible for the perception, processing, memorization and reproduction of information, its movement through communication channels are violated. These violations can occur simultaneously at all stages of the movement of information (depression of the system) or at any of its sections (pathology of system components). The unusualness of the signal can be associated both with a violation in the system of the memory function (shape memory), and with the actual novelty of the environmental requirements for the object in their quantitative (signal strength) or qualitative (signal content) expression. Such a state develops, as a rule, with the rigidity of the system's relations with the environment, and also as a result of excessive conservatism of the control subsystem, which is objectively associated with the lag of its restructuring from the general processes of self-organization in the system. The result of any of the above and other variants of process violation is a state of uncertainty in which self-regulation and self-government in the system are impossible. Outs of the crisis are possible in three main directions: 1) the system "closes" from its unusually disturbing signals and, accordingly, stops in development; 2) system components that have lost informative connections are "self-determined" regardless of system-wide goals; 3) the system forms a new control subsystem (Romanov, 2003:170).

Society and the state are the most complex self-organizing systems. They arose during the crisis moments of the self-organization of social matter and all their life activity is a continuous crisis process that develops in accordance with the nature of the crisis, but with peculiarities due to the specifics of the organization form. Relations of this kind are formed at all levels of the hierarchy of social systems — from small groups to interethnic associations. This is the meaning of a state homeostat — an incentive to external fruitfulness.

Functional anomalies of the mechanism of public administration

The definition of public administration as a means of public ordering presupposes, firstly, the adequacy of its goals for the interests of the people, and secondly,

the high organization of its subjects aimed at achieving these goals. However, in the process of radical political and socio-economic transformations of society, the system of public administration is transformed primarily, experiencing, as a rule, a systemic crisis that produces a crisis in the national community. At the same time, having lost its organizational qualities, the public administration system is included in the general process of social self-organization and becomes sensitive to the anomalies inherent in social crises. Thus, the growing relationship between the people and state power is the main reason for the loss of control over the processes taking place in society. In the structural presentation, the place of the indicated gap should be sought in that component part of the system of state administration, which is the organizational key in relations between the state and society. Such a part determines the apparatus of state administration, about the nature and functions (dysfunctions), which, within the framework of the corresponding state mechanism, will be discussed later.

The organizational significance of the state apparatus lies, first of all, in the fact that it is a specially organized institution that ensures the functioning of the public administration system in feedback loops — from the perception and processing of information about social processes, the formation of management decisions on this basis, and up to direct implementation of socio-organizational programs. It is quite obvious that a significant breakdown of this mechanism produces a crisis of the entire state system.

The normal state of the system is, first of all, its real conformity to its purpose, which is ensured by rational organization, activity and coordination of component functions subordinated to the common goal. Under the influence of external factors or internal dysfunctions, anomalies arise — deviations from normal functioning parameters. The extreme expression of the anomaly is the state of anomie, which is manifested by generalized destruction, mismatch of functions, loss of expediency of the system (Romanov, 2003:180).

In more detail, the state apparatus is designed to implement the functions of the state, aimed at ensuring the integrity and conditions for the effective functioning of the national community (country). The subject of its practice is the prevention and overcoming of pathological deviations of social development, which civil society cannot cope with through self-government.

The solution to these problems is carried out through the following functions. The information-analytical function is aimed at diagnosing processes taking place in society: facts of socio-pathological deviations or signs of their formation are revealed, the causes and conditions of their genesis are investigated, spontaneously generated factors of counteraction to social dysfunctions are studied. The design-normative function implements the task of developing draft decisions of state bodies on prevention, socio-economic regulation or powerfully neutralizing socio-pathological deviations. Of particular importance in this process is the prediction of the possible damaging consequences of the implementation of projects, both immediate and delayed in their manifestation. The normative-decisive function is carried out in the process of

adopting legislative, regulatory and administrative acts at the level of state authorities authorized in this regard. The organizational and executive function is aimed at organizing the execution of decisions of public authorities. It includes the formulation of specific service tasks, the calculation of the forces and means necessary for their solution, the activation and coordination of the activities of performers, the provision of managerial communications, etc. The control function is to monitor the implementation by civil structures of state normative and administrative acts, assess changes in society in connection with the implementation of decisions of state bodies and the general dynamics of the state of the social organism.

These functions are implemented in specialized structures of state authorities. The main conditions for the normative structuring of the state mechanism is the conformity of structures to the socio-organizational (ordering) functions of the state in their necessary and sufficient definition. The normality of the process of state activity as a whole is determined by the qualitative criteria of relations between the state and society, the structural and functional state of the system of state power and the nature of the behavior (activity) of individuals and groups. Correspondingly to the indicated levels, the following abnormal manifestations are considered (Romanov, 2003:172).

Metasystem anomalies are deviations that occur in the relationship between civil society and the state. The basic criterion for disorganization at this level should be recognized as the negative dynamics of the processes of social self-organization. The main sign of this condition is a significant disorganization of the process of reproduction of life support resources — material (nutrition, things, housing), human (negative imbalance in fertility and mortality) and ideal (science, education, culture, moral health). An integral indicator of the socially unfavorable consequences of these disorganizations is a steady decline and a long delay in a state of extreme decline in the level and quality of life of the bulk of the population. The control criterion of the national danger of this state is the unwillingness of the national community to survive in the conditions of the economic blockade of the country or major military aggression.

Systemic anomalies are structural and functional disorders of the state mechanism. Manifestations of these anomalies are: displacement of the goal of the state apparatus when it switches to serving the socially unproductive elite in the political and economic spheres, ensuring its viability and well-being to the detriment of the interests of society; inadequacy of the structure of state bodies to the tasks and functions of socio-organizational practice; violation of subordinate and coordination intrastructural relations, mismatch of activity of branches and levels of state power; social agnosia — a disorder of the information-analytical function of the state apparatus, manifested in the inability to collect and analyze information about social processes or its selective, socially unproductive use; rule-making dysfunction, which is the inoperability and imperfection of the developed draft government decisions or the discrepancy between socially justified proposals and political settings; law enforcement insolvency — the inability to enforce decisions taken by state authorities, manifested in the prevalence of offenses in administration and society. Integral manifestations of

these destruction and dysfunction in socially sterile and dangerous terms are professional incompetence, bureaucratization and corruption of the public service. The social significance of systemic anomalies is the unreliability of the state mechanism as a socio-organizational system due to its low immunity to the damaging effect of socially destructive factors.

The listed multilevel anomalies are interdependent. So, general organizational and managerial disorders of state-public relations can be caused by anomalies at the system and local levels and, conversely, metasystem destruction and dysfunction produce the corresponding quality of intrasystem relations.

It is socially productive that provides self-realization of a person and a citizen, helps him to reveal his potential, develop it and realize it in public life. Understanding the mission of the state mechanism in the context of such a goal and participating in its implementation is a basic factor in effective government activity. The implementation of this mission requires openness between the state and society, which means the presence of two-way feedback, when the parties are in the process of interaction both subjects and objects of public administration. This is the basic principle of a democratic society. Anomalies of the state mechanism begin with a violation of the openness of state-public relations. This happens when: a) the state tries to omnipotently and totally control social and economic processes, imposing its projects on its activities to civil society, which actually leads to the elimination of civil liberty, the government serves itself and puts the whole society at the service of the state; b) the state is subject to the will of the dominant part of civil society and serves its interests; c) the state is powerless to influence society. In this situation, the state distances itself from society, closes itself from it and serves itself, leaving only an imitation of organizational and managerial activity for its justification.

The shift of the state's goal towards self-service, as an anomalous phenomenon, manifests itself, first of all, in state-building technology. The structures of government bodies are formed not as a means of implementing the functions produced by the problems of society, but as supporting formations of the state system that defines those functions that are necessary for its self-preservation. The dominance of structure over function, when organizational systems that are created to solve some problems, are solved by others and strive for self-sufficient behavior, turning the goal into a tool and the tool into a goal, creates the basis of organizational pathology.

The dominant value of the structure naturally enhances its inherent and necessary properties for the normal functioning of the system. So, being conservatively necessary, it becomes a factor restraining any changes in the organization. Under pressure from the shift of state goals and the bureaucratization of government, the functions of the state apparatus also become abnormal. The information-analytical function either turns into a means of total control of social processes in the interests of power, or becomes an end in itself in the process of imitation of public administration. Design and regulatory activities acquire the character of normative formalization of the will of the "upper classes". Organizational-executive and control functions are

either concentrated in the internal structural administration space, or are also transformed into a means of total social control (Romanov, 2003:187).

The way out of the anomalous situation is determined in two areas of reform activity. The first is optimal when the idea of social transformations proceeds from the needs of society, expressed by its organized layer, capable of captivating the people of the country in the mainstream of transformation. The implementation of this direction is extremely difficult. It requires many years of painstaking work in the preceding reformation period in order to study on a professional basis the process of maturation of changes in society, organize a party of supporters of transformations, expand their social base, determine the moment when society is ready for transformation. This path to a truly legitimate government and socially productive public administration, in fact, is based on a synergistic and informational position on the unity of social self-organization, organization and administration.

The second direction is “traditional” — the forceful assertion of the new government and its policies in society by the state administration apparatus. As a rule, this direction is implemented in the case of a change (retention) of power on a populist (propaganda) basis, when the factor of discontent of the population with the existing political system is used, or the image of the hostile forces of the nation is synthesized, without the proposal of specific (practice-oriented) programs of social reconstruction aimed at raising the level and quality of life of the people. As practice shows, this path is potentially unreliable for the authorities and dangerous for the country as a whole.

The problem is that the mechanism of the state as the functional basis of political power is itself conservative. Formed within the framework of a changing policy, it cannot quickly reorient itself to new management methods and is losing its suitability. Attempts by the new government to organize the administration apparatus through its restructuring, as well as personnel redundancies and replacements, do not lead to success, since new structures are created not so much in connection with the solution of society’s problems, but in order to implement the idea of reforms and keep the authorities interested in these reforms persons. At the same time, the professional incompetence of the administrative apparatus is a powerful factor in the devaluation of the political line, even if the policy takes on a crisis or originally had a truly social orientation. Being incapable of qualified diagnostics of disorganization processes in society, development of appropriate management decisions and creative executive activity, the government is alienated both from politics and from citizens. In the best case, it becomes a routine tool for transmitting the will of the “elite” of society, furnishing its activities with a standard framework and approvals that contribute to avoiding personal responsibility. At worst, it is imbued with the spirit of a separate corporation that solves its own problems at the expense of resources, political structures and society.

Conclusion

The study showed that the synergetic approach, developed as a synergy-informational one, which is a consequence of the development of the ideas of cyber-

netics, tectology, systems theory and the theory of dissipative structures, represents a special (different from the “classical”) type of relations of self-organization, organization and administration of state processes.

So, it seems that the organization process is aimed at identifying new socio-constructive qualities of the emerging systemic form and ensures the fixing and completion of the corresponding self-organizing structures of the state mechanism. Self-organization is included in the organizational process, providing flexibility and due to it the adaptive ability of purposefully created structures. At the same time, the organization forms an administration subsystem designed to support the process of ongoing state formation, to ensure its focus on meeting the social needs of the citizens who make up the community. However, in this process, stable structures of static significance simultaneously arise, forming subsystems of social administration intended to preserve the form statics, regardless of their social value. The conservatism of these entities inhibits the creative renewal of the way of activity of social individuals, thereby closing the process of the formation of society as a whole and transforming it into a system of the final type.

The state is traditionally regarded as a mechanism for imperatively establishing order in society and maintaining the corresponding regime of power as a means of dominant control of the national community. Self-organization in this case manifests itself as a party opposing such a state and, on a historical time scale, destroys the inert structures of state administration, with their anomalies in the state apparatus. In a synergistic and informational understanding of the meaning of the state, its managerial purpose is to provide conditions for the dynamic formation of a society capable of overcoming extreme, crisis processes.

Thus, a provision has been formulated on the unity of forms of social ordering — self-organization, organization and means of their provision — public administration. The latter is considered not only as a function of organization and a manifestation of self-organization, but as a means of implementing public orderliness in both forms. This implies overcoming in state policy the disagreement of interests and goals of the people and the system of power that is characteristic of closed societies. Since the establishment of such a state policy is associated with the transition from the power base of regulating public relations to the information one, this process is acquiring objective significance and cannot but lie at the basis of developing a strategy for the socio-economic and socio-political development of the country, all socially significant administrative scientific projects. Such a representation of the correlation of social self-organization and public administration enriches the state science, including new content related to the achievements of post-non-classical science, in the context of studying the process of formation of the post-industrial information society.

References / Библиографический список

- Astafieva, O.N. (1999) *Sinergetika kak mirovozzrencheskaya i metodologicheskaya paradigma sistemnogo vzaimodejstviya [Synergetics as a worldview and methodological paradigm of*

- the system interaction*]. Moscow: Moscow State University of Informatics and Radioelectronics Publ. (in Russian).
- Астафьева О.Н. Синергетика как мировоззренческая и методологическая парадигма системного взаимодействия. М.: Изд-во МГИДА, 1999. 198 с.
- Atamanchuk, G.V. (1997) *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya [Theory of public administration]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
- Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М.: Юридическая литература, 1997. 314 с.
- Baryshnikov, O.V. (2001) *Sinergetika i teoriya gosudarstva i prava [Synergetics and the theory of the state and law]*. *Legality*. 7, 29–32. (in Russian).
- Барышников О.В. Синергетика и теория государства и права // Законность. 2001. № 7. С. 29–32.
- Budanov, V.G. (2003) *Principy sinergetiki i upravlenie krizisom. Sinergeticheskaya paradigma: Chelovek i obshchestvo v usloviyah nestabil'nosti [Principles of Synergy and Crisis Management. Synergetic paradigm: Man and society in unstable conditions]*. Moscow: Russian Academy of Public Administration Publ. (in Russian).
- Буданов В. Г. Принципы синергетики и управление кризисом. Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М.: РАГС, 2003. 254 с.
- Delokarov, K.H. (1995) *Sinergetika i upravlenie: metodologicheskoe zamechanie [Synergetics and management: methodological remarks]*. *Samoorganizaciya, organizaciya, upravlenie [Self-organization, organization, management]*. Moscow: Publishing house Russian Academy of Public Administration Publ. (in Russian).
- Делокаров К.Х. Синергетика и управление: методологическое замечание // Самоорганизация, организация, управление. М.: Изд-во РАГС, 1995. 387 с.
- Egorov, V.C. (1994) *Filosofskij realizm [Philosophical Realism]*. Moscow, ComBook Publ. (in Russian).
- Егоров В.С. Философский реализм. М.: КомКнига, 1994. 511 с.
- Ivanov, A.V. (2001) *Sinergetika v yuridicheskikh i politicheskikh naukah: (Tez. i diskussii) [Synergetics in legal and political sciences: (Thesis and Discussions)]*. Phil. Descriptors. Barnaul, 84–90. (in Russian).
- Иванов А.В. Синергетика в юридических и политических науках: (Тез. и дискуссии) // Фил. Дескрипторы. Барнаул, 2001. С. 84–90.
- Kalinichenko, L.A. (2000) *Social'naya organizaciya gosudarstvennoj sluzhby [Social organization of public service]*. Moscow, LKI Publishing House. (in Russian).
- Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы. М.: Издательство ЛКИ, 2000. 335 с.
- Knyazeva, E.N., Kurdyumov, S.P. (1997) *Antropnyj princip v sinergetike [Anthropic principle in synergetics]*. *Voprosy filosofii [Problems of philosophy]*. 3, 62–77. (in Russian).
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 64–70.
- Leskov, L.V. (1998) *Chego ne delat'? Futurosinergetika Rossii [What not to do? Futurosinergetics of Russia]*. Moscow: Thought Publ. (in Russian).
- Лесков Л.В. Что не делать? Футуросинергетика России. М.: Мысль, 1998, 198 с.
- Malinetsky, G.G. (2000) *Istoricheskie mekhanizmy i nelinejnaya dinamika [Historical mechanisms and non-linear dynamics]*. *Sinergetika i psihologiya. Teksty. Vyp. 2. Social'nye processy [Synergetics and psychology. Texts. Issue. 2. Social processes]*. Moscow, Janus-K Publ. 190–209. (in Russian).

- Малинецкий Г.Г.* Исторические механизмы и нелинейная динамика // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. Социальные процессы. 2000. М.: Изд.-во Янус-К. С. 190–209.
- Moiseev, N.N. (2001) *Universum. Informaciya. Obshchestvo*. [Universal. Information. Society]. Moscow, Sustainable Peace Publ. (in Russian).
- Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 287 с.
- Nazaretian, A.P. (2001) *Civilizacionnye krizisy v kontekste universal'noj istorii: (Sinergetika, psihologiya i futurologiya)* [Civilizational crises in the context of universal history: (Synergetics, psychology and futurology)]. Moscow: PerSe Publ. (in Russian).
- Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: (Синергетика, психология и футурология). М.: PerSe, 2001. 170 с.
- Petrov, V.K. (2005) *Ustojchivost' gosudarstva* [State stability]. Moscow: CJSC "Ekonomika" Publishing House. (in Russian).
- Петров В.К.* Устойчивость государства. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2005. 491 с.
- Potaturin, I.O. (2000) *Metodologicheskij podhod k issledovaniyu problemy politicheskogo haosa* [Methodological approach to the study of the problem of political chaos]. "Novye" i "vechnye" problemy filosofii ["New" and "Eternal" problems of philosophy]. Novosibirsk: Areca Publ. (in Russian).
- Потатурин И.О.* Методологический подход к исследованию проблемы политического хаоса // «Новые» и «вечные» проблемы философии. Новосибирск: Арка, 2000. 178 с.
- Protasov, V.N. (2001) *Problemy teorii prava i gosudarstva* [Problems of the theory of law and state]. Moscow: New Lawyer Publ. (in Russian).
- Протасов В.Н.* Проблемы теории права и государства. М.: Новый Юрист, 2001, 240 с.
- Romanov, V.L. (2003) *Social'naya samoorganizaciya i gosudarstvennost'* [Social self-organization and statehood]. Moscow, Publishing house Russian Academy of Public Administration. (in Russian).
- Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и государственность. М.: Изд-во РАГС, 2003. 189 с.
- Ruzavin, G.I. (1995) *Samoorganizaciya i organizaciya v razvitii obshchestva* [Self-organization and organization in the development of society]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 8, 227–233. (in Russian).
- Рузавин Г.И.* Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 227–233.
- Shabrov, O. (1997) *Politicheskoe upravlenie: problemy stabil'nosti razvitiya* [Political management: problems of stability of development]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Шабров О.* Политическое управление: проблемы стабильности развития. М.: Наука, 1997. 297 с.
- Shalayev, V.P. (1999) *Sociosinergetika: Istoki, teoriya i praktika v sovremennom mire* [Sociosynergetics: Origins, theory and practice in the modern world]. Yoshkar-Ol, Publishing house Mari State University. (in Russian).
- Шалаев В.П.* Социосинергетика: Истоки, теория и практика в современном мире. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 1999. 312 с.
- Tumanov, G.A. (1986) *Organizaciya kak funkciya gosudarstvennogo upravleniya* [Organization as a function of public administration]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. 1, 40–44. (in Russian).
- Туманов Г.А.* Организация как функция государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 1. С. 40–41.

- Vengerov, A.V. (1986) Sinergetika, yuridicheskaya nauka, pravo [Synergetics, legal science, law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]*. 10, 42–47. (in Russian).
Венгеров А.В. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 42–47.
- Yakovets, Y.V. (1999) *Cikly. Krizisy. Prognozy [Cycles. Crises. Forecasts]*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 352 с.

About author:

Aleksey V. Zyrianov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Law Institute, South Ural State University
ORCID ID: 0000-0002-6364-1812
e-mail: zav-nauka@mail.ru

For citation:

Zyrianov, A.V. (2020) The idea of self-organization in the system of public administration. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 60–81. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-60-81.

Article received November 05, 2019

Article accepted December 25, 2019

Научная статья

ИДЕЯ САМООРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.В. Зырянов

Южно-Уральский государственный университет
454080, Челябинск, Россия, пр. Ленина, д. 76

Настоящая статья посвящена проблеме теории и практики государственного управления в современных условиях. Актуализация осуществляется посредством поиска нового парадигмального подхода с целью определения исходных моментов, касающихся оптимизации и повышения эффективности соответствующей сферы общественных отношений.

Явившийся следствием развития идей кибернетики, тектологии, теории систем и теории диссипативных структур самоорганизационный подход, развиваемый как синергийно-информационный, соответствующий методологическим принципам современной постнеклассической парадигмы научной рациональности, представляет особый (отличный от «классического» (механистического)) взгляд на отношения организации и управления государственными процессами.

Установлено, что процесс организации направлен на выявление новых социально-конструктивных качеств становящейся системной формы и обеспечивает фиксирование и достраивание соответствующих самоорганизующихся структур государственного механизма. Самоорганизация включается в организационный процесс, обеспечивая гибкость и ею обусловленную адаптивную способность целенаправленно создаваемых структур. Однако в этом процессе одновременно возникают устойчивые структуры статического значения, формирующие подсистемы управления, предназначенные для сохранения статики формы, независимо от их социаль-

ной ценности. Объективный консерватизм этих образований стагнирует креативное обновление способа деятельности социальных индивидов, замыкая тем самым процесс становления общества в целом и превращая его в систему финального типа.

Самоорганизация в этом случае проявляет себя противостоящей такому состоянию стороной и в историческом масштабе времени разрушает косные структуры государственного управления, с присущими им аномалиями государственного аппарата. В синергично-информационном понимании смысла государства его управленческое предназначение заключается в обеспечении условий для динамического становления общества, способного преодолевать экстремальные, кризисные процессы.

Результатирующим можно считать положение о единстве форм общественной упорядоченности — самоорганизации, организации и средства их обеспечения — государственного управления. Последнее рассматривается не только как функция организации и проявление самоорганизации, а как средство реализации общественной упорядоченности в обеих формах. Это предполагает преодоление в государственной политике рассогласования интересов-целей народа и системы власти. Поскольку становление такой политики государства связано с переходом от силовой основы регулирования общественных связей к информационной, этот процесс приобретает объективное значение и не может не лежать в основе разработки стратегии социально-экономического и социально-политического развития страны, всех общественно значимых управленческих проектов.

Ключевые слова: государство, управление, система, самоорганизация, кризис, синергетика, парадигма, модель, аномалия

Об авторе:

Зырянов Алексей Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедра теории государства и права, конституционного и административного права, Юридический институт, Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)

ORCID ID: 0000-0002-6364-1812

e-mail: zav-nauka@mail.ru

Для цитирования:

Зырянов А.В. Идея самоорганизации в системе государственного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 60–81. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-60-81.

Дата поступления в редакцию: 05 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-82-97

Research Article

AXIOLOGICAL ASPECTS OF THE FINANCIAL LAW SYSTEM

Imeda A. Tsindeliani

Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya str., 117418, Moscow, Russia

Legal axiology, as a scientific discipline, allows us to consider both the legal system of the State as a whole, and its individual elements from the point of view of the value foundations that exist in society and in each individual. The consideration of the elements of the State's legal system through value categories allows us to determine the relationship and interdependence of all elements of the legal system. It is especially necessary to note the influence of value categories on the formation of a system of the separate branches of the law, including the financial law of Russia. Value categories have an influence not only on the formation of the elements of the financial law system, but also predetermine their interaction as legal means of regulation of the public finances. The elements of the financial law system, as a branch of law, are the principles of the financial law, the rules of the financial law, and their separate forms of grouping — institutions and sub-sectors of the financial law. The principles of the financial law are the direct legal regulators of public relations in the field of public finance by their nature. Possessing regulatory properties, the principles of the financial law shouldn't be identified with the rules of the financial law, since they are independent legal means of the regulation. The principles of the financial law, on the basis of their regulatory properties, should be considered as elements of a system of the financial law.

Key words: legal axiology, financial law, financial law principles, financial law provisions, financial law institutions, budget law, tax law, banking law, emission law, financial control law

Introduction

The influence of the value category on the legal system of the state and its elements is very significant, and is manifested at each stage of the basic legal categories formation. Axiology is a popular philosophical direction that allows one to consider many phenomena of public life from the point of view of value categories, including the legal system of the state. Axiology is popular, but still a very young and actively developing philosophical direction (Stolovich, 2009:20–31). As a result, there are no uniform approaches to the basic categories, first, value categories. The following def-

© Tsindeliani I.A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

inition of value category, given by P.E. Matveev, can be taken as a basis. “A special quality that is associated with objects and subjects, and characterizes their uniqueness, unity, their place in the universal relationship. Moral values, respectively, are defined as special properties of objects and subjects, characterizing their uniqueness, unity, their place in the world from the standpoint of good and evil” (Matveev, 2017:6). Constructive realism is the methodological basis of this definition. With regard to the description of legal phenomena from the point of view of axiology, there are a number of methodological obstacles. Namely, the lack of a uniform approach to understanding law. As a result, there is a different understanding of value and value's meaning for the legal system functioning of the state as a whole and state's individual elements, from the point of view of methodological pluralism. (Vetiutnev, 2013).

There is a problem of the correlation of moral values (that underlie axiological postulates) and law. This problem has existed for many years and has been revealed by the authors from various points of view (Tsintsadze, 2013:251–259). As already mentioned, the value category is important not only for the entire legal system of the state but also for its individual elements, including branches of law. In relation to the axiological aspects of financial law, there are studies, which consider the role of value categories in the regulation of relations in the field of public finance (Tsintsadze, 2014).

According to Evdokimov A.Yu., axiology can be useful in jurisprudence for the applied purposes of resolving a conflict between legal norms, principles. A conflict that arose in a particular case and entailing a legal dispute. Axiology is here as a methodology for resolving a conflict, taking into account a value-based approach to these norms, principles. Namely, a methodology that involves a list of specific criteria for assessing norms, principles in relation to the state of the case. Such a methodology also implies the choice of more valuable (significant) norms, principles. Besides, the ratio (hierarchy) of values is built anew for each case. (Evdokimov, 2013:2–5).

It seems that this approach limits the possibilities of axiology, and its significance in relation to the legal system elements and, in particular, the branches of law. Value categories play an important role not only in conflict resolution in branch or interbranch regulation. The value category plays a much broader role than conflict resolution. The values are developed and affirmed in society and in its various organizational forms. Such values directly affect the formation of legal means for social relations regulation. Legal means as a toolkit (that ensures the streamlining of public relations) is based on certain values. Accordingly, values are the basis on which legal means of regulation are developed and, with an eye on such values, they are implemented.

Chapter I

The system of public finance law remains a sought-after area of scientific research and the subject of discussions (Mrkývka, 2015). There are the researchers' approaches to the elements (that form the system of financial law branch) and to the very institutionalization of the legal branch (Mrkývka, 2017). According to N.M. Kazantsev, financial law cannot be reduced to a tree structure, in which many different

hierarchical subsystems can be delineated, having a dendritic (tree-like) form. The latter is not a mono-hierarchical, but a multi-hierarchical system, where a higher institution in one hierarchy turns out to be inferior on the other — by indirect links with other financial law institutions (Kazantsev, 2009; 46–47 pp). It is proposed to consider the institution of the financial jurisdiction of the state as such an institution (Kazantsev, 2009:61). Unfortunately, this was not widely adopted in domestic legal literature. In turn, I. B. Lagutin defines the financial law system as a combination of financial institutions and sub-branches. The financial system itself is defined by him as a set of financial law elements, having its own distinctive features and internal structure, isolated from each other, as well as from other branches of law (Lagutin, 2017:52). Studying the problem of differentiation and integration of the financial law system, E. G. Belikov states that the financial law system consists of the following structural elements:

- general and Special parts,
- sub-branches,
- institutions,
- individual financial and legal norms (Belikov, 2016:44).

Considering the problems of the financial law formation, G.G. Pilikin concludes that the system of financial law is not limited to a structure. A structure, which consists of successively placed interacting basic elements — financial and legal norms (their elements); groups of norms (associations); subinstitutes; institutes; sub-branches. Besides such structure, financial law system also includes a legal understanding of the applicable norms, legal structures. Financial law system reflects the relationship and interaction with the financial system, financial policy, as well as with a number of economic activity factors, and judicial practice (Pilikin, 2018:38). As can be seen, in studies there is a different approach to understanding the financial law system and the constituent elements that form it. L.L. Arzumanova states that the financial institution should be considered the lowest link in the financial law system. Such a judgment is quite controversial (Arzumanova, 2016:7). The institute of law is a subsystem of the branch of law and consists of the norms of law. This allows one to say that the institute of law cannot be considered the lowest link in the financial law system.

A.N. Kostiukov notes that the financial law system consists of financial law elements that characterize its internal structure and separate it from other branches of law. The financial law system is a structure of legal elements. The structure is relatively independent, stable, autonomous in its functioning and interaction with the external environment (Kostiukov, 2002:27–28). At the same time, the indicated author identifies a grouping of the financial law system elements for a number of reasons. In particular, the horizontal structure of financial law branch is characterized by the following elements. Namely, financial and legal norms, financial and legal institutions that form branches and sub-branches, which are combined into parts of financial law. Along with the horizontal division of the branch, this author identifies the vertical structure, which is based on the financial and legal regulatory material. Based on

the analysis, A.N. Kostiukov presents a system of financial law, consisting of two parts: general and special. Moreover, the general part includes the following institutions:

- financial law norms,
- financial and legal status of financial law entities,
- financial legal relations,
- legal facts in financial law,
- financial control institution. A special part consists of a sub-branch of

budget and tax law, as well as the following sections:

- state (municipal) revenues;
- state (municipal) expenses;
- banking law;
- insurance activity;
- currency regulation;
- monetary circulation and accounting;
- audit activity;
- state credit;
- legal regulation of enterprise finances.

The need to consider the financial law system not only as a horizontal system but also as a vertical system is noted in other studies. (Kostiukov, 2002:54).

N.M. Kazantsev defines a financial law system, consisting of the following sub-branches:

- extraction, processing, turnover of precious metals;
- issuing (banknotes, securities, financial derivatives);
- credit and banking regulation;
- currency regulation;
- accounting;
- tax;
- budget;
- investment;
- insurance;
- financial and appraisal;
- financial markets regulation;
- collection;
- supervisory control (Kazantsev, 2009:33–34).

M.V. Karaseva, considering the formation of a financial law system, concludes that financial and legal regulation has turned into property and legal regulation. The financial law system, according to the indicated author, should be built taking into account two criteria — economic and legal. The economic criterion for the formation of a financial law system is the existing financial system and its cash flows. In turn, the legal classification of financial relations is the legal criterion for systematizing financial law (Karaseva, 2006:97).

D.V. Vinnitskii is critical of the financial law theory's current state of development. He does not recognize financial law as an effectively functioning system ei-

ther as a branch of law, or as a science, or as an academic discipline (Vinnitskii, 2009:34–36). According to D.V. Vinnitskii, the systematicity should be in the law itself — in principles, concepts, terms, legal structures, and not outside it — in economic relations, scientific doctrines, etc. It is often impossible to detect systemic signs in legal institutions and rules, traditionally included in financial law. E.Yu. Gracheva considers the importance and role of legal norms systematization. She notes that financial law norms systematization can reflect the financial relations' economic content in the legal form. Such a reflection is aimed at effective impact on social processes in the financial sphere (Gracheva, 2009:39–43). E.Yu. Gracheva justifies the presence of sub-branch in the financial law system — financial control. She notes the peculiarity of this branch formation. Namely, a complex structure, as it consists of financial and legal norms that are included in both the general and the special part of financial law.

In turn, A.A. Yalbulganov notes that there is not enough argumentation to classify financial control law as a sub-branch of financial law (Yalbulganov, 2016:182). According to S.V. Zapolskii, the main drawback of financial law is the clear priority of public tasks and interests over private property interests and subjective rights of a person. Noting the lengthy discussion around the financial law system, he emphasizes the following. Namely, “If declaring finance as the sphere of property relations, then the financial law system should exclude the following institutions (which are on a dispositive basis). Such institutions as insurance, savings, bank credit, legal regime of investments, without which finance is generally unthinkable and meaningless” (Zapolskii, 2009:59). Work on the formation of a modern financial law system, in his opinion, should include the creation of a general part:

- common branch principles;
- subjects of financial law;
- general principles of legal liability for violation of financial obligations;
- the legal regime for a financial fund establishment, its fundraising and financing costs;
- general principles of financial procedures regulation;
- the legal basis for accounting and control in the field of finance.

A special part consists of:

- emission law;
- budget law;
- tax law;
- insurance law;
- public debt and state loan;
- savings law (Zapolskii, 2008:95–96).

D.V. Vinnitskii considers financial law as a comprehensive legal formation uniting relatively independent legal formations. He considers the active formation (within the system of financial and legal regulation) of two independent legal branches: tax and budget law. He also takes into account exclusion from the financial and legal regulation of the following:

- banking law,
- insurance law,
- monetary law,
- legal regulation of accounting,
- securities market,
- finances of state and municipal enterprises.

He assumes that the mentioned active formation of two independent legal branches and exclusion from the financial and legal regulation of the listed elements entail a revision of the traditional approaches to financial law. In general, in the opinion of the indicated author, financial law was transformed into a complex branch, which includes the constitutional-legal institution — the legal foundations of money circulation, as well as independent branches of budget and tax law (Vinnitskii, 2002:30–42).

K.S. Belskii considers in a comprehensive manner the financial law system, as a branch of law, science and university subject. He notes that it is not entirely justified to single out the General and Special Part in its structure. The financial law structure is divided into sub-branches and institutions, and, in his opinion, is presented as follows:

- sub-branches — emission law, budget law, tax law;
- public — banking law, financial control law;
- institutions — state credit, lottery, securities market, finances of enterprises (of all ownership forms), accounting and other institutions (Belskii, 2009:33–40).

The conducted studies substantiate new formations in the financial law system. In particular, E.L. Vasianina considers the obligation of an individual or organization (debtor) to pay money arising in the framework of a financial obligation in order to form public money funds. The obligation arises due to special legal facts provided for by law. The fiscal law covers the latter. A place of fiscal law in the system of financial law is predetermined by the state's management of financial resources and public revenue. At the same time, fiscal law, as a complex sub-branch, is divided into general and special parts. The general part of fiscal law contains the following provisions:

- on profitable financial liabilities,
- principles for regulating relations in the sphere of public money funds,
- general conditions for establishing fiscal levies,
- a mechanism for levies administration,
- monitoring the fulfillment by the debtor of the obligation to form public money funds,
- an institution for defending the rights of participants in fiscal legal relations.

The special part covers certain types of fiscal levies, the institution of fiscal law of torts. Within the framework of such an institution, there is a legal regime of financial obligations arising from offenses (Vasianina, 2016:12–14).

Current approaches to the definition of public financial law (as a set of norms and institutions) do not fully reveal its essence. Moreover, the principles of financial law are not considered in the system of elements.

Chapter II

The principles of public financial law are the legal phenomena that is the subject of research interest, in terms of both theoretical understanding and its practical role in the regulation of public relations in the field of public finance. There are several directions in research — in determining the principles of law as such, the external expression of principles, the correlation of the principles of law and legal norms, the place of principles in the law system. In most literary sources, the principles of law are defined as guidelines (basics) that determine the content and direction of legal regulation. Based on this definition, the principles of law are considered as a synthesizing tool that defines the rulemaking and law enforcement activities, connecting the legal system. Determining the form of existence of the law principles, their diverse nature of expression is noted: from legal theories and concepts to legal orientation. Moreover, they are reflected in the rules of law due to their formulation in the articles of regulatory legal acts. On the one hand, the principles are considered as a core uniting the norms of law and giving a certain preset to norm setting and law enforcement activities. On the other hand, the principles of law do not directly affect the behavior of subjects of law (neither regulatory nor protective). This gives rise to a contradictory idea of the phenomenon of legal principles. On the one hand, they supposedly do not affect the behavior of legal entities. On the other hand, they nevertheless not only predetermine but also directly regulate social relations. E.V. Skurko in detail studies the principles of law and defines the norm as the idea of professional legal consciousness, an attribute of the legal thinking of a lawyer. Principles of law do not establish the law but describe the right to establish one, and mainly through existing legal provisions, etc. (Skurko, 2008:22–29).

V.V. Ershov is the most consistent opponent of considering the principles of law as “fundamental ideas”, “basic principles”, “provisions”. He substantiates that the principles of law are one of the forms of law; principles of law are means of legal regulation of public relations; principles of law — a “road map” for the development of legal norms. Principles of law and rule of law — various regulators of public relations; principles of law — the primary element of the legal system (Ershov, 2018:15–18). There is an ambiguous approach to understanding the principles of law in foreign literature as well. According to P. Sandevour, the principles are proposals, concepts, ideas, which might be:

- either fundamental or simply important,
- based on common sense,
- based on the practice of court decisions,
- sometimes based on one's choice.

The norms, models and goals will consist of principles of law and the legal reasoning will be followed and build by them. Thus, principles play a key and guiding

role in the development and interpretation of law. Principles must be considered from the essential and operational perspective (Sandevoire, 1994:171–174). J.L. Bergel describes the correlation of principles and legal rules. He describes the essence of law principles as rules, which, in essence, determine the content of any legal system and act as structural elements of the legal order. “Legal rules can be formed and developed only with an eye on the general principles of law” (Bergel, 2000:178).

It is remarkable how the external form of entrenchment of the law principles is considered. J. Pudelka considers this problem on the example of German administrative proceedings. He notes that the principles of administrative proceedings are not always specified in the law; even if they are, they usually do not have detailed regulation or even any definition. They are considered, first, when it comes to interpretation issues. They are taken for granted by administrative bodies and courts (Pudelka, 2018:9–10). As can be seen, the studies are not distinguished by uniformity, which would reveal the essence and role of sectoral principles of law in the regulation of public relations. It should be noted that there is no uniform approach to determining financial law principles in financial and legal literature.

A.A. Podshibiakina defines financial law principles as the legal basis for the creation and orientation of the financial law branch. These principles regulate the most important relations that arise in the process of financial activity of the state and municipalities. The principles are protected from violations by state measures. Podshibiakina concludes that financial law principles are normative formations. The principles have all the features of financial legal norms and are subject to consolidation in the current legislation in the form of legal regulations. (Podshybiakina, 2012:148). Developing this approach, A.A. Pilipenko comes to the following disputable conclusion. The principles have all the features of financial and legal norms and they are characterized by the general three-link structure “hypothesis — disposition — sanction”. Moreover, being norms of a high degree of generality, the financial law principles do not always have a clearly defined structure. However, this does not violate the general three-link structure of the principles, because otherwise, they would not be able to participate in the regulatory process. (Pilipenko, 2013:228–235). E.D. Sokolova recognizes the sameness of the principles of financial activity of state and municipalities and the principles of financial law (Sokolova, 2012:7–8).

It is noteworthy that A.I. Zemlinym proposes to abandon the theoretical provisions related to the principles-ideas in financial law and gives the following definition. Principles are fundamental regulatory provisions, objectively determined and enshrined in financial law norms. Principles express the essence, content and features of the regulatory impact on social relations. Social relations are the subject of financial law (Zemlin, 2019:38). As can be seen, there is no uniform approach in the financial and legal literature to determining the essence and role of the law principles in the regulation of public finance. It seems disputable that financial law principles can express normative and regulatory properties only if they are expressed in the norms of branch law. It is even more disputable that they have the same structure: hypothesis-disposition-sanctions. From the point of view of the theory of deontic logic, all norms

have the same structure and include the following elements: content, patterns, application condition, subject. Without any of these elements, norms do not exist (Ivin, 2016:196–207). In a legal interpretation, any norm includes disposition, hypothesis, and sanction. Moreover, such a structure is inherent only in the norm of law. In the authors' opinion, it is impossible to consider the principles and norms of financial law as identical categories. Since each of these legal phenomena has regulatory properties that are inherent only to them. Therefore, there can be no norm-principles and other forms of combining them with each other that make them look similar. The stable functioning and development of the sphere of modern public finance largely lies not only in the sphere of economic relations, but is also largely influenced by the existing legal regulations in the state. Public finance is not a product of only economic relations, they are directly dependent on the political and legal system of the state. As a result, in the public finances of the state are embodied not only the basic laws of economic relations functioning, but also the basic laws of the legal system of the state. It should be noted that modern legal theory is a kind of pluralistic pie of legal interpretations — from normative to a comprehensive theory of law (Zakhartsev, Salnikov, 2019:108–107). As a result, there are also diverse approaches to understanding the law principles and their role in the regulation of public relations

Based on the analysis, there are the following conclusions. The financial law principles are direct legal regulators of public relations in the field of public finance. Possessing regulatory properties, financial law principles should not be identified with the norms of financial law. Since financial law principles are independent legal means of regulation. The financial law principles, based on their regulatory properties, should be considered as elements of financial law system.

Conclusion

The modern public financial law system can be defined through the following elements. Namely, the public financial law principles, the rules of public financial law, the institutions of public financial law and their associations. The modern public financial law system is represented by such formations as — budget law, tax law, emission law, financial control law, public banking law. Humanity is at a new stage of its development, which is regarded as the fourth industrial revolution. This stage of development can be called the era of new technologies that are already beginning to influence all spheres of human life. Finance has become an active area of application of these technologies. As a result, new institutions emerge and the existing ones modernize, based on a new technological breakthrough. Money, the core of finance, is already losing its material forms of expression and regulatory properties. Alternative tools appear in the economy that are ready to act as an alternative to money. An alternative to money and money circulation mechanisms will concern the basic tool for regulating economic relations and the financial system of the state as a whole — a monopoly on the issue of banknotes. The transition to a new stage of the industrial revolution encourages states to implement a new policy that aims to transform many public institutions and processes.

Moreover, the impact of new technological phenomena is on the financial system not only of a particular state, but also on the global finance system. As a result, the construction of public financial law and the legal means of regulating public finances are changing. Value categories influence not only the formation of financial law system elements, but also determine their interaction as legal means of regulating public finances. Legal values are the basis on which legal means of regulation are developed and, with the help of such values, they are implemented.

References / Библиографический список

- Arzumanova, L.L. (2016) *Sistema prava denezhnogo obrashcheniya kak podotrasli finansovogo prava Rossiiskoi Federatsii: monografiya [The system of the law of monetary circulation as a subbranch of the financial law of the Russian Federation: Monograph]*. E.Yu. Gracheva (ed.). Moscow: Prospect Publ. (in Russian).
Арзуманова Л.Л. Система права денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации: монография / отв. ред. Е.Ю. Грачевой. Москва: Проспект, 2016. 126 с.
- Belikov, E.G. (2016) *Finansovoe pravo i ego instituty: problemy sotsial'noi effektivnosti: monografiya [Financial law and its institutions: problems of social efficiency: Monograph]*. Doctor of Law, Prof. Pokachalova E.V. (ed.). Moscow: Yurlitinform Publ. (in Russian).
Беликов Е.Г. Финансовое право и его институты: проблемы социальной эффективности: монография / под ред. док. юрид. наук, проф. Е.В. Покачаловой. М.: Юрлитинформ, 2016. 260 с.
- Belskii, K.S. (2009) О системе преподавания финансового права [On the system of teaching financial law]. *State and Law*. No. 12. 33–40. (in Russian).
Бельский К.С. О системе преподавания финансового права // Государство и право. 2009. № 12. С. 33–40.
- Bergel, J.L. (2000) *General theory of law*. Translation from French. Danilenko V.I. (ed.). Translation: Churshukova G.V. Moscow: Nota Bene Publ. (in Russian).
Общая теория права. Перевод с французского / Бергель Ж.Л.; Под общ. ред.: Даниленко В.И.; Пер.: Чуршукова Г.В. М.: Nota Bene, 2000. 574 с.
- Ershov, V.V. (2018) *Legal and individual regulation of public relations: Monograph*. Moscow. RGUP Publ. (in Russian).
Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП. 2018. 625 с.
- Evdokimov, A.Yu. (2013) *Aksiologiya finansovogo prava [Axiology of financial law]. Part 1: monograph*. Lipetsk — Voronezh: Voronezh Central Scientific Research Institute — a branch of the Federal State Budgetary Institution “Russian Energy Company” of the Ministry of Energy of Russia. (in Russian).
Евдокимов А.Ю. Аксиология финансового права. Часть 1: монография. Липецк — Воронеж: Воронежский ЦНТИ — филиал ФГБУ «Российская энергетическая компания» Минэнерго России. 2013. 80 с.
- Ivin, A.A. (2016) *Logika otsenok i norm: filosofskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty [The logic of assessments and norms: philosophical, methodological and applied aspects: Monograph]*. Moscow: Prospect Publ. (in Russian).
Ивин А.А. Логика оценок и норм: философские, методологические и прикладные аспекты: Монография / А.А. Ивин. Москва: Проспект, 2016. 320 с.

- Gracheva, E.Yu. (2009) *Finansovyi kontrol' kak podotrasl' finansovogo prava: ponyatie, vidy*. [Financial control as a sub-branch of financial law: concept, types. System of financial law]. *Materials of the scientific-practical conference April 27–28, 2009*. Odessa. 39–43. (in Russian).
- Грачева Е.Ю. Финансовый контроль как подотрасль финансового права: понятие, виды // Система финансового права. Материалы научно-практической конференции, 27–28 апреля 2009 г. Одесса, 2009. С. 39–43.
- Karaseva, M.V. (2006) *Sovremennye problemy postroeniya sistemy finansovogo prava* [Modern problems of building a system of financial law]. *Jurisprudence*. (3). 94–99. (in Russian).
- Карасева М.В. Современные проблемы построения системы финансового права // Правоведение. 2006. № 3. С. 94–99.
- Kazantsev, N.M. and oth. (2009) *Pravo i finansovyi kontrol' [Law and financial control]*. Kazantsev N.M. and others; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Eksmo Publ. (in Russian).
- Право и финансовый контроль / Н.М. Казанцев и др.; Инст-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. 336 с.
- Kazantsev, N.M. (2009) *Instituty finansovogo prava [Institutions of financial law]*. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law. Moscow: Publishing House “Yurisprudentsya”. (in Russian).
- Институты финансового права / под ред. д. ю. н., профессора Н.М. Казанцева. М.: ИЗиСП. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 512 с.
- Kostiukov, A.N. (2002) *Diskussionnye voprosy predmeta i sistemy rossiiskogo finansovogo prava: Uchebnoe posobie [Discussion questions of the subject and system of Russian financial law: Textbook]*. Omsk. Publishing House of Omsk University. (in Russian).
- Костюков А.Н. Дискуссионные вопросы предмета и системы российского финансового права: Учебное пособие. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2002. 94 с.
- Lagutin, I.B. (ed.) (2017) *Regional'noe finansovoe pravo: monografiya [Regional financial law: monograph]*. Moscow: Justicinform Publ. (in Russian).
- Региональное финансовое право: монография / отв. ред. И.Б. Лагутин. М.: Юстицинформ, 2017. 316 с.
- Matveev, P.E. (2017) *Aksiologiya: uchebnoe posobie [Axiology: textbook]. In 2 parts. Part 1. Istoriya aksiologii [History of axiology] Matveev P.E.; Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (VISU)*. Vladimir: Publishing House of VISU. (in Russian).
- Матвеев П.Е. Аксиология: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. История аксиологии / П. Е. Матвеев; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. 176 с.
- Mrkývka, Petr (ed.) (2015) *System of Financial Law: General Part: Conference Proceedings*. 1st ed. Brno: Masaryk University, Faculty of Law Publ.
- Mrkývka, Petr (ed.) (2017) *The financial law towards challenges of the XXI century: Conference proceedings*. 1st ed. editions. Brno: Masaryk University, Faculty of Law Publ.
- Pilikin, G.G. (2018) *Stanovlenie finansovogo prava Rossii (teoriya i praktika osoboi formy publichnogo prava): monografiya [The Formation of Financial Law of Russia (Theory and Practice of a Special Form of Public Law): Monograph]*. Zapolskii S.V. (ed.). Moscow: LTD “Law firm contract” Publ. (in Russian).
- Пиликин Г.Г. Становление финансового права России (теория и практика особой формы публичного права): монография // Г.Г. Пиликин; под общ. ред. проф. С.В. Запольского. М.: ООО «Юридическая фирма контракт». 2018. 350 с.
- Pudelka, Jörg (2018) *Obshchie printsipy administrativnogo proizvodstva [General principles of administrative proceedings]. Ezhegodnik publichnogo prava 2018: Printsipy administra-*

- tivnykh protsedur i administrativnogo sudoproizvodstva [Public Law Yearbook 2018: Principles of administrative procedures and administrative proceedings]*. Moscow: Infotropic Media Publ. (in Russian).
Пуделька Йорг. Общие принципы административного производства // Ежегодник публичного права 2018: Принципы административных процедур и административного судопроизводства. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 374 с.
- Pilipenko, A.A. (2013) The meaning and properties of the principles of financial law. *Society and Law*. 4 (46) 228–235. (in Russian).
Пилипенко А.А. Значение и свойства принципов финансового права // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 228–235.
- Podshybiakina, A.A. (2012) The concept of the principles of financial law. *Business in law. Journal of Economics and Law*. (3), 146–148. (in Russian).
Подшибякина А.А. Понятие принципов финансового права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 3. С. 146–148.
- Sandevoire, P. (1994) *Vvedenie v pravo [Introduction to Law]*. Moscow: Intratek-P Publ. (in Russian).
Сандевуар П. Введение в право. М.: Интратэк-Р, 1994. 324 с.
- Skurko, E.V. (2008) *Printsipy prava: monografiya [Principles of law: monograph]*. Moscow: Os'-89. (in Russian).
Скурко Е.В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008. 192 с.
- Sokolova, E.D. (2012) The system of principles of financial law. *Financial Law*. (8). 7–8. (in Russian).
Соколова Э.Д. Система принципов финансового права // Финансовое право. 2012. № 8. С. 7–8.
- Stolovich, L.N. (2009) I. Kant i problema tsennosti [I. Kant and the value problem]. *Kant collection 2 (30)*. Kaliningrad. 20–31. (in Russian).
Столович Л.Н. И.Кант и проблема ценности. Кантовский сборник 2 (30). Калининград. 2009. С. 20–31.
- Tsintsadze, N.S. (2013) Conceptual aspects of the axiological theory of law. *Bulletin of Tomsk State University*, Issue 5 (121). 251–259. (in Russian).
Цинцадзе Н.С. Концептуальные аспекты аксиологической теории права // Вестник ТГУ, выпуск 5 (121), 2013. С. 251–259.
- Tsintsadze, N.S. (2014) Classification and hierarchy of legal values in the theory of law. *Bulletin of Tomsk State University*, issue 2 (130). 189–195. (in Russian).
Цинцадзе Н.С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права // Вестник ТГУ, выпуск 2 (130), 2014. С. 189–195.
- Vasianina, E.L. (2016) *Theoretical foundations of the legal regulation of public revenues in the Russian Federation. The work for achieving doctor's degree in legal sciences*. Moscow. 12–14. (in Russian).
Васянина Е.Л. Теоретические основы правового регулирования публичных доходов в Российской Федерации. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ.. док. юрид. наук. М. 2016. С. 12–14.
- Vetiutnev, Yu.Yu. (2013) *Aksiologiya pravovoi formy: monografiya [Axiology of legal form: monograph]*. Moscow: Yurlitinform Publ. (in Russian).
Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
- Vinnitskii, D.V. (2002) Predmet i sistema finansovogo prava na sovremennom etape [The subject and system of financial law at the present stage]. *Jurisprudence*. 5 (244). 30–42. (in Russian).

- Винницкий Д.В.* Предмет и система финансового права на современном этапе // Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 30–42.
- Vinnitskii, D.V. (2009) *Finansovoe pravo: khaos ili sistema? // Financial law: chaos or system? System of financial law. Materials of the scientific-practical conference April 27–28, 2009.* Odessa. 34–36. (in Russian).
- Винницкий Д.В.* Финансовое право: хаос или система? // Система финансового права. Материалы научно-практической конференции 27–28 апреля 2009. Одесса. 2009. С. 34–36.
- Yalbulganov, A.A. (2016) *Predmet i sistema finansovogo prava: Monografiya. Subject and system of financial law: Monograph.* Moscow: Public law research institute Publ. (in Russian).
- Ялбулганов А.А.* Предмет и система финансового права: Монография. М.: ИППИ, 2016. 192 с.
- Zakhartsev, S.I., Salnikov, V.P. (2019) *Filosofiya i yuridicheskaya nauka [Philosophy and legal science: Monograph].* Moscow: Yurlitinform Publ. (in Russian).
- Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с.
- Zapolskii, S.V. (2009) К вопросу о сущности финансового права [On the issue of the essence of financial law. System of financial law]. *Materials of the scientific-practical conference. April 27–28, 2009.* Odessa. (in Russian).
- Запольский С.В.* К вопросу о сущности финансового права // Система финансового права. Материалы научно-практической конференции 27–28 апреля 2009 г. Одесса, 2009. С. 59.
- Zapolskii, S.V. (2008) *Diskussionnye voprosy teorii finansovogo prava: monografiya [Discussion questions of the theory of financial law: monograph].* Moscow. RAP, EKSMO Publ. (in Russian).
- Запольский С.В.* Дискуссионные вопросы теории финансового права: монография. М.: РАП, ЭКСМО. 2008. 160 с.
- Zemlin, A.I. (2019) *Financial Law of the Russian Federation: a textbook for undergraduates.* Zemlin A.I., Zemlina O.M., Olkhovskaia N.P., Zemlina A.I. (eds.). Moscow: Publishing house Yurait Publ. (in Russian).
- Землин А.И.* Финансовое право Российской Федерации: учебник для бакалавриата и специалитета / А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская; под общ. ред. А.И. Землина. М.: Издательство Юрайт, 2019. 301 с.

About author:

Imeda A. Tsindeliani — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Financial Law, Russian State University of Justice

ORCID ID: 0000-0003-3975-2958

e-mail: imeda_pravo@mail.ru

For citation:

Tsindeliani, I.A. (2020) Axiological aspects of the financial law system. *RUDN Journal of Law.* 24(1), pp. 82–97. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-82-97.

Article received October 11, 2019

Article accepted December 25, 2019

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

И.А. Цинделиани

Российский государственный университет правосудия
117418, Москва, Россия, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Правовая аксиология, как научное направление, позволяет рассмотреть правовую систему государства в целом, так и ее отдельные элементы с точки зрения ценностных фундаментов, существующих в обществе и у каждого индивидуума в отдельности. Рассмотрение элементов правовой системы государства через ценностные категории позволяет определить взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов правовой системы. Особо необходимо отметить влияние ценностных категорий и на формирование системы отдельных отраслей права, в том числе и финансового права России. Ценностные категории влияют не только на формирование элементов системы финансового права, но и определяют их взаимодействие как правовых средств регулирования публичных финансов. Элементами системы финансового права, как отрасли права, являются принципы финансового права, нормы финансового права и их отдельные формы группировки — институты и подотрасли финансового права. Принципы финансового права по своей природе являются непосредственными правовыми регуляторами общественных отношений в сфере публичных финансов. Обладая регулирующими свойствами, принципы финансового права не должны отождествляться с нормами финансового права, поскольку являются самостоятельными правовыми средствами регулирования. Принципы финансового права, исходя из их регулирующих свойств, должны рассматриваться как элементы системы финансового права.

Ключевые слова: аксиология права, финансовое право, принципы финансового права, нормы финансового права, институты финансового права, бюджетное право, налоговое право, банковские право, эмиссионное право, финансово-контрольное право

Краткое содержание статьи

Ценности, сформированные обществом, несомненно, определяют эволюцию всех социальных институтов, в том числе и права. Ценностная ориентация имеет значительное влияние на право как особый феномен. Значительное влияние ценностных фундаментов оказывается на систематизацию прав в целом, так и ее отдельных элементов. Модели правового регулирования тех или иных общественных отношений определяются аксиологическими свойствами имеющихся средств правового регулирования. Для достижения максимального социального эффекта регулирования общественных отношений имеющиеся средства правового регулирования находятся во взаимосвязи с ценностными фундаментами, выработанными обществом. В основе любой модели правового регулирования лежат социальные ценности, которые посредством средств правового регулирования получают нормативное закрепление и трансформируются в правовые ценности. Правовая аксиология, как научное направление, позволяет рассмотреть как правовую систему государства в целом, так и ее отдельные элементы с точки зрения ценностных фундаментов, существующих

ющих в обществе и у каждого индивидуума в отдельности. Рассмотрение элементов правовой системы государства через ценностные категории позволяет определить взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов правовой системы. Особо необходимо отметить влияние ценностных категорий и на формирование системы отдельных отраслей права, в том числе и финансового права России. Ценностные категории влияют не только на формирование элементов системы публичного финансового права, но и предопределяют их взаимодействие как правовых средств регулирования публичных финансов. Правовая аксиология оказывает значительное влияние на сферу публичных финансов и на выбор правовых инструментов, посредством которых достигается баланс интересов между публично-правыми образованиями и частными субъектами. Выработка такого баланса и влияние ценностных фундаментов на выбор средств правового регулирования наиболее ярко проявляется на примере систематизации модели правового регулирования сферы публичных финансов. Наиболее ярко это можно увидеть на структуре конкретных отраслей права и, прежде всего, финансового права. Правовая аксиология влияет на каждый из элементов системы финансового права, обеспечивает достижение оптимального правового результата. При этом необходимо отметить, что публичные финансы, играющие значительную роль в функционировании экономики общества, сегодня находятся на этапе трансформации. Обусловлено это новым технологическим этапом развития человеческого общества и формированием цифровой экономики. Финансовая система государства не осталась в стороне от технологической революции и интегрирует в себя все новые и новые инструменты, позволяющие усовершенствовать финансовую систему государства, так и важнейший ее сегмент, как публичные финансы.

Система финансового права является базовой категорией, раскрывающей построение отрасли права. Традиционно в большинстве исследований система финансового права представлена состоящей из общей и особенной частей, институтов и подотраслей. Имеющиеся современные подходы к определению системы финансового права, как совокупности норм и институтов, не в полной мере раскрывают содержание категории системы публичного финансового права. При этом в системном ряде элементов не рассматриваются принципы финансового права. Принципы финансового права представляется необходимым рассматривать как самостоятельный элемент правового регулирования. Соответственно, в системе финансового права как ее важнейший элемент необходимо рассматривать принципы публичного финансового права. Отсутствует единообразный подход к природе правовых принципов и их роли в регулировании общественных отношений. Не имеется единообразного подхода к определению природы принципов финансового права и их роли регулирования публичных финансов. Допускается ошибочное отождествление принципов и норм финансового права. Значительное влияние оказывает правовая аксиология на формирование системы финансового права России, по-

сколькx именно отражение в средствах правового регулирования позволяет достичь эффективного регулятивного эффекта сферы публичных финансов.

Современную систему финансового права можно определить через следующие элементы — принципы финансового права, нормы финансового права, институты финансового права и их объединения. Современная система финансового права представлена такими образованиями, как бюджетное право, налоговое право, эмиссионное право, финансово-контрольное право, публичное банковское право и др.

Ценностные категории играют важную роль не только при разрешении конфликтов при отраслевом или межотраслевом регулировании. Категория ценности играет роль куда более широкую, чем разрешение конфликтов. Ценности, которые выработаны и утверждены в обществе и различных организационных формах существования человеческого социума, непосредственно влияют на формирование правовых средств регулирования общественных отношений. Правовые средства как инструментарий, который обеспечивает упорядочивание общественных отношений, формируется на определенных ценностях. Соответственно, ценности являются той базой, на основе которой вырабатываются правовые средства регулирования, и с оглядкой на такие ценности они реализуются.

Об авторе:

Цинделиани Имеда Анатольевич – заведующий кафедрой финансового права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры, кандидат юридических наук, доцент

ORCID ID: 0000-0003-3975-2958

e-mail: imeda_pravo@mail.ru

Для цитирования:

Цинделиани И.А. Аксиологические аспекты системы финансового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 82–97. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-82-97.

Дата поступления в редакцию: 11 октября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-98-112

Научная статья

ЖЕНЩИНА ПЕРЕД СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА)

А.А. Демичев¹, В.А. Илюхина²

¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
603950, Нижний Новгород, Россия, Анкудиновское шоссе, д. 3

² Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
390036, Рязань, Россия, ул. Сенная, д. 1

На основе Судебных уставов 1864 г., материалов официальной статистики Министерства юстиции, документов личного происхождения присяжных заседателей, судебных очерков и фольклора рассматривается практическая реализация принципа гендерного равенства в уголовном судопроизводстве Российской империи. Авторы анализируют и интерпретируют статистические данные о лицах женского и мужского пола, оправданных и осужденных судом присяжных и коронным судом. В работе делаются следующие основные выводы: 1) при юридически закреплённом и формальном провозглашённом равенстве всех подданных перед судом в суде присяжных правосудие осуществляли исключительно мужчины, а правосознание населения и сложившаяся судебная практика не допускали иной ситуации; 2) то, что присяжными заседателями являлись только мужчины, обусловило ситуацию, что репрессивность суда присяжных в отношении женщин была ниже, чем в отношении мужчин. Наоборот, коронные судьи в процентном отношении в целом больше осуждали женщин, чем мужчин. Таким образом, в судопроизводстве с участием присяжных заседателей в Российской империи имело место фактическое нарушение принципа гендерного равенства.

Ключевые слова: суд присяжных, коронный суд, Российская империя, судебная реформа 1864 г., Судебные уставы 1864 г., принцип гендерного равенства

© Демичев А.А., Илюхина В.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Введение

20 ноября 1864 года российский император Александр II в Царском Селе Высочайше утвердил четыре документа, получивших в совокупности название «Судебные уставы»³. Тем самым было положено начало самой известной и наиболее радикальной судебной реформе в отечественной истории, которая в целом неоднократно изучалась российскими и зарубежными исследователями⁴.

В именном, данном Сенату, указе «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от того же 20 ноября 1864 года, непосредственном предшествовавшем Судебным уставам, Александр II закрепил в качестве основных задач судебной реформы «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных»⁵. Тем самым утверждался принцип равенства всех перед законом, включающий и равенство гендерное.

В данной статье мы рассмотрим, как принцип гендерного равенства реализовывался на практике в Российской империи пореформенного периода. Естественно, в рамках одной статьи комплексно осветить данную проблему невозможно, поэтому мы сузим рамки исследования до реализации указанного принципа в суде присяжных.

Методология исследования в нашем случае обуславливается ее источниками. Источники, лежащие в основе данной статьи, можно разделить на четыре группы:

1) нормативные правовые акты Российской империи, в частности Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года⁶ и Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года⁷. Методом изучения данного вида источников является метод формально-юридического анализа;

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года включали в себя: Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

⁴ См., напр., Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: П.П. Гершунин и К, 1905; Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных уставов). М.: Изд. и тип. И.Д. Сытина, 1914; Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. кн. изд., 1969; Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994; Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996; Solomon P.H. Jr. Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order. N.Y.: M.E. Sharpe, 1997; Немыгина М.В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999; Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014.

⁵ Именной, данный Сенату, указ «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41473.

⁶ См.: Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41475.

⁷ См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41476.

2) материалы официальной статистики, ежегодно собираемой с 1872 по 1913 годы Министерством юстиции. Нами использованы три Свода статистических сведений по делам уголовным за 1883, 1893 и 1903 годы⁸. Временной разрыв в 10 лет между анализируемыми источниками позволяет проследить определенные тенденции в решениях суда с участием присяжных заседателей к женщинам и, суда без участия присяжных заседателей в отношении подсудимых разного пола. Основным методом исследования в данном случае является метод статистический;

3) документы личного происхождения — записки, заметки, дневники присяжных заседателей, а также близкие к ним по жанру судебные очерки. При этом был использован метод внутренней и внешней критики исторического источника, а также метод текстуального анализа;

4) материалы фольклора, в частности исторических анекдотов. В этом случае использовался историко-типологический метод филологии.

Судебная реформа Александра II и ее последствия

До судебной реформы 1864 года России хотя и были известны различные суды с народным представительством (Migunova, 2008; Agaŋonov, 2008:67–72; 2010:278–281)⁹, такая форма отправления правосудия, как суд присяжных, появилась только в период правления Александра II. Сразу же суд присяжных стал одним из самых ярких, но при этом одним из наиболее спорных ее институтов. В Российской империи у суда присяжных были и апологеты (Dzhanshiev, 1885:733–749; 1895; Koni, 1966a:262–292; 1966b: 201–222), и серьезные противники (Fuks, 1889; Deitrikh, 1895:2–22), между которыми шли бурные дискуссии о настоящем и будущем суда присяжных.

В наши задачи не входит анализ устройства суда присяжных, так как данный вопрос уже достаточно внимательно анализировался в дореволюционной и современной литературе (Vladimirov, 1873; Timofeev, 1881; Khrulev, 1888; Bobrishhev-Pushkin, 1896; Demichev, 2015). Мы затронем его только в той мере, насколько это необходимо для достижения цели нашего исследования.

Статья 81 Учреждения судебных установлений предъявляла к кандидатам в присяжные заседатели всего три требования: 1) русское подданство; 2) возраст от двадцати пяти до семидесяти лет и 3) проживание в уезде, где они избираются в присяжные заседатели, не менее двух лет. Как видим, ничего о по-

⁸ См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1883 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II: В 3-х ч. СПб.: Сенатская типография, 1887; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1893 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II: в 3-х ч. СПб.: Сенатская типография, 1897; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1903 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II: В 3-х ч. СПб.: Сенатская типография, 1906.

ловой принадлежности присяжных заседателей приведенные выше нормы не содержат.

В статьях 82, 85 и 86 Учреждения судебных установлений указывались категории лиц, которые, несмотря на соответствие общим требованиям к кандидатам в присяжные, по разным основаниям были лишены права исполнять данную обязанность. Речь шла о лицах, опороченных судом или приговорами соответствующих обществ (сословий); несостоятельных должниках; состоящих под опекой за расточительность; не знающих русского языка, на котором велось судопроизводство; обладающих физическими недостатками, препятствующими нормальному участию в судопроизводстве (слепота, глухота, немота, душевная болезнь). Также не могли быть присяжными заседателями священнослужители и монахи, военная служба и учителя народных школ. Таким образом, никаких запретов для того, чтобы женщины могли быть присяжными заседателями, нормативно не устанавливалось.

Лишь анализ статьи 87 Учреждения судебных установлений дает возможность косвенно понять, что законодатель вовсе не подразумевал, что женщины могут быть присяжными заседателями. В указанной статье говорится: «В общий список присяжных заседателей ... вносятся мужья и сыновья, если жены первых и матери или не могущие по каким-либо причинам быть присяжными заседателями отцы последних владеют недвижимым имуществом...». Конструкция приведенной нормы свидетельствует, что женщины даже теоретически не рассматривались в качестве субъектов, которые могут быть внесены в списки присяжных заседателей.

Менталитет российского общества второй половины XIX — начала XX в. и правосознание как его составная часть и не предполагали, что женщина может заниматься управлением государством, занимать общественные должности (за исключением некоторых женских благотворительных обществ) или участвовать в судебных заседаниях, кроме как в качестве подсудимой, потерпевшей, истца, ответчика или свидетеля. Именно по этой причине, мы полагаем, в текстах Судебных уставов 1864 г. отсутствовало указание на то, что женщины не вправе быть присяжными заседателями.

Если в плане исполнения обязанности присяжных заседателей гендерного равенства не было, то судились судом присяжных в равной степени представители обоих полов. Уголовные дела в Российской империи в соответствии со статьей 201 Устава уголовного судопроизводства были подсудны суду присяжных только в том случае, если за вменяемое подсудимому преступление по Уложению о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. полагалось наказание, связанное с ограничением или лишением прав состояния. Нормы Устава уголовного судопроизводства не дифференцировались в зависимости от пола подсудимых. Однако статистические источники, документы личного происхождения, материалы фольклора и другие источники свидетельствуют, что присяжные заседатели несколько различно относились к подсудимым-женщинам и подсудимым-мужчинам (об этом речь пойдет чуть позже).

Принципиальным отличием суда присяжных от коронного (профессионального) суда было то, что присяжные заседатели не обладали и не должны были обладать юридическими познаниями, не знали и не должны были знать законов. Свой вердикт они выносили на основании обстоятельств дела, uznанных в судебном заседании, и опираясь при этом исключительно на собственное внутреннее убеждение, сформированное в ходе судебного процесса. Присяжные заседатели выносили вердикт, исходя из личных и общественных представлений о справедливости, о добре и зле, хорошем и плохом и других морально-нравственных категорий. Именно человеческий фактор, как отмечает В.В. Мельник, играл и продолжает играть важнейшую роль в состязательном уголовном процессе, а здравый смысл и совесть присяжных заседателей являются основанием вынесения вердикта (Mel'nik, 2000).

Особенностью суда присяжных как судебного учреждения являлось то, что состав суда был разделен на две независимые друг от друга коллегии: коллегию присяжных заседателей и коллегию коронных судей. Первая состояла из двенадцати очередных присяжных заседателей (и еще двух запасных на случай выбытия по тем или иным причинам кого-либо из очередных заседателей), выбранных методом жеребьевки из очередных списков присяжных заседателей после отводов стороной защиты и обвинения отдельных кандидатов. Коллегия профессиональных судей в окружном суде состояла из трех членов — председателя и двух судей. Кстати, возрожденный в 1993 году в Российской Федерации суд присяжных также содержит профессиональный и общественный элементы. Первый, в отличие от дореволюционного суда присяжных, представлен не коллегией из трех судей, а одним единоличным судьей, а второй элемент до недавнего времени также состоял из двенадцати избираемых присяжных заседателей. После вступления в силу 1 июля 2018 года федерального закона от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»¹⁰ количественная модель суда присяжных в России теперь была изменена. Теперь в судах субъектов Российской Федерации суд присяжных действует в составе председателя и восьми присяжных заседателей, а в районных судах (ранее суд присяжных действовал только на уровне судов субъектов Российской Федерации) — в составе председателя и шести присяжных заседателей. Таким образом, современный законодатель в вопросе о количественном отношении профессионального и народного элемента в суде присяжных полностью отказался от дореволюционной традиции.

В Российской империи присяжные заседатели решали только так называемые «вопросы факта», главным из которых являлся «виновен или невиновен

¹⁰ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // *Собрание законодательства РФ.* 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3859.

подсудимый» в инкриминируемом ему деянии. Присяжные заседатели могли признать сам факт совершения преступления, могли признать, что данное деяние совершил подсудимый, однако при этом они были вправе в зависимости от конкретных обстоятельств дела признать подсудимого невиновным в его совершении. В случае признания подсудимого виновным в совершении преступления присяжные заседатели вправе были признать его «заслуживающим снисхождения». С вынесением вердикта функции присяжных заседателей в уголовном процессе прекращались.

Коронный суд решал «вопросы права» и выносил свой приговор исходя из вердикта присяжных заседателей. В случае признания подсудимого невиновным вердиктом присяжных заседателей коронный суд, независимо от своего мнения, обязан был вынести оправдательный приговор. При вынесении обвинительного приговора коронные судьи опирались на обвинительный вердикт присяжных, нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, собственное представление о деле, вынесенное из судебного заседания с учетом прений стороны обвинения и защиты по поводу наказания. Признание подсудимого заслуживающим снисхождения, как предписывала статья 828 Устава уголовного судопроизводства, влекло для коронного суда обязанность назначить ему на одну или две ступени более мягкое наказание, чем следовало бы без признания присяжными подсудимого заслуживающим снисхождение.

Теперь перейдем к вопросу, как приведенные выше достаточно абстрактные правовые нормы «работали» в зависимости от половой принадлежности подсудимых.

В первую очередь, пищу для размышления в данном направлении могут дать материалы официальной статистики Министерства юстиции. С 1872 г. статистическим отделением Министерства юстиции собирались данные со всех российских судебных учреждений.

Проанализируем материалы официальной статистики, которые наглядно представлены в составленной нами и приведенной ниже таблице. «Статистические сведения о количестве оправданных и осужденных мужчин и женщин в России окружными судами с участием присяжных заседателей и без участия присяжных заседателей в 1883, 1893 и 1903 гг.». Данные приведены за три года: 1883¹¹, 1893¹² и 1903¹³ с интервалом в 10 лет в совокупности по всем окружным судам Российской империи.

¹¹ См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1883 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II: В 3-х ч. СПб.: Сенатская типография, 1887. С. 22.

¹² См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1893 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II: в 3-х ч. СПб.: Сенатская типография, 1897. С. 22.

¹³ См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1903 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II: В 3-х ч. СПб.: Сенатская типография, 1906. С. 32.

Таблица

Статистические сведения о количестве оправданных и осужденных мужчин и женщин в России окружными судами с участием присяжных заседателей и без участия присяжных заседателей в 1883, 1893 и 1903 гг.

Подсудимых в окружных судах	1883		1893		1903		
	С присяжными	Без присяжных	С присяжными	Без присяжных	С присяжными	Без присяжных	
Всего	27681	7687	29494	22232	29832	41367	
Из них	Мужчины	24735	6710	26036	18460	26832	36171
	Женщины	2946	977	3458	3772	3000	5196
Осуждено	Мужчины	13918 56,3%	4846 72,2%	17357 66,7%	13193 71,5%	16852 62,8%	23660 65,4%
	Женщины	1228 41,7%	705 72,2%	1695 49,0	2818 74,7%	1253 41,8%	3560 68,5%
Оправдано	Мужчины	10817 43,7%	1864 27,8%	8679 33,3%	5267 28,5%	9980 37,2%	12511 34,6%
	Женщины	1718 58,3%	272 27,8%	1763 51,0%	954 25,3%	1747 58,2%	1636 31,5%

Статистические материалы позволяют оценить отношение судов с участием присяжных заседателей и судов, действовавших без участия присяжных заседателей, к подсудимым обоих полов.

Как свидетельствуют материалы официальной статистики, судом присяжных было осуждено в 1883 году 56,3% (оправдано 43,7%) и 41,7% (оправдано 58,3%) мужчин и женщин соответственно. Через десять лет мужчин было осуждено 66,7%, а женщин — 49,0%, через двадцать лет для представителей сильного пола данный показатель составил 62,8%, а для представителей слабого пола — 41,8%.

Приведенные в Таблице статистические данные позволяют выявить несколько закономерностей. Во-первых, репрессивность присяжных заседателей по отношению к представителям мужского пола всегда была стабильно более высокой, чем к представителям женского пола. Во-вторых, в процентном отношении количество мужчин, осужденных судом присяжных, во всех случаях превышало 50% от их общего числа, а количество осужденных женщин составляло менее 50%. Наконец, в-третьих, прослеживается тенденция роста разницы в силе репрессии суда с участием присяжных заседателей в отношении лиц мужского и женского пола. Так, в 1873 году она составила 14,6%, через десять лет эта разница достигла уже 17,7%, а еще через десять лет — уже 21,0%.

Наблюдая за современной для них судебной практикой, дореволюционные юристы не могли оставить без внимания факт более мягкого отношения суда с участием присяжных заседателей и, естественно, пытались дать этому определенные объяснения. Так, А.М. Бобрищев-Пушкин, известный не только как блестящий ученый, но и опытный практик, занимавший в конце XIX века должность председателя Санкт-Петербургского окружного суда, а позже ставший оберпрокурором Уголовного кассационного департамента Сената, отмечал, что присяжные заседатели рассматривают женщину как ничего не знающую в сфере закона, далекую от общественной жизни, зависящую от других людей и поэтому часто действующую подневольно (Bobrishhev-Pushkin, 1896:565).

А.М. Бобрищеву-Пушкину вторил Е.Н. Тарновский — один из крупнейших специалистов Российской империи конца XIX — начала XX века в области статистики и, кстати, в течение ряда лет возглавлявший Статистическое отделение Министерства юстиции. Е.Н. Тарновский также отмечал меньшую самостоятельность женщины в обществе и акцентировал внимание на том, что в большинстве случаев она выступает не в качестве главного действующего лица при совершении преступления, а играет второстепенные роли соучастницы или укрывательницы (Tarnovskii, 1904:51). В правосознании «судей общественной совести» женщина далеко не всегда воспринималась в качестве самостоятельного субъекта. Нередко ее рассматривали как кого-то ведомого, зависимого, подконтрольного чужой воле. Отсюда и снисходительное отношение.

О том, что женщина воспринималась в российском общественном сознании как не вполне самостоятельное существо, попавшее в беду в силу молодости (или, наоборот, старости), неграмотности или бедственного положения, свидетельствует фольклор. В частности, такой его вид, как анекдот.

Жанр научной историко-правовой статьи не позволяет привести здесь полные тексты юридических анекдотов позапрошлого века, поэтому мы отошлем читателя к двум известным сюжетам. Оба они связаны с судебными выступлениями одного из самых известных адвокатов периода Российской империи — Ф.Н. Плевако. Первый анекдот о бедной старушке, укравшей жестяной чайник стоимостью менее пятнадцати копеек и преданной за это суду присяжных, впервые был опубликован в «Невыдуманных рассказах о прошлом» В.В. Вересаева (Veresaev, 1985:118–119). Вторым анекдот о мещанке, прекратившей торговлю в своем заведении на двадцать минут позже, чем того требовали правила, известен из воспоминаний Б.С. Утевского (Utevskaia, 1989:159–160) — советского ученого-юриста, начавшего практическую деятельность еще в дореволюционной России в качестве помощника присяжного поверенного Н.П. Карабчевского.

Знакомство с текстами анекдотов приводит к очевидным выводам: перед судом присяжных в обоих случаях оказались женщины, которые с точки зрения закона действительно совершили преступления. В одном случае старушка совершила кражу чайника, в другом — были нарушены правила торговли. Факты нарушения закона очевидны всем — прокурору, коронным судьям, присяжным заседателям, публике. Не отрицает их и присяжный поверенный Ф.Н. Плевако.

При следовании закону в обоих случаях виновные должны быть наказаны. «Dura lex sed lex» — вот позиция прокурора. Однако такая позиция не вызывает сочувствия ни у зрителей, ни у присяжных, ни у слушателей, которым адресованы анекдоты.

Обратим внимание, что приведенные анекдоты, с одной стороны, выражают некое пренебрежительно-снисходительное отношение к женщинам-подсудимым. Свидетельством этого является то, как в тексте анекдотов они номинированы: «бедная старушка» и «полуграмотная женщина». И та и другая выступают не субъектом, а объектом, не имеющим ни своего голоса, ни лица, ни характера. Конечно, это не соответствует правовой реальности, в рамках которой представи-

тели обоих полов являлись полноценными субъектами права. Речь идет исключительно о субъективном восприятии частью современников положения женщины в обществе в целом и перед судом присяжных в частности.

С другой стороны, такие образы подсудимых не могут не вызвать жалость, сочувствие, не повлечь христианского понимания и прощения. Логичным следствием всего этого является оправдание подсудимых.

Для российских присяжных, большинство которых по сословной принадлежности являлось крестьянами, особенно в провинции, было характерно почитание семейных ценностей. Именно поэтому они во многих случаях (кроме ситуации, когда на скамье подсудимых оказывалась закоренелая преступница, рецидивистка), чтобы сохранить нормальную семью, не оставлять детей без матери, оправдывали женщин (Bobrishhev-Pushkin, 1896:566), особенно имевших на руках маленьких детей. Один из присяжных заседателей так обосновывал оправдание небедной чиновницы, укравшей у своей знакомой пять мужских галстуков ценой в 3 руб., которой грозило наказание, связанное с лишением прав состояния: «...за пять галстуков столь жестоко ошельмовать женщину, а в лице ее на долгие годы нанести скорбь, позор ее семье, расторгнуть даже ее брак...» (Nikitin, 1871:373).

Говоря не обо всех женщинах-подсудимых, а анализируя оправдания присяжными только женщин, оказавшихся на скамье подсудимых по обвинению в убийстве, Н.П. Тимофеев причину этого видел в том, что дела такого рода порождаются «в большинстве случаев той неурядицей, которая существует в семейной обстановке женщин и в частности вызывается иногда невыносимостью их жизни» (Timofeev, 1881:506). В ряде случаев, став убийцей, женщина была жертвой своего безысходного положения. Не в силах больше терпеть моральные и физические истязания, женщины шли на убийства. И в судебном заседании часто открывались весьма драматические бытовые обстоятельства (Timofeev, 1881:506–507), что и производило впечатление на присяжных заседателей и вело к оправдательным вердиктам.

На наш взгляд, имеется еще одно объяснение психологического характера снисходительного отношения присяжных к женщинам-подсудимым. Дело в том, что, как мы уже отмечали ранее, 100% присяжных заседателей Российской империи были мужчинами. И именно это в условиях их неопытности в судебных делах играло важную роль. Внешний вид, женские слезы, раскаяние и поведение женщины на суде в целом оказывало сильное эмоциональное давление на присяжных. Это достаточно четко прослеживается в судебных очерках, а также записках и дневниках присяжных заседателей. Их авторы, естественно, мужчины, многократно делали акцент на внешнем виде и манере поведения женщин-подсудимых.

Приведем несколько примеров. Так, в судебном очерке Н.П. Тимофеева «Любушка» подсудимая описывается таким образом: «...18-летняя Любушка, красавица, да и только, весь город об этом знает. Стройная, с миловидным симпатичным личиком, чудными, пепельного цвета волосами, роскошным станом, прелестными формами и каким-то особенным, словно бархатистым голосом.

А глаза-то у нее, чудо, а не глаза, взглянет — лаской подарит» (Timofeev, 1881:513). В очерке «Двумужница» подсудимая описывалась так: «Вера Владимировна, одетая в скромное черное суконное платье, стройно обхватывающее ее стан...» (Timofeev, 1881:545), «фразу эту Вера Владимировна произнесла с какой уверенностью в себе, ответе ее суду прозвучала гордость и решимость любящей женщины, но на последнем слове она не выдержала, быстро опустилась она на свой стул и зарыдала» (Timofeev, 1881:547). В воспоминаниях одного из присяжных заседателей о подсудимой говорилось следующее: «она возбудила в присяжных симпатию, как любящая, энергичная женщина, готовая на самопожертвование...» (Ivanovich, 1891:597). Понятно, что во всех этих делах присяжные оправдали подсудимых.

Из воспоминаний другого присяжного заседателя следует, что рецидив преступления, а также отпирательства вызывали негативную реакцию у присяжных. Ведя речь об одном из рассмотренных дел, он пишет: «Третьим делом была мелкая кража 40-летней бабы, уже осужденной за три кражи» (Dzhanshiev, 1914). Обратим внимание, что в приведенной короткой фразе уже прослеживается неприязнь к подсудимой. Об этом свидетельствует сочетание «40-летняя баба», отсюда и неопределенность, что вызвало большую неприязнь присяжных: что перед ними рецидивистка или «баба».

На коронных судей, у которых выработались профессиональные умения отличать спектакль в суде от реальности, абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, половая принадлежность подсудимых практически не оказывала никакого влияния. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, окружными судами без участия присяжных заседателей в 1883 г. было осуждено равное в процентном отношении количество мужчин и женщин — 72,2% (соответственно оправдано было по 27,8%). В 1893 г. было осуждено 71,5% мужчин и 74,7% женщин (оправдано было 28,5% и 25,3%). В 1903 г. мужчин было осуждено 65,4%, а женщин — 68,5% (оправдано — 34,6% и 31,5%).

Итак, мы видим, что 1) репрессивность окружных судов без участия присяжных в целом, отдельно относительно мужчин и относительно женщин стабильно была выше, чем окружных судов с участием присяжных заседателей (см. таблицу); 2) окружные суды без участия присяжных заседателей либо одинаково, либо более строго относились к подсудимым-женщинам, чем к подсудимым-мужчинам; 3) можно отметить незначительную тенденцию снижения процентного количества осужденных мужского пола (в 1883 г. — 72,2%, в 1893 г. — 71,5%, в 1903 г. — 65,4%). В отношении женщин-подсудимых такой тенденции не наблюдается — в 1883 г. их было осуждено 72,2%, в 1893 г. — 74,7%, в 1903 г. — 68,5%.

Заключение

Судебная реформа 1864 года в Российской империи не только создала совершенно новую судебную систему, но и произвела перелом в правосознании населения. Важнейшую роль в этом процессе сыграл суд присяжных. Присяж-

ные заседатели выносили свои вердикты, опираясь не на знание норм права, а на представления о справедливости, хорошем и плохом, добре и зле.

Перед «судом общественной совести» в равных условиях оказались представители всех сословий, что в дореформенный период было невозможно. Принцип равенства в теории касался не только социального состава присяжных заседателей и лиц, оказавшихся на скамье подсудимых, но и предполагал равенство мужчин и женщин.

Однако в совокупности все изложенное в данной статье позволяет сделать несколько выводов, касающегося гендерного равенства (точнее, его отсутствия) в судопроизводстве с участием присяжных заседателей в Российской империи.

Во-первых, при формальном провозглашении равенства всех подданных перед судом, в самом суде присяжных правосудие осуществляли исключительно мужчины. Правосознание населения и сложившаяся судебная практика не допускали иной ситуации. Причем это касалось не только судебной сферы, но и занятия всех государственных и большинства общественных должностей.

Во-вторых, на присяжных заседателей при вынесении вердикта оказывали влияние различные факторы: от личных и характерных для социальных групп, к которой относились «судьи общественной совести», представлений о справедливости до внешности подсудимых и манеры их поведения на суде. В этой ситуации важное значение имела гендерная принадлежность лиц, представших перед правосудием. Официальная статистика свидетельствует, что присяжными заседателями, которыми были только мужчины, стабильно выносился более высокий процент оправдательных вердиктов в отношении женщин, чем в отношении мужчин. А другие источники (документы личного происхождения присяжных заседателей, судебные очерки, материалы фольклора) свидетельствуют, что не последнюю роль в этом играли возраст и внешний вид женщин-подсудимых.

В-третьих, коронные судьи выносили оправдательных приговоров в отношении женщин меньше, чем в отношении мужчин. Это свидетельствует о том, что гендерный фактор в силу наличия юридических знаний и выработавшихся профессиональных умений подходить объективно к рассмотрению дел, абстрагируясь от внешних факторов, практически не оказывал влияния на решения коронных судей. Таким образом, принцип гендерного равенства, нарушавшийся в суде присяжных, успешно реализовывался в деятельности профессиональных судей.

Нарушение принципа гендерного равенства в суде присяжных не помешало успешно функционировать российской пореформенной судебной системе, которая просуществовала до Октябрьской революции 1917 г. и была упразднена принятым вскоре после нее Декретом Совнаркома «О суде» от 22 ноября (5 декабря) 1917 года.

Библиографический список / References

Agafonov, S.Yu. (2008) *Sudy s narodnym predstavitel'stvom v Drevnei Rusi [Courts with national representation in Ancient Russia]*. Chelovek i obshchestvo v protivorechiyakh i soglasii:

- Sbornik nauchnykh trudov po materialam VII nauchno-prakticheskoi konferentsii: V 2-kh chastyakh. [Man and society in contradictions and harmony: Collection of scientific papers on the materials of the VII scientific-practical conference: In 2 parts]. Aspidova A.I., Stefan A.N. (eds.). Nizhny Novgorod. Part. 2, 67–72. (in Russian).
Агафонов С.Ю. Суды с народным представительством в Древней Руси // Человек и общество в противоречиях и согласии: Сб. научн. тр. по материалам VII научно-практической конференции: В 2-х ч. / под ред. А.И. Аспидова, А.Н. Штефана. Н. Новгород, 2008. Ч. 2. С. 67–72.
- Agafonov, S.Yu. (2010) *Uchastie naseleniya v otpravlenii pravosudiya v Rossii v XVI–XVII vv.* [The participation of the population in the administration of justice in Russia in the XVI–XVII centuries]. Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, 278–281. (in Russian).
Агафонов С.Ю. Участие населения в отправлении правосудия в России в XVI–XVII вв. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 278–281.
- Bobrishhev-Pushkin, A.M. (1896) *E`mpiricheskie zakony` deyatel`nosti russkogo suda prisyazhny`x* [Empirical Laws of the Russian Jury Court]. Moscow: Zhurnal «Russkaya my`sl`» [The magazine “Russian Thought”]. pech. A.I. Snegirevoj. (in Russian).
Бобрещев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М.: Журн. «Русская мысль», печ. А.И. Снегиревой, 1896. 615 с.
- Deitrikh, V.F. (1895) O sude prisyazhnykh. Vopros ego reorganizatsii [About Jury Court. The issue of its reorganization]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. No 6, 2–22. (in Russian).
Дейтрих В.Ф. О суде присяжных. Вопрос его реорганизации // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 6. С. 2–22.
- Demichev, A.A. (ed.) (2015) *Sud prisyazhnykh v Rossiiskoi imperii: ideya, zakonodatel'stvo, prakticheskaya deyatel'nost'* [Jury Court in the Russian Empire: idea, legislation, practical activity], Moscow: Yurlitinform Publ. (in Russian).
Суд присяжных в Российской империи: идея, законодательство, практическая деятельность / под ред. А.А. Демичева. М.: Юрлитинформ, 2015. 488 с.
- Dzhanshiev, G. (1885) Pervaya novella. (Novyi zakon o prisyazhnykh) [The first novel. (The new law on the jury), *Yuridicheskii vestnik* [Legal Bulletin], No 4. 733–749. (in Russian).
Джанишиев Г. Первая новелла. (Новый закон о присяжных) // Юридический вестник. 1885. № 4. С. 733–749.
- Dzhanshiev, G.A. (1895) *Sud nad sudom prisyazhnykh (Po povodu stat'i g. Deitrikha)* [Trial of jury trials (Concerning an article by Mr. Deitrich)]. Moscow: Tipografiya « Russkikh ведомostei» Publ. (in Russian).
Джанишиев Г.А. Суд над судом присяжных (По поводу статьи г. Дейтриха). М.: Типогр. «Русских ведомостей», 1895. 102 с.
- Dzhanshiev, G.A. (1914) *Iz vospominanij prisyazhnogo zasedatelya* [From the memories of the juror], *Sbornik statej* [Collection of articles]. Moscow: Zadruga. 439–454. (in Russian).
Джанишиев Г.А. Из воспоминаний присяжного заседателя // Сборник статей. М.: Задруга, 1914. С. 439–454.
- Khrulev, S.S. (1888) *Sud prisyazhnykh. Ocherk deyatel'nosti sudov i sudebnykh poryadkov* [Jury Court. Essay on the activities of courts and judicial procedures]. Saint Petersburg: Tipografiya Pravitel'stva Senata Publ. (in Russian).
Хрулев С.С. Суд присяжных. Очерк деятельности судов и судебных порядков. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1888. 231 с.

- Ivanovich, I. (1891) *V zale suda i v soveshhatel'noj komnate. Iz vospominanij prisyazhnogo zasedatelya* [In the courtroom and in the advisory room. From the memories of the juror]. Vestnik Evropy [Journal of Europe], Book 12, 577–603. (in Russian).
Иванович И. В зале суда и в совещательной комнате. Из воспоминаний присяжного заседателя // Вестник Европы. 1891. Кн. 12. С. 577–603.
- Fuks, V. (1889) *Sud i politsiya* [The court and the police]. Moscow: Izdatel'stvo Russkogo vestnika, Part. 1–2. (in Russian).
Фукс В. Суд и полиция. М.: Изд. Русского вестника, 1889. Ч. 1–2. 282, 232 с.
- Koni, A.F. (1966a) *O sude prisyazhnykh i sude s soslovnymi predstaviteleyami* [About Jury Court and court with class representatives], Collected works, In 8 volumes, Moscow: Yuridicheskaya literatura, Vol. 4, 262–292. (in Russian).
Кони А.Ф. О суде присяжных и суде с сословными представителями // Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. Т. 4. С. 262–292.
- Koni, A.F. (1966b) *Sudebnaya reforma i sud prisyazhnykh* [Judicial reform and jury trial], Collected works, In 8 volumes, Moscow: Yuridicheskaya literatura, Vol. 4, 201–222. (in Russian).
Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. Т. 4. С. 201–222.
- Mel'nik, V.V. (2000) *Iskusstvo dokazyvaniya v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse* [The art of proof in adversarial criminal proceedings]. Moscow: Delo Publ. (in Russian).
Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М.: Дело, 2000. 496 с.
- Migunova, T.L. (2008) «Dlya umnozheniya porjadka i besprepyatstvennogo techeniya pravosudiya...»: *Administrativno-sudebnaya reforma Ekateriny II* [“To increase order and the unhindered course of justice...”: Administrative and judicial reform of Catherine II], Moscow: NOTA BENE Publ. (in Russian).
Мигунова Т.Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...»: Административно-судебная реформа Екатерины II. М.: NOTA BENE, 2008. 560 с.
- Nikitin, V. (1871) *Peterburgskij sud prisyazhny'x (Nablyudeniya i vospominaniya prisyazhnogo zasedatelya)* [St. Petersburg Jury Court (Observations and Memories of the Jury)], Otechestvenny'e zapiski [Domestic Notes]. 367–402. (in Russian).
Никитин В. Петербургский суд присяжных (Наблюдения и воспоминания присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1871. С. 367–402.
- Tarnovskii, E.N. (1904) *Repressiya suda prisyazhny'x po danny'm 1875-1900 gg.* [Repression of the jury court according to the data of 1875-1900], *Zhurnal Ministerstva yusticii* [Journal of the Ministry of Justice]. No 1, 27–76. (in Russian).
Тарновский Е.Н. Репрессия суда присяжных по данным 1875–1900 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 1. С. 27–76.
- Timofeev, N.P. (1881) *Sud prisyazhny'x v Rossii. Sudebny'e ocherki* [Jury Court in Russia. Court essays]. Moscow: Tipografiya Mamontova A.I. Publ. (in Russian).
Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1881. 639 с.
- Utevskaia, B.S. (1989) *Vospominaniya yurista: Iz neopublikovannogo* [Memories of the lawyer: From unpublished]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Утевский Б.С. Воспоминания юриста: Из неопубликованного. М.: Юридическая литература, 1989. 304 с.
- Veresaeu, V.V. (1985) *Nevy'dumannye rasskazy` o proshlom* [Unthinkable stories about the past]. Collection of works: In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Pravda Publ. (in Russian).
Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы о прошлом // Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Правда, 1985. Т. 4. 494 с.

Vladimirov, L.E. (1873) *Sud prisyazhnykh. [Jury Court], Khar'kov*: Universitetskaya tipografiya Publ. (in Russian).

Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков: Университетская типография, 1873. 257 с.

Об авторах:

Демичев Алексей Андреевич — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор, кафедра гражданского права и процесса, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора научных исследований и разработок, Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ORCID ID: 0000-0002-9779-100X; SPIN-код: 3998-8230

e-mail: aadem@bk.ru

Илюхина Вера Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедра теории государства и права, международного и европейского права, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

ORCID ID: 0000-0001-7049-4593; SPIN-код: 8564-9753

e-mail: eva3011@bk.ru

Для цитирования:

Демичев А.А., Илюхина В.А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 98–112. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-98-112.

Дата поступления в редакцию: 13 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Research Article

**WOMAN BEFORE THE JURY COURT IN THE RUSSIAN EMPIRE
(REVISITING THE GENDER EQUALITY PRINCIPLE)**

Alexey A. Demichev¹, Vera A. Ilyukhina²

¹ Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia
3, *Ankudinovskoye shosse*, 603950, *Nizhny Novgorod, Russia*

² Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences
1, *Sennaya*, 390000, *Ryazan, Russia*

This work presents implementation of the gender equality principle in the criminal proceedings of the Russian empire on the basis of the Judicial Statutes of 1864, official statistics materials of the Ministry of Justice, jury members' documents of private origin, documentary narratives about courts, and folklore. The authors analyse and interpret statistical data on females and males acquitted and convicted by the jury court and the crown court. This work draws the following main conclu-

sions: 1) in spite of the enforceable and officially declared equality of all subjects before the court, only men administered justice in the jury court, and the people's legal consciousness and the settled judicial practice did not allow another situation to develop; 2) the fact that only men were jury members brought about the situation in which the jury court was less repressive to women than to men. As for crown judges, the percentage of women convicted by them was, on the contrary, generally more than that of men. Therefore, the proceedings of jury courts in the Russian empire actually breached the gender equality principle.

Key words: jury, crown court, Russian Empire, judicial reform of 1864, Judicial statutes of 1864, principle of gender equality

About authors:

Demichev Alexey Andreyevich — doctor of sciences (law), candidate of sciences (history), professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, professor, Department of civil law and procedure, Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Leading researcher of the research and development sector, Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of RANEPА

ORCID ID: 0000-0002-9779-100X; SPIN-код: 3998-8230

e-mail: aadem@bk.ru

Ilyukhina Vera Aleksanovna — candidate of sciences (law), assistant professor, assistant professor of Chair of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia

ORCID ID: 0000-0001-7049-4593; SPIN-код: 8564-9753

e-mail: eva3011@bk.ru

For citation:

Demichev, A.A., Ilyukhina, V.A. (2020) Woman before the jury court in the Russian empire (revisiting the gender equality principle). *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 98–112. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-98-112.

Article received December 13, 2019

Article accepted December 25, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-113-136

Научная статья

УСТАВЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

А.С. Туманова, А.А. Сафонов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, Москва, Россия, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

Статья посвящена истории доктринальной разработки содержания устава общественной организации поздней имперской России, а также роли устава в регулировании феномена общественной самоорганизации. Данная проблема практически не изучена в научной литературе. На основании привлечения широкого корпуса опубликованных источников (учредительные документы общественных организаций, материалы делопроизводства государственных учреждений и др.) и ряда архивных (документы РГИА) анализируется юридическая политика царского правительства, нацеленная на установление единообразия в содержании учредительных документов добровольных обществ и принципах их взаимоотношений с государством по поводу создания, перерегистрации, прекращения действий общественных организаций. Данная общегосударственная рамка оценивается с позиций состояния корпоративного регулирования в поздней имперской России, а также степени вмешательства в данный процесс государства.

Рассмотрены российские и европейские источники формирования корпоративного законодательства. Существенное место занимает анализ учредительных документов организаций дореволюционной России различных групп. Они изучаются по содержанию, структуре, общим и особым признакам, сфере деятельности. Авторы исследуют, в чем выразилось самостоятельное творчество учредителей при составлении уставов организаций, не полностью соответствующих типовым учредительным документам, выясняют его значение и границы.

Авторы статьи приходят к выводу, что уставы давали российским обществам существенную самостоятельность во внутренней жизни (определение целей и задач, способов формирования капиталов, требований к категориям членов и др.), однако достаточно жестко предписывали «внешний» контекст их функционирования, сопряженный со взаимодействием с органами государства.

Ключевые слова: история российского права, общественная организация, устав, корпоративные нормы, корпоративное законодательство Российской империи

Информация о финансировании: Статья подготовлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Программы фундаментальных исследований, проект «Трансформация третьего сектора в цифровую эпоху» в 2020 году.

© Туманова А.С., Сафонов А.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Введение. Постановка проблемы и научные подходы

Образование общественных организаций — самодеятельных и надлежащим образом оформленных объединений, консолидированных на принципе добровольного членства и общественно-полезной деятельности в области организации научных исследований, занятий просветительством, социальной помощью и иными проектами некоммерческого характера, ведет свой отсчет с последней трети XVIII столетия. В 1765 г. Екатериной II был утвержден устав первой общественной организации имперской России — Вольного экономического общества (далее — ВЭО). Он определял цели и сферу деятельности ВЭО, принципы его функционирования, гарантировал ему определенные права и привилегии. Устав был составлен членами ВЭО и неоднократно ими обновлялся; он гласил, что «общество основано на добровольном соединении членов, управляться будет само собою, под председательством президента» (Stepansky, 1979:8). Между тем общество получило жизнь от государства, пользовалось покровительством императрицы и наименованием «императорского».

Задачи Вольного экономического общества вошли в «Устав сельского хозяйства» Свода законов, определив общегосударственную рамку направлений деятельности для обществ сельского хозяйства. Они заключались в содействии «соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности»¹. Родовым признаком данных объединений было стремление к совмещению научной работы с обслуживанием практических потребностей сельского хозяйства (Elina, 2011:28). Наряду с этим ассоциация занималась также просветительской работой и профессиональным образованием.

С утверждением устава Вольного экономического общества в России возник прецедент для создания других общественных организаций (на языке эпохи «частных обществ»). ВЭО положило начало как «процессу санкционирования самодержавием независимой общественной инициативы» (Bradley, 2009:57), так и созданию модели двусторонних отношений государства и общественных организаций, которой следовали добровольные объединения дореволюционной России. Данную модель отображали учредительные документы добровольных обществ, определяя сферу самостоятельности последних и полномочия власти по отношению к ним.

Заметный импульс развитию добровольных организаций придали либеральные реформы 1860–70-х гг. В те годы появилось много новых видов обществ, а также существенно расширилась их социальная база. Рост ассоциаций стимулировали их модернизовавшиеся уставные документы, а также передача права утверждения их уставов от императора к отдельным министрам.

¹ Устав сельского хозяйства / Свод законов (далее — СЗ). Т. XII. Ч. 2. СПб., 1886. Ст. 42.

Временем заметного возрастания присутствия общественных организаций в публичном пространстве Российской империи стали 1890-е гг. Если в первые шестьдесят лет XIX в. в империи возникло всего около ста легальных обществ, которые существовали преимущественно в Петербурге, Москве и городах Западного края, то к 1904 г. их насчитывалось уже порядка 2 тысяч².

Начиная с 1890-х гг. активно вошла в жизнь практика составления нормальных уставов обществ. Она была призвана выработать у государства и общественных деятелей единый подход к учреждению обществ, а также упорядочить связанное с этим делопроизводство. Под нормальными уставами понимались учредительные документы, рекомендуемые правительством для тех или иных категорий организаций. Организации, придерживавшиеся таких уставов, создавались более упрощенным порядком, нежели те, что желали отходить от них. Наряду с термином «нормальный устав» использовались понятия «образцовый устав» и «типовой устав»; все они были синонимами.

В научной литературе существует два полярных мнения по поводу способа формирования уставов общественных организаций. Первое принадлежит американскому историку Джозефу Брэдли. Рассматривая уставы ассоциаций, возникших в последней трети XVIII и в начале XIX вв., Брэдли высказал суждение, что они были «малыми конституциями», составлявшимися и обновлявшимися самими членами обществ, ревностно ими оберегаемыми. Лидеры институций самостоятельно устанавливали в них программу действий и принципы поведения (Bradley, 2009:114–115).

Указал Брэдли и на противоречивость уставов частных обществ. Оформленные в них права и привилегии, автономия и самоуправление, а также заявленные формы представительства, по его выражению, пробивали «брешь в цитадели самодержавной власти». В то же время уставы оказывались зачастую двусмысленными в том, что касалось внешней деятельности обществ, т.е. их взаимоотношений с государством (Bradley, 2009:49–53, 57).

Американский специалист Маргарет Джейкоб также полагает, что уставы общественных организаций писались «на языке конституционализма». Она считает, что масонские ложи и просветительские ассоциации являлись современным социальным пространством в государстве Старого режима в Европе, участники которого упражнялись в демократических практиках. К демократическим практикам автор причисляет создание уставов (Jacob, 1994:95–113).

Диаметрально противоположное суждение о происхождении уставов частных обществ принадлежит канадскому специалисту Найджелу Раабу, который интерпретирует учредительные документы как продукт деятельности правительства в большей мере, нежели самого общества. Он указывает, что принятие в 1890-е гг. типовых (примерных) уставов для различных категорий част-

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61(б). Л. 6 об. 7.

ных обществ «позволило государству регулировать деятельность общественных организаций под своей эгидой» (Raab, 2007:270–271).

Очевидно, что различие взглядов специалистов на учредительные документы общественных организаций, определяющие их устройство, принципы и направления деятельности, а также права и обязанности членов не в последнюю очередь обусловлено спецификой предметов их исследования. Брэдли изучает крупные научные общества либеральной направленности (Вольное экономическое, Русское техническое, Пироговское общество русских врачей и др.), тогда как Рааб исследовал являвшиеся опорой трона и исповедовавшие консервативные идеи пожарные общества.

Теоретик права Т.В. Кашанина понимает под уставами общественных организаций одну из разновидностей корпоративных норм, порожденных волей коллектива корпораций, их принимающих. Корпоративные нормы, как справедливо полагает правовед, как и другие социальные нормы, отражают баланс интересов руководящего класса и управляемых. Нельзя не согласиться и с выделенными ею признаками корпоративных норм, такими как их нацеленность на типичные ситуации, имеющие место в корпорациях, на многократное повторение, а также неперсонифицированность (Kashanina, 2012:482–485).

С.И. Архипов указывает на такую специфическую черту корпоративных норм, как отсутствие собственных санкций, воспроизведение ими или уточнение санкций нормативных актов, издаваемых государственными органами (Arhipov, 1987:37).

М.В. Немытина, апеллируя к социологической концепции правопонимания, признает корпоративное регулирование правовой системой, альтернативной государственной и независимой от нее, зачастую даже соперничающей с ней по значению для изучения правовых процессов и явлений (Nemytina, 2011:123).

Таким образом, подводя итоги степени научной разработанности проблемы, отметим, что как в России, так и за рубежом отсутствуют комплексные исследования корпоративных норм и законодательства имперского периода. Между тем данная проблема представляется существенной для понимания правовой истории российского гражданского общества, а также механизмов организации его внутренней жизни.

Типовой устав частных обществ. Общегосударственная рамка для определения направлений и пределов корпоративного регулирования

В канун наступления XX столетия в Российской империи в массовом порядке вырабатывались нормальные уставы общественных организаций. В них были заключены положения и принципы, которыми общественники призваны были руководствоваться, чтобы учреждаемые ассоциации получили разрешение.

Частные общества, готовые руководствоваться нормальными уставами, скорее и проще преодолевали бюрократические инстанции. Поэтому рижский чиновник МВД К.Г. фон Плато рекомендовал учредителям общественных орга-

низаций придерживаться нормальных уставов, санкционированных центральной властью. Для тех случаев, когда учредители желали внести в уставы свои новеллы, Плато советовал следовать типовой структуре уже существующих учредительных документов. Составителям уставов чиновник предлагал максимально четко формулировать цель общества и средства ее достижения. В разделах, характеризующих управление ассоциациями и их членский состав, он призывал подробно описывать порядок управления и составления отчетности, права и обязанности членов, компетенцию руководящих органов, а также назначение имущества и капиталов в случае закрытия общества³.

К 1896 г. нормальные уставы были составлены в Российской империи для целой группы обществ: сельскохозяйственных, благотворительных, пожарных, вспомоществования нуждающимся учащимся и др. Они вырабатывались как на основании существовавших уставов, так и предшествующей практики работы над проектами уставов в Комитете министров и в министерствах.

С конца XIX в., по мере накопления в министерствах нормальных и примерных уставов, была предпринята попытка дальнейшего упорядочения процедуры создания общественных организаций. Общества, учреждавшиеся на основании нормальных или примерных уставов, стали открываться местной администрацией — генерал-губернатором, губернатором или градоначальником. Уставы обществ, не соответствовавшие типовым, по-прежнему рассматривались министрами.

Передача права учреждения общественных организаций руководителям местной администрации поставила центральную власть перед необходимостью выработки общих правил, которыми последние должны были руководствоваться. Выработка единообразного формуляра устава общественной организации становится актуальной задачей.

Требования к содержанию уставов были разработаны совещанием директоров департаментов Министерства внутренних дел под руководством товарища министра А.А. Иксуля фон Гильденбандта⁴. В ведении МВД находилось подавляющее число обществ. 29 апреля 1897 г. министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным были утверждены Правила, определявшие порядок предоставления уставов на подпись министру. Составленные на основании положений нормальных уставов, они сочетали действующую практику регламентации деятельности обществ с государственным интересом. В них была предпринята также попытка определить в общих чертах основы внутренней жизни организа-

³ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 3–4.

⁴ Здесь и далее, в ходе характеристики Правил 1897 г., а также проекта Гражданского уложения, использован материал рукописи диссертации одного из авторов на соискание ученой степени доктора юридических наук: Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: Историко-юридическое исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 67–73.

ций: принципы комплектования членского состава, формирования финансов, организации общих собраний, что не было характерно для предшествующего законодательства.

Правила 29 апреля 1897 г., а также дополнения к ним от 15 июня 1898 г. вводили ограничения в членский состав обществ. Членами организаций не могли являться следующие категории российских подданных: состоявшие на действительной военной службе нижние чины; ограниченные в правах по суду; учащиеся военного, морского и духовного ведомств. Иные группы учащихся, а также несовершеннолетние, в учебных заведениях не обучавшиеся, допускались в благотворительные, спортивные общества, общества физического развития и усовершенствований в искусствах, однако обладали в них ограниченной правоспособностью — они не могли избираться в правления и участвовать в голосованиях. Несовершеннолетним для вступления в общества требовалось согласие родителей или опекунов, а учащимся высших учебных заведений — разрешение учебного начальства. Наибольшей дискриминации подвергались учащиеся начальной и средней школы, которым для вступления в общества требовалось как согласие родителей либо опекунов, так и учебного начальства⁵.

Полномочия местной администрации определялись в Правилах МВД 1897 г. следующим образом. Губернатор или градоначальник наделялся правом закрывать собрания обществ, созывать чрезвычайные собрания и утверждать их постановления. Он определял также назначение имущества закрытой организации, если это специально не оговаривалось в ее уставе. Отразили Правила и расширение надзорных прерогатив полицейской власти. Предусмотренные в уставах обществ публичные мероприятия (драматические представления, литературные чтения, концерты и др.) могли устраиваться только с разрешения начальника местной полиции. Под наблюдением полиции находились также общие собрания обществ, для чего последним вменялось в обязанность своевременно предоставлять информацию о дне, часе, месте их проведения и предметах занятий. К обсуждению на них допускались лишь вопросы, непосредственно относившиеся к определенной уставом сфере деятельности общества и заблаговременно доведенные до сведения полиции.

Новый этап в развитии корпоративных норм общественных организаций обозначился с завершением разработки в 1899 г. проекта Гражданского уложения, призванного заменить I часть X тома Свода законов. XIX глава Уложения — «Ученые, благотворительные и иные общепользные общества» — представляла собой первую в истории российского законодательства попытку собрать воедино нормативные акты различных ведомств, регулировавшие жизненный цикл общественных организаций⁶.

⁵ Правила 29 апреля 1897 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 (б). Л. 71; Дополнение правил 29 апреля 1897 г. от 15 июня 1898 г. // Там же. Л. 73–73 об.

⁶ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т.4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. С. 547.

Источниками для составления главы об «общепользовательных обществах» Гражданского уложения служили действующие нормы об общественных организациях и документы их делопроизводства — уставы и отчеты. Широко использовались труды российских правоведов (цивилиста С.В. Пахмана, присяжного поверенного А.О. Гордона и др.), рассматривавших отдельные стороны жизнедеятельности обществ с точки зрения применения к ним норм гражданского права, а также гражданские кодексы европейских стран.

Заслугой составителей проекта Гражданского уложения являлось определение понятия «общество». Под обществом понимался «разрешенный надлежной властью союз лиц, в числе не менее семи, которые, не имея целью получение прибыли, избрали предметом своей деятельности благотворительность, развлечение (клубы, общественные собрания), развитие наук, искусств, физических сил и ловкости (спорт) и другие общепользовательные цели» (ст. 924).

Предлагая развернутую формулировку дефиниции «общество», составители Уложения заложили в нее родовые черты общества как разновидности объединения лиц. Так, мотивация к отсутствию финансового интереса, выразившегося в получении денежной прибыли, отличала общества от товариществ, действующих исключительно с целью получения прибыли. Разграничение обществ и товариществ являлось существенным шагом вперед. Новым было установление в законе обязательного минимума членов, при котором общество могло быть открыто. Указанная норма была заимствована из Гражданского уложения Германской империи 1896 г. с целью «гарантировать солидность возникающего общества»⁷.

Другой существенной особенностью правового положения обществ, вытекающей из их определения, являлось правительственное разрешение: обществом признавался «разрешенный подлежащей властью союз лиц». Задача властного органа виделась составителям Уложения в том, чтобы дать обществу право на законное существование, признав, что оно удовлетворяет требованиям закона.

В проекте Гражданского уложения впервые появились нормы, характеризующие жизненный цикл некоммерческих организаций и механизмы управления ими. До этого правительственная власть была озабочена главным образом выработкой механизмов наблюдения за общественными организациями, тогда как вопросы их внутренней жизни и деятельности интересовали ее в меньшей степени.

В Уложении определялся формуляр устава общества (ст. 926). Там указывалось, что кроме названия общества, его цели и местонахождения, в уставе должны были быть упомянуты порядок вступления и выбытия членов, состав и способ

⁷ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользовательные общества. С. 552.

формирования правления, время и порядок созыва общих собраний. Все эти положения в своей совокупности имели для учредителей обществ существенное значение, поскольку оговаривали вопросы их внутреннего устройства. Они были заимствованы как из действующих уставов общественных организаций, так и из гражданских уложений европейских стран, в особенности Германского Гражданского уложения 1896 г.

Оговаривались взаимные обязательства, возникавшие между общественной организацией и вступающим в нее лицом (ст. 928). Член общества обязывался систематически вносить членские взносы; в случае их неуплаты на протяжении двух лет он выбывал из его состава. Право состоять членом общества не могло быть предметом уступки или наследования, а осуществлялось путем специального соглашения между общественной организацией и вступающим членом, служа доказательством, как отмечалось, «уважения к личным качествам вступающего». Конкретизируя содержание данной статьи и апеллируя к действующим уставам общественных организаций, составители указывали, что процедура заключения соглашения между обществом и его членом должна была зависеть от типа общества. Так, вступление в общества, занимавшиеся развитием наук, искусств, физических сил и ловкости, предполагавшие тесное общение членов между собой и наличие у них известной квалификации в своей сфере, было весьма непростым. Вступающий нуждался в рекомендации одного или нескольких членов общества, удостоверявшей, что последний обладает требуемым уставом цензом; вопрос о его принятии рассматривался в правлении организации и ставился на баллотировку общего собрания. Менее разборчиво относились к своим членам благотворительные общества; успешность их деятельности напрямую зависела от численности и имущественной состоятельности членов⁸.

В проекте устанавливались права общества как юридического лица (ст. 927). Составители особо оговаривали, что при принятом в России концессионном порядке учреждения частных обществ начальным моментом их существования как юридических лиц являлось правительственное разрешение и публикация утвержденных уставов в официальной печати (Сенатских либо Губернских ведомостях)⁹, тогда как при существовавшем в ряде европейских стран явочном или смешанном порядке общество становилось юридическим лицом со времени внесения записи о его учреждении в реестр.

⁸ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. С. 556–557.

⁹ Устав общественной организации, утвержденный министром, должен был быть опубликован в Сенатских ведомостях, а утвержденный губернатором — в Губернских ведомостях (Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. Ст. 925).

Впервые в тексте Уложения были определены основания для ликвидации обществ. Они были следующие: 1) истечение установленного срока действий, если общество создавалось на время; 2) постановление общего собрания о прекращении деятельности общества; 3) сокращение числа членов общества до двух; 4) распоряжение министра или губернатора о том, что деятельность общества «приняла опасное для государственного благоустройства или общественной нравственности направление»; 5) признание общества несостоятельным. Отдельные статьи определяли порядок ликвидации дел и имущества общественных организаций.

В опубликованной в 1903 г. второй редакции проекта Гражданского уложения были внесены коррективы в порядок учреждения обществ. Вводилась обязательная регистрация обществ и внесение записи об их учреждении (ст. 901)¹⁰. Включение в законопроект положения о регистрации общественных организаций и приобретении ими прав юридического лица с момента регистрации, а не утверждения властью и опубликования устава, означало движение корпоративного законодательства в направлении отхода от концессионного порядка.

Вместе с тем указанная поправка не может быть истолкована как реализация регистрационного принципа создания обществ, поскольку основанием для открытия общественных организаций по-прежнему оставалось правительственное разрешение. К тому же регистрация обществ трактовалась составителями Гражданского уложения в первую очередь как мера, обеспечивавшая за ними контроль администрации. Регистрация позволяла, по их словам, сосредоточить все сведения об обществе как о юридическом лице в одном месте, сделать их доступными для лиц, вступающих с ними в правовые отношения, а также четко определить начальный момент существования общества¹¹.

Гражданское уложение являлось успешной попыткой систематизации корпоративного законодательства, в частности, упорядочения гражданско-правовых норм, регулировавших данную область общественных отношений. Однако оно не было введено в действие. Гражданское уложение было крупным памятником, для завершения которого, по меткому выражению дореволюционного правоведа К.К. Арсеньева, не доставало «... политической конъюнктуры, благоприятствующей государственному творчеству» (Arsen'ev, 1914:418). Кодификация гражданского права, активно осуществлявшаяся на протяжении двух десятилетий, не была завершена. Ввиду этого в России так и не было создано кодекса, сопоставимого с французским Кодексом Наполеона 1804 г. или Германским гражданским уложением 1898 г. Эта центральная для юридической профессии XIX столетия задача не была решена (Medushevskij, 2014:20–22).

¹⁰ Гражданское уложение. Проект ... Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Вторая редакция. СПб., 1903.

¹¹ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. С. 364.

Материалы XIX главы проекта Гражданского уложения использовались в работе различных комиссий и совещаний кануна Первой русской революции, обсуждавших, в числе прочих, вопрос о совершенствовании порядка открытия общественных организаций.

С изданием в марте 1906 г. указа Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» открытие, регистрация, запрещение и прекращение действий общественных организаций были сосредоточены в ведении губернских (городских) по делам об обществах присутствий, руководимых губернаторами (градоначальниками). Это были коллегиально действующие органы смешанного состава, включавшие представителей административной и судебной властей, местного самоуправления и пр., наделенные правами административной юстиции. Начальники губерний и градоначальники получали право приостанавливать действия обществ и выступать с предложениями об их закрытии. Ответственные, инициировавшие изменения в организациях, принципах устройства общих собраний и отделений, должны были извещать о них представителей администрации¹².

Общества, имевшие отделения, а также союзы, подлежали регистрации в обязательном порядке (ст. 3). Она осуществлялась внесением организаций в специальный реестр обществ и союзов, который велся присутствием. Общество считалось легализованным с момента внесения его в реестр (ст. 23). Коллегиальный состав присутствий, а также необходимость соблюдения ими установленной законом процедуры рассмотрения уставных документов обществ и обоснования своего решения позволяет утверждать, что в 1906 г. был сделан существенный шаг в направлении от концессионного порядка создания обществ к порядку регистрационному. Согласно Временным правилам, в уставе общества требовалось указать цель, место и способы его деятельности, порядок вступления и выбытия членов, данные о правлении и учредителях, порядке ведения отчетности, размере членских взносов и порядке их уплаты и т.д. (ст. 21).

Временные правила регламентировали действия не только организаций неополитического плана (благотворительных, просветительских, научных и пр.), но и политических партий. Политические партии являлись разновидностью общественных организаций и подпадали под действие общего законодательства. Временные правила воспрещали лишь одну разновидность политических партий, а именно управляемых учреждениями или лицами, находящимися за границей. Подобный охранительный подход к политическим организациям с заграничными правлениями объяснялся сложностью контроля над ними, а зачастую и недостатком сведений о них у органов власти, утверждавших уставы обществ в Российской империи.

¹² Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 4 марта 1906 г. «О Временных правилах об обществах и союзах» // Полное собрание законов (далее — ПСЗ). Собр. 3. Т. 26. № 27479.

Регламентация внутренней жизни общественных организаций в уставах

Контакты частных обществ с государственной властью, выразившиеся в разрешении их действий, контроле отчетности и пр., фиксировались в уставах четко и недвусмысленно. Утверждавшие учредительные документы обществ чиновники обращали на это особое внимание. Между тем в вопросах так называемой внутренней жизни обществ была возможна определенная степень самостоятельности.

В официальных документах, принимаемых правительственной властью, а также в разъяснениях чиновников отмечалось, что составителям уставов следовало грамотно определить цели, которые ставили общества, избегая сочетания разнородных целей и задач, а также расширительного их толкования¹³.

Анализируя формулировки целей организаций различных групп, определенные в нормальных и примерных уставах, нельзя не отметить конструктивный их характер. Как следовало из нормального устава пожарных обществ, они занимались тушением пожаров и оказывали «всякое противодействие пожарным бедствиям» в пределах того или иного населенного пункта (села, города, уезда либо губернии). Благоую цель содействия «развитию и усовершенствованию сельского хозяйства» ставили перед собой сельскохозяйственные общества¹⁴.

Общепользная цель помощи ближнему объединяла активистов филантропических ассоциаций. Общества пособия бедным, согласно примерному уставу 10 июня 1897 г., занимались «доставлением средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных (такого-то города или такой-то местности), без различия пола, возраста, званий, состояний и вероисповеданий»¹⁵. В пореформенной России возникли и достаточно интенсивно развивались так называемые общества патроната, или покровительства лицам, освобожденным из мест заключения. Их становление было связано с происходившей во второй половине XIX — начале XX вв. гуманизацией политики наказаний, делавшей акцент на воспитании правонарушителя. Общества патроната содействовали освобожденным из мест заключения в устройстве быта и помогали их семьям.

Любовь к ближнему была одной из главных заповедей этического кодекса членов масонских лож. Согласно «Истолкованию Устава, или правил» «вольных каменщиков» им предписывалось возлюбить ближнего своего как самого себя (Smit, 2006:91).

¹³ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 4.

¹⁴ Ильинский К. Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената, с приложением нормальных и образцовых уставов и справочных сведений о собраниях, съездах, лекциях, курсах, лотереях, выставках, библиотеках и т.п. Рига: главный склад издания у А. Вальтер, Я. Рапа и Ко, 1913. С. 159–160, 458.

¹⁵ Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1. М.: Издание И.Д. Сытина. М., 1907. С. 152.

Имелась своя специфика у обществ организации досуга и спорта. Они были нацелены на определенную категорию лиц, как правило, являвшуюся их членами. Так, в утвержденном министром внутренних дел А.Е. Тимашевым в 1874 г. нормальном уставе общественных собраний говорилось, что их целью было «доставить своим членам и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». Свою задачу в ходе составления нормального устава Министерство внутренних дел видело в том, чтобы «ограничиться... такими положениями и правилами, которые могут быть применены повсеместно и которые вызываются... требованиями правительственного надзора за проявлениями общественной жизни», а также «...теми общими для всех собраний условиями, которые выработаны из долговременной практики этих ... учреждений» (Charnoluskii, 1913:302–303). Таким образом, в ходе составления типовых уставов для частных обществ предпринималась попытка соединить государственный интерес с общественными традициями.

Формулировки задач частных обществ конкретизировали их общепользные цели и характеризовали способы их достижения. К примеру, общества пособия бедным оказывали следующие виды помощи: снабжали неимущих одеждой, пищей и приютом, выдавали им денежные пособия, содействовали их трудоустройству, оказывали медицинскую помощь, определяли престарелых и немощных в богадельни, дома призрения и т.п., а малолетних — в сиротские дома, приюты, убежища¹⁶.

Опыт полезной деятельности, как в качестве клубов, где люди могли общаться и заводить дружеские связи, так и в роли институтов социального обеспечения, предоставлявших пособия по болезни, старости, а также в случае смерти и датировавших членов семей умерших членов, приобрели общества взаимопомощи. Так было в Великобритании — на исторической родине обществ взаимопомощи (Grin, 2009:202), и Российская империя реципировала эту традицию.

Таким образом, как можно судить на основании уставных документов общественных организаций дореволюционной России, мотив общественной пользы и усовершенствования той или иной области жизни присутствовал в формулировках целей, а также задач буквально всех организаций, начиная с благотворительных и заканчивая сельскохозяйственными и досуговыми.

Характер деятельности общественных организаций в значительной степени определялся их членским составом и в особенности составом учредителей и правлений. Сведения о членском составе организаций в обязательном порядке приводились в их уставах. В них указывались фамилии, звания и места жительства учредителей, категории членов, порядок их вступления и выбытия и др.

¹⁶ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 17–18.

Причем в определении категорий членов, а также их функционала общества обладали определенной самостоятельностью.

Члены общественных организаций подразделялись, как правило, на три основные категории: действительные члены, почетные члены, члены-соревнователи (или сотрудники). Действительные члены организаций — это те, кто вели в них основную работу. Они непосредственно участвовали в их деятельности («безвозмездно, своим трудом, содействовали целям общества», как гласили уставы), обладали правом голоса в заседаниях, вносили членские взносы. Общества пособия бедным, вспомоществования нуждающимся учащимся и др. четко прописывали в своих уставах, что для действительных членов членский взнос должен был достигать не менее 3 руб. в год либо 60–80 руб. одновременно¹⁷. Такой вступительный взнос был типичным для обществ дореволюционной России.

Условия вступления в эту категорию были различными. В научных обществах принималось во внимание наличие надлежащей научной квалификации и специального образования. Так, действительными членами физико-медицинских обществ могли стать только врачи, а также лица с высшим образованием, занимавшиеся естественными науками. Действительные члены педагогических организаций избирались из числа лиц, принадлежащих к педагогическому или воспитательному персоналу учебных заведений. Членами профессиональных обществ (организаций взаимной помощи врачей, приказчиков, ремесленников, служащих различных категорий и др.) становились только представители этих профессий.

В тех обществах, где профессиональных и квалификационных требований не предъявлялось, основаниями для вступления в число действительных членов являлись, во-первых, готовность содействовать целям общества личным трудом и, во-вторых, вносить членские взносы. Их размер составлял в общественных организациях в среднем 3 руб. в год, но он мог варьироваться в зависимости от материального положения членов. К примеру, в «состоятельных» некоммерческих обществах членские взносы достигали на рубеже веков нескольких десятков рублей (в обществах правильной охоты — 50 руб., в общественных собраниях — 20 руб., в обществах взаимного вспоможения приказчиков и обществах взаимопомощи служащих сельского хозяйства — 10 руб.). Попечительные общества о доме трудолюбия, находившиеся под патронажем императорских особ, обязывали своих действительных членов вносить в кассу не менее 5 рублей одновременно либо 100 рублей ежегодно¹⁸. Члены, не вносившие членских взносов в течение указанного в уставе времени (как правило,

¹⁷ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 19, 34.

¹⁸ Примерный устав попечительного общества о доме трудолюбия в г. NN // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 52.

двух лет), считались выбывшими из общества, хотя и могли, уплатив требуемую сумму, восстановиться.

Сельскохозяйственные общества оставляли вопрос о размере членских взносов открытым, как для действительных членов, так и для членов-корреспондентов и сотрудников. Они не предрешали размера взносов в нормальном уставе¹⁹, доверяя определение его самим обществам, экономическое положение которых зависело от уровня благосостояния того или иного региона.

Почетными членами частных обществ избирались лица, известные своими заслугами в сфере их деятельности. Они могли быть специалистами в данной области и заявить о себе серьезными научными трудами либо содействовать созданию обществ и их развитию. В случае благотворительных обществ под «особыми услугами» имелись в виду денежные пожертвования. В память о них почетные члены освобождались от членских взносов и наделялись правом решающего голоса на общих собраниях. В обществах профессиональной взаимопомощи в категорию почетных членов записывали также лиц, сделавших в пользу ассоциаций значительные пожертвования либо приобретших для них недвижимость (дом, усадьбу и пр.)²⁰.

Члены-сотрудники (соревнователи) вносили членские взносы или пожертвования, как правило, в объеме, меньшем, чем действительные члены организации. В эту категорию могли входить также лица, помогавшие действительным членам. Должностей в обществах члены-сотрудники не занимали, обладая лишь совещательным голосом. В благотворительных обществах им поручалось обследование положения нуждающихся и иные виды работ²¹.

Привилегированной категорией членов организаций были члены-учредители и пожизненные члены — лица, стоявшие у истоков некоммерческих организаций либо оказавшие им услуги «выдающимися пожертвованиями», внесшие крупный вступительный взнос. Сельскохозяйственные общества прямо устанавливали, что их учредителями выступали лица, подписавшие проекты уставов²².

Существовали так называемые факультативные категории членов, которые присутствовали не во всех организациях. В научных обществах имелись члены-корреспонденты. Ими являлись начинающие исследователи либо лица, адресовавшие обществам свои научные труды.

¹⁹ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 152–153.

²⁰ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 34.

²¹ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 19, 34.

²² Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 152.

В научных обществах и в близко стоявших к ним обществах сельского хозяйства члены-корреспонденты и сотрудники избирались тем же порядком, что и действительные члены. Сюда рекрутировались лица, не проживавшие в районе действий обществ, однако способные оказать им «просвещенное содействие ... по разъяснению тех или иных вопросов». В общества сельского хозяйства избирались сельские хозяева, известные своей полезной деятельностью и способные доставлять полезные сведения²³.

В городских пожарных обществах выделялась такая специфическая категория членов, как члены-охотники. Это были мужчины, участвовавшие в тушении пожаров. Члены-жертвователи пожарных обществ в тушении пожаров не участвовали, однако вносили взносы в кассу обществ. В эту категорию вступали не только мужчины, но и женщины, а также различные общества и учреждения. В музыкальных обществах выделялись члены-исполнители и члены-слушатели²⁴.

В годы Первой мировой войны в уставах общественных организаций появляется пункт об ограничении членства для подданных воюющих с Россией держав. Исключение из обществ подданных Германии и Австро-Венгрии явилось следствием кампании против «немецкого засилья». Идеолог данной кампании — государство (в лице военного командования и министров) осуществило серию притеснительных мер по отношению к подданным враждебных России стран; члены добровольных обществ активно в ней участвовали. Так, в октябре 1914 г. по инициативе общественников австро-германские подданные были исключены из Московского литературно-художественного кружка — крупнейшего объединения столичной творческой интеллигенции (Tumanova, 2014:33–35).

Особо следует остановиться на процедуре вступления в действительные члены общественной организации. В частных обществах XIX столетия она была более формализованной, чем у организаций, создававшихся в начале XX в. Для вступления в них требовалось наличие у кандидата положительной рекомендации от одного или нескольких старых членов. Она предоставлялась правлению организации и свидетельствовала о его нравственном облике, благонадежности, наличии у него требуемого уставом имущественного ценза. Вопрос о принятии нового члена рассматривался правлением и общим собранием организации, он решался открытым или закрытым голосованием.

В уставах общественных организаций, открытых во второй половине XIX в., говорилось о выборе членов закрытой баллотировкой. Такое положение присутствовало в уставах обществ, занимавшихся организацией народных чте-

²³ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 153.

²⁴ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 94–95, 150–151.

ний и культурных развлечений. Так, в нормальном уставе общественных собраний, утвержденном в 1874 г., процедура баллотирования была описана подробно. Вот как происходило баллотирование в члены организации. Желающие вступить в члены собрания вносились в особую книгу, где указывались имя, отчество, фамилия, чин и звание (профессия) каждого кандидата. Список предложенных кандидатов выставлялся для всеобщего ознакомления за неделю до выборов. Баллотирование производилось в заранее определенные день и час²⁵.

В помещении общественной организации выставлялись ящики по числу кандидатов. На каждом из них приводились сведения о кандидате, а также имена и фамилии членов организации, предлагающих его избрать. Все ящики осматривались и запирались ключом. Каждый член, принимавший участие в процедуре выборов, записывался в особую книгу, получал по одному шару для каждого ящика и опускал их в ящик в присутствии члена правления. Правая сторона ящика с надписью «Да» считалась избирательной, левая — с надписью «Нет» — соответственно неизбирательной. Когда баллотировка прекращалась, ящики вскрывались, проверялись (главным образом учитывалось, чтобы в них не оказалось шаров больше числа членов, участвовавших в баллотировке, или менее числа, нужного для баллотирования кандидата, тогда баллотировка этого кандидата откладывалась до другого дня). Чтобы быть принятым в члены общественной организации, кандидат должен был иметь на правой стороне ящика не менее определенного числа шаров, находящихся в правой и левой стороне вместе взятых. У различных обществ подобный кворум мог различаться. Для ряда ассоциаций баллотировавшийся член должен был получить не менее 2/3 всего числа шаров. Согласно нормальному уставу общественных собраний для избрания в них требовалось получить простое большинство избирательных шаров от числа голосовавших.

Положение о закрытой баллотировке существовало также в уставах сельскохозяйственных обществ. Однако в нормальном уставе, утвержденном в 1898 г. министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым, она не получила такой детализации, как в уставных документах российских клубов более раннего периода. Указывалось лишь, что для вступления в члены местных сельскохозяйственных обществ следовало пройти закрытую баллотировку; она осуществлялась простым большинством голосов, по предложению совета общества²⁶.

К началу XX в. процедура выборов заметно упростилась, и положение о закрытой баллотировке заменялось открытыми выборами большинством голосов членов, либо даже простым письменным заявлением в правление органи-

²⁵ Нормальный устав общественных собраний // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 136–137.

²⁶ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 152.

зации (хотя почетные члены могли по-прежнему избираться общим собранием закрытой баллотировкой).

Между тем выборы закрытой баллотировкой или записками сохранялись для членов ряда общественных организаций и на рубеже веков. Так, в обществах велосипедистов действовала процедура баллотирования кандидатов опусканием шаров в специально для этого предназначенные ящики с указанием фамилий избираемых. Причем кандидаты в день их баллотирования входа в помещение в качестве гостей не получали, чтобы обеспечить прозрачность выборов. Лица, которые не получили необходимого числа голосов, могли вновь предлагаться к избранию, однако происходило это в сроки, установленные общим собранием²⁷.

Во внутренней жизни отдельных организаций действовал своего рода «нравственный кодекс члена». Так, член общества, не исполнивший взятых на себя обязанностей или ронявший своим поведением присвоенное ему звание члена общества, мог быть исключен из него по постановлению общего собрания²⁸. Такое положение дел существовало в пожарных обществах, досуговых организациях и др.

Правление (совет) общественной организации — это «лицо» общества, которое дает представление о критериях отбора в него и характере его деятельности. Правление состояло из председателя (президента), товарища (или заместителя) председателя, секретаря, казначея, делопроизводителя и других должностных лиц. В спортивных обществах в правления входили также врачи. В пожарных обществах членами правлений выступали начальники местных пожарных команд. Правление избиралось из числа действительных членов организаций сроком на 1–3 года.

Как позволяют судить примерные уставы добровольных обществ, в благотворительных обществах (пособия бедным, попечительствах о домах трудолюбия и др.) правление насчитывало от шести до двенадцати членов²⁹. Многие общества самостоятельно определяли число членов правлений. В уставных документах ассоциаций указывалось, что члены правлений служат общему делу на общественных началах, т.е. безвозмездно. В клубах и во многих досуговых обществах вместо правлений функционировал совет старшин, имевший сходные функции. Для правомочности заседания правления требовалось присутствие в нем не менее $\frac{1}{2}$ его членов, не считая председательствующего³⁰.

²⁷ Примерный устав общества велосипедистов // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 247.

²⁸ Нормальный устав городских пожарных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 96.

²⁹ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 22, 54.

³⁰ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 23, 38, 101.

В добровольных обществах дореволюционной России царил дух демократии и самостоятельности. Уставы многих обществ постулировали, что их членами могли быть лица обоего пола без различий сословий и вероисповеданий. Председатели правлений обществ не были их начальниками, они являлись, что называется, «первыми среди равных». Так, рядовые члены обществ были правомочны в устной или письменной форме инициировать улучшения или полезные нововведения в организациях. В случае, если правление отклоняло поступившее предложение такого рода, то заявившему его члену предоставлялось право требовать внесения его в ближайшее общее собрание. Требование это следовало заявить не позднее месяца после объявления об отклонении предложения. Подобного рода положение дел существовало в обществах вспомоществования нуждающимся учащимся³¹ и в иных организациях. Сельскохозяйственные общества позволяли почетным и действительным членам присутствовать в заседаниях советов без права голоса³².

Чтобы исключить одновременное выбытие членов правления, из состава правлений частных обществ ежегодно выходила третья часть членов. Принцип выбытия членов был различным в различных ассоциациях. В обществах пособия бедным, к примеру, первые два года члены выбывали, как правило, по жребию, а затем уже по старшинству избрания.

Ограниченный объем статьи не позволил охарактеризовать все многообразные корпоративные нормы. В частности, не были проанализированы источники формирования денежных средств, а также порядок реорганизации и ликвидации обществ. Между тем важнейшие из них, такие как права и обязанности членов организаций, порядок и условия приобретения и утраты членства в них, компетенция и порядок формирования руководящих органов организаций, получили рассмотрение.

Заключение

Анализируя правовые документы, определявшие принципы функционирования общественных организаций дореволюционной России, нами было установлено, что впервые жизненный цикл обществ и механизмы управления ими были обобщены и определены государством в главе XIX проекта Гражданского уложения — «Ученые, благотворительные и иные общепользные общества», составленном в конце XIX столетия. Были установлены формуляр устава общества, полномочия различных категорий членов и правления (совета), права

³¹ Нормальный устав обществ вспомоществования нуждающимся учащимся // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 40.

³² Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 156.

общества, являвшегося юридическим лицом, основания ликвидации обществ и назначения его имущества. Гражданское уложение, как известно, действующим правовым актом не стало, однако осуществленные в нем наработки вошли в текст Временных правил об обществах и союзах 1906 г. До рубежа XIX–XX столетий — времени подготовки Уложения и Временных правил, правительство проводило патерналистскую политику по отношению к частным обществам и было озабочено преимущественно механизмами контроля над ними.

В результате обобщения уставных документов различных групп и категорий организаций в 1890-х гг. были составлены нормальные и типовые их уставы. В них были определены цели и задачи обществ различных групп, способы ротации членов, установлены требования к членскому составу и к руководящему составу, к формированию капиталов.

Уставы обеспечивали значительную самостоятельность в устройстве ассоциациями своих внутренних дел и предоставляли им существенно меньшую свободу в вопросах, касавшихся деятельности внешней, определявшей принципы отношений обществ с государством. Между тем сфера внутренней автономии, определенная уставами обществ, была существенной. Она была одной из немногих возможностей для общественных деятелей артикулировать собственную «повестку дня» в условиях авторитарного строя.

Осуществленный сравнительный анализ комплекса нормальных и примерных уставов добровольных обществ дореволюционной России рубежа XIX–XX вв., а именно формулировок в них целей ассоциаций и способов их достижения, показал, что общества позиционировали себя как объединения, преследовавшие исключительно конструктивные задачи в своих областях, защищавшие интересы как определенных групп населения, так и местного общества в целом.

Руководствуясь изучением формальных требований, предъявляемых к лицам, занимающим должности действительных и почетных членов организаций, членов-сотрудников и др., целесообразно говорить о существовавших в них многообразных подходах к членству, отражавших специфику их целей и задач, особенности работы. В этом аспекте функционирования общественных организаций также проявлялась их самостоятельность. Сделан вывод об упрощении процедуры вступления в добровольные ассоциации на рубеже XIX–XX вв., вытеснении закрытой баллотировки открытыми выборами. Все это свидетельствует о демократизации публичной сферы дореволюционной России, вытеснении цензов высокого социального статуса и принадлежности к элитарному обществу профессионализмом кандидатов. О неформальных и небюрократических процедурах организации внутренней жизни и управления обществами говорит также то обстоятельство, что члены правлений работали в них на общественных началах.

Таким образом, учредительные документы добровольных обществ конца XIX — начала XX вв. предоставляли их членам возможности для самоуправления и самодеятельности. Они способствовали выработке членами ассоциаций

практик демократического принятия решений по вопросам, связанным с различными сторонами жизненного цикла организаций.

Модернизовавшиеся на рубеже веков уставы добровольных обществ способствовали формированию феномена добровольной ассоциации в значении, описанном немецким обществоведом Юргеном Хабермасом, как «центра кристаллизации автономной публичности», дающей гражданам возможность управлять самостоятельно и формировать общественное мнение, в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале (Habermas, 2016:41–42). Уставные документы добровольных обществ и выработывавшиеся на их основании практики функционирования позволяли общественникам приобретать навыки непосредственной демократии в значении, отмеченном американским политологом Марком М. Ховардом (Novard, 2009:61). В конечном итоге уставы добровольных организаций задавали институциональные условия для модернизации российского общества из сословного в гражданское.

Библиографический список / References

- Arsen'ev, K. (1914) Proekt Grazhdanskogo ulozheniya [Civil Code Project]. *Herald of Europe*, (6), 416–418. (in Russian).
Арсеньев К. Проект Гражданского уложения // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 416–418.
- Arhipov, S.I. (1987) Ponyatie i yuridicheskaya priroda lokal'nyh norm [The concept and legal nature of local norms]. *University news: Jurisprudence*, (1), 27–39. (in Russian).
Архипов С.И. Понятие и юридическая природа локальных норм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1987. № 1. С. 37–39.
- Bradley, J. (2009) *Voluntary Associations in Tsarist Russia. Science, Patriotism and Civil Society*. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Grin, D. (2009) *Vozvrashchenie v grazhdanskoe obshchestvo. Social'noe obespechenie bez uchastiya gosudarstva* [Reinventing Civil Society. The Rediscovery of Welfare Without Politics]. Translated by Korobochkin M. Moscow: New literary review Publ. (in Russian).
Грин Д. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 217 с.
- Elina, O.Yu. (2011) Sel'skohozyajstvennyye obshchestva Rossii. 1765–1920-e gody: vklad v razvitiye agronomii [Agricultural Societies in Russia. 1765–1920: contribution to the development of agronomy]. *Russian History*. (2), 27–45. (in Russian)
Елина О.Ю. Сельскохозяйственные общества России. 1765–1920-е годы: вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 2. С. 27–45.
- Jacob, M.C. (1994) The Mental Landscape of the Public Sphere: A European Perspective. *Eighteenth century Studies*, 28 (1), 95–113.
- Pl'inskij, K. (1913) *Chastnye obshchestva. Sbornik zakonov, rasporyazhenij pravitel'stva i reshenij Pravitel'stvyushchego Senata, s prilozheniem normal'nyh i obrazcovykh ustavov i spravochnyh svedenij o sobraniyah, s"ezdah, lekciyah, kursah, lotereyah, vystavkah, bibliotekah i t.p.* [Private societies. Collection of laws, orders of the government and decisions of the Governing Senate, with the application of normal and exemplary charters and background information on meetings, congresses, lectures, courses, lotteries, exhibitions, libraries, etc.]. Riga: the main warehouse of the publication is A. Walter, J. Rap and Co. Publ. (in Russian).

- Ильинский, К.* Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената, с приложением нормальных и образцовых уставов и справочных сведений о собраниях, съездах, лекциях, курсах, лотереях, выставках, библиотеках и т.п. Рига: главный склад издания у А. Вальтер, Я. Рапа и Ко, 1913. 652 с.
- Kashanina, T.V. (2012) *Struktura prava [Law structure]*. Moscow: Prospekt Publ. (in Russian).
Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2012. 580 с.
- Medushevskij, A.N. (2014) *Rossijskaya pravovaya tradiciya — opora ili pregrada? [Is Russian legal tradition a pillar or an obstacle?]*. Report and discussion. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian).
Медушевский А.Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М.: Изд. дом НИУ-ВШЭ, 2014. 134 с.
- Charnoluskii, V.I. (ed.) (1913) *Nastol'naya kniga po vneshkol'nomu obrazovaniju [Handbook for non-formal education]*. Saint Petersburg: Partnership Edition «Znanie» Publ. (in Russian).
Настольная книга по внешкольному образованию. СПб.: Издание Товарищества «Знание» / под ред. В.И. Чарнолуцкого, 1913. 501 с.
- Nemytina, M.V. (2011) *Novoe v ob'yasnenii pravovyh processov i yavlenij [New in explaining legal processes and phenomena]*. Grafskij, V.G. (ed.). *Standarty nauchnosti i homo juridicus v svete filosofii prava: materialy pyatyh i shestyh filosofsko-pravovyh chtenij pamyati akad. V.S. Nersesyantsa [Standards of science and homo juridicus in the light of the philosophy of law: materials of the fifth and sixth philosophical legal readings in memory of acad. V.S. Nersesyants]*. Moscow: Norma Publ. 120–126. (in Russian).
Немытина М.В. Новое в объяснении правовых процессов и явлений // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2011. С. 120–126.
- Raab, N. (2007) *Formirovanie grazhdanskoj identichnosti v obshchestvennyh organizacijah Rossii (na primere Vol'no-pozharnyh obshchestv). 1880–1905 gg. [Formation of civic identity in voluntary associations of Russia (on the example of free fire societies)]. 1880–1905 gg.* *Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoj deyatel'nosti v Rossijskoj imperii. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka [Civic identity and the scope of civic activities in the Russian Empire. The second half of XIX — early XX century]*. Pietrov-Ennker B., Ul'yanova G.N. (eds.). Moscow: ROSSPEN Publ. 263–295. (in Russian).
Рааб Н. Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880–1905 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 263–295.
- Smit, D. (2006) *Rabota nad dikim kamnem: Maponskij orden i russkoe obshchestvo v XVIII veke [Working the rough stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia]*. Moscow: New literary review Publ. (in Russian).
Смит Д. Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 222 с.
- Stepanskij, A.D. (1979) *Istoriya obshchestvennyh organizacij dorevolucionnoj Rossii [The history of voluntary associations of pre-revolutionary Russia]*. Tutorial. Moscow: MGIAI Publ. (in Russian).
Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1979. 80 с.

- Tumanova, A.S. (2004) *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti obshchestvennykh organizacij Rossii v nachale XX veka: Istoriko-yuridicheskoe issledovanie [State and legal regulation of public organizations in Russia at the beginning of the XX-th century: historical and legal research]. Dis. ... dokt. jurid. nauk [Dis. ... doctor. legal of sciences]*. Moscow. (in Russian).
Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: Историко-юридическое исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 400 с.
- Tumanova, A.S. (2014) *Obshchestvennyye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 — fevral' 1917 g.) [Voluntary associations in Russia during the First World War (1914 — February 1917)]*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russian).
Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.
- Habermas, Yu. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva [Structural Change in the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society]*. Moscow: Ves' mir Publ. (in Russian).
Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
- Novard, M.M. (2009) *Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope [The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe]*. Translated by Kokarev I.V. Moscow: Aspekt Press Publ. (in Russian).
Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. 189 с.

Об авторах:

Туманова Анастасия Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор, Департамент общих и межотраслевых юридических дисциплин, академический руководитель образовательной программы «История, теория и философия права», факультет права, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID ID: 0000-0003-3469-7144

e-mail: anastasiya13@mail.ru

Сафонов Александр Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор, Департамент общих и межотраслевых юридических дисциплин, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID ID: 0000-0003-3577-5490

e-mail: asafon1970@mail.ru

Для цитирования:

Туманова А.С., Сафонов А.А. Устав общественной организации в дореволюционной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 113–136. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-113-136.

Дата поступления в редакцию: 04 апреля 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

CHARTERS OF VOLUNTARY ASSOCIATIONS IN PREREVOLUTIONARY RUSSIA

Anastasiya S. Tumanova, Alexander A. Safonov

National Research University «Higher School of Economics»
452, 3 B. Tryokhsvyatitsky Pereulok, 109028, Moscow, Russia

The article deals with the history of doctrinal formation of the content of the charter of voluntary association of Late Imperial Russia, as well as the role of the charter in regulating the phenomenon of social self-organization. This problem is practically don't studied in the scientific literature. It is based on the involvement of a broad corpus of published sources (constituent documents of public organizations, materials of clerical work of public institutions, etc.) and archives (documents of the RGIA). The legal policy of the Russian government aimed at establishing uniformity in the content of constituent documents of voluntary societies and the principles of their relationship with the state according to the creation, re-registration, termination of societies is analyzed. This national framework is assessed from the standpoint of the content of corporate regulation in Late Imperial Russia, the degree of intervention of the state in this process.

Russian and European sources for the formation of corporate legislation on voluntary associations are considered. The analysis of constituent documents of various groups of organizations in pre-revolutionary Russia takes a significant place. They are studied according to the content, structure, general and special features, field of activity. The authors investigate how independent creativity of the founders was expressed when drawing up the charters of organizations that do not fully comply with typical constituent documents, find out its meaning and boundaries.

The authors come to the conclusion that the charters gave Russian associations substantial autonomy in the inner life (defining goals and objectives, methods of capital formation, requirements for categories of members, etc.), but rather strictly prescribed the “external” context of their functioning, coupled with the interaction with state authorities.

Key words: history of Russian law, voluntary association, charter, corporate norms, corporate legislation of the Russian Empire

Funding information: This article was prepared with the support of the Fundamental Research Fund of the National Research University Higher School of Economics within the framework of the Fundamental Research Program, the project “Transformation of the third sector into the digital age” in 2020.

About authors:

Anastasiya S. Tumanova — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor, Department of General and Intersectoral Legal Disciplines, Academic Director of the Educational Program «History, Theory and Philosophy of Law», Faculty of Law, Center for Studies of Civil Society and Non-Profit Sector, Leading Researcher, National Research University «Higher School of Economics»

ORCID ID: 0000-0003-3469-7144

e-mail: anastasiya13@mail.ru

Alexander A. Safonov — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor, Department of General and Intersectoral Legal Disciplines, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics»

ORCID ID: 0000-0003-3577-5490

e-mail: asafon1970@mail.ru

For citation:

Tumanova, A.S., Safonov, A.A. (2020) Charters of voluntary associations in prerevolutionary Russia. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 113–136. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-113-136.

Article received April 04, 2019

Article accepted December 25, 2019

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-137-157

Научная статья

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЗАКУПОК КАК БУДУЩЕЕ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

Д.А. Казанцев, Н.А. Михалёва

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, Москва, Россия, Покровский бульвар, д. 11

Электронные торговые площадки в эпоху цифровизации общественных отношений стали неотъемлемым атрибутом проведения закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. На сегодняшний день прослеживается тенденция по переводу подавляющей части публичных закупок в электронную форму посредством использования функциональности электронных торговых площадок. Такое стремление законодателя обусловлено рядом преимуществ электронной формы проведения закупочных процедур, которые позволяют повысить их прозрачность и доступность для широкого круга поставщиков.

Однако роль электронных торговых площадок не должна сводиться исключительно к роли электронной платформы, позволяющей лишь перевести привычную закупочную процедуру в иную форму. Напротив, потенциал электронных торговых площадок может позволить существенно упростить и автоматизировать деятельность заказчиков, а также повысить эффективность закупок не только за счет расширения конкуренции, но и за счет уменьшения организационной нагрузки на субъектов закупочного процесса, как на стороне заказчика, так и на стороне поставщика.

Цель статьи — сформулировать ключевые способы усовершенствования работы электронных торговых площадок для автоматизации закупочного процесса при проведении конкурентных закупок для государственных и муниципальных нужд. При проведении данного исследования были использованы формально-юридический метод, методы моделирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

© Казанцев Д.А., Михалёва Н.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Авторы попытались раскрыть в статье подходы к оптимизации работы электронных торговых площадок при осуществлении конкурентных процедур посредством привлечения программно-аппаратных средств на каждом этапе закупочной деятельности. Описаны способы автоматизации закупочного процесса, в том числе посредством интеграции функциональности электронных торговых площадок с официальными реестрами в целях минимизации риска возможного отклонения заявки участника закупки при рассмотрении вторых частей заявок. Также предложены иные инновационные сервисы функциональности электронных торговых площадок (автозаполнение форм, наследование данных, автоматизированный сбор предложений), реализация которых позволит упростить и автоматизировать процесс осуществления конкурентных процедур, снизить административную нагрузку и при этом обеспечить прозрачность и конкуренцию при проведении торгов.

Ключевые слова: закупочная методология, закупки, тендерный механизм конкурентных закупок, инновации, электронные закупки, электронные торговые площадки, инфраструктура тендерного механизма закупок, контрактная система, прозрачность и эффективность закупок

Введение

Цифровые платформы, существенным образом реорганизовавшие экономику, проникли и в сферу осуществления государственных закупок. В экономической и юридической науке широко обсуждается роль электронных платформ (к которым следует также отнести электронные торговые площадки) в контексте глобализации и информатизации экономики, а также возникновение на этой основе т.н. «киберправа» (Kenney, Zysman, 2016; Escande-Varniol, 2018; Ноекман, 2018).

Электронные торговые площадки (электронные платформы) в самом простом виде определяются как совокупность онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности (Kenney, Zysman, 2016).

Контрактная система в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд представляет собой сложную и специфическую систему, однако и она в целом следует в общем векторе развития закупочной методологии. Едва ли не ключевой тенденцией развития закупок в XXI веке стало использование при их проведении электронных технологий.

Такой переход в том числе связан с реализацией Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее — Стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203, в которой подчеркивается зависимость эффективности цифровой экономики от внедрения технологий обработки данных. В Стратегии отмечено, что конкурентным преимуществом на мировом рынке обладают государства, отрасли экономики которых основываются на технологиях анализа больших объемов данных¹.

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017. № 20. ст. 2901.

В связи с этим реализация Стратегии предопределила масштабные действия регулятора и законодателя по совершенствованию контрактной системы в сфере закупок, с помощью которой обеспечиваются публичные интересы государства в товарах, работах, услугах. В конце 2017 года были приняты объемные изменения в Закон «О контрактной системе», давшие старт последовательному переводу всего спектра конкурентных закупок товаров, работ, услуг в электронную форму (Anisina, Badmaev, Bit-Shabo, 2019).

Как отмечают Лунева Е.В. и Сафин З.Ф., по итогам этой реформы в российском законодательстве была закреплена развитая система правовых средств, направленных на обеспечение должного функционирования электронных торгов (Luneva, Safin, 2017:5).

Минэкономразвития России в своих письмах также подчеркивает значимость проведения именно электронных процедур определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). По мнению регулятора, электронная форма позволяет повысить анонимность подачи заявок участниками закупок и рассмотрения таких заявок заказчиками, что в свою очередь обеспечивает добросовестную конкуренцию, а также способствует снижению коррупционных рисков, рисков сговора между участниками закупок, увеличению экономии бюджетных средств².

Аналогичные положения устанавливаются и на наднациональном уровне. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе «государства-члены обеспечивают проведение конкурса и аукциона только в электронном формате и стремятся к переходу на электронный формат при осуществлении других способов закупок»³. О положительных последствиях применения электронных закупок в государственном секторе упоминается и в зарубежной научной литературе⁴. Там отмечено, что принятие электронных закупок в государственном секторе — это гораздо больше, чем просто технологическая задача, — она воплощает в себе масштабное управление изменениями по созданию более эффективной культуры закупок.

Схожие воззрения характерны и для российской научной среды. Например, Е.В. Корнильченко пишет: «Использование электронных торговых площадок дает возможность существенно упростить и автоматизировать деятельность заказчиков продукции и услуг для удовлетворения государственных и муниципальных нужд, способствует свободной конкуренции в производстве и реализации товаров. Торги, проводимые в электронном виде, также позволяют предот-

² См.: письмо Минэкономразвития России от 03.08.2016 № ОГ-Д28-9279 «О мерах, направленных на повышение гласности, прозрачности, эффективности закупок, снижение коррупционных рисков и других злоупотреблений в сфере закупок». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) available at: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed 8 August 2019).

⁴ См.: ABERDEEN GROUP (2005), «Best Practices in E-Procurement: Reducing Costs and Increasing Value through Online Buying», Aberdeen Group, pp. 6–7.

вратить экономические правонарушения и злоупотребления в области контрактных отношений, делают ее более прозрачной и открытой» (Kornilchenko, 2018:93).

При этом, однако, стоит признать и то, что потенциал электронной формы закупок подчас переоценивают, и, конечно же новые технологии не всегда становятся эффективным решением старых проблем. Электронная форма в этом смысле — лишь один из инструментов, и как каждый инструмент она имеет очевидные пределы своего эффективного применения. Однако при этом потенциал электронных закупок не стоит и недооценивать, считая его лишь прихотью законодателя и данью моде. Даже при том, что электронные закупки не являются универсальным инструментом, и при том, что они сами по себе не способны предотвратить все существующие и будущие варианты злоупотреблений, именно этот инструмент при грамотном использовании способен качественно повысить эффективность закупки, как за счет расширения конкуренции, так и за счет уменьшения организационной нагрузки на конкретных исполнителей, как на стороне заказчика, так и на стороне поставщика.

При использовании электронных инструментов чрезвычайно важно не смешивать цели и средства по их достижению. Ни анонимность участников закупки, ни поиск самой низкой цены, ни соблюдение сроков отдельных действий при проведении закупки сами по себе не являются целями и даже не решают задач, стоящих при проведении закупки. Задачи эти решаются лишь за счет комплекса взаимосвязанных мер, издержки от реализации которых очевидным образом меньше потенциального эффекта их применения. Целями же внедрения в комплекс этих мер электронных инструментов можно в самом общем виде назвать именно те две, что были упомянуты выше — расширение конкуренции и снижение организационной нагрузки. Прозрачность закупки является сопутствующим эффектом грамотного внедрения информационных технологий, однако достижение прозрачности закупок к этим технологиям не сводится.

Про расширение конкуренции за счет внедрения электронных технологий было написано очень много. Возможность достижения такой цели была неоднократно доказана практикой самых разных заказчиков. Однако сама по себе электронная форма не способна привлечь в закупку больше участников без грамотного оформления документации, без прозрачных правил выбора победителя, а также без приемлемого уровня финансовой и организационной нагрузки на поставщика в связи с участием в закупке. И если уровень финансовой нагрузки определяется такими факторами, как размер обеспечения заявки, размер обеспечения контракта и срок оплаты, то организационная нагрузка во многом определяется сложностью оформления заявки. И как раз с оформлением заявки электронная форма очень даже может помочь. А точнее, не столько электронная форма сама по себе, сколько такой ее аспект, как автоматизация закупочной деятельности.

Электронная форма закупки сама по себе не означает ее автоматизации. Если предусмотренный законодательством порядок проведения закупок преду-

сматривает лишь загрузку документов на электронную площадку и подписание их электронной подписью, то можно говорить про электронную форму закупки, поскольку именно с помощью электронной площадки реализуется совокупность юридически значимого электронного документооборота и полного комплекса взаимодействия организатора и участников закупки, в т.ч. и в режиме реального времени, которая и составляет сущность электронной закупки. Но про автоматизацию закупки можно говорить лишь в случае, если часть работы человека выполняется программно-аппаратным комплексом.

Современный уровень развития информационных технологий позволяет автоматизировать большинство элементов закупочной работы. По-настоящему автоматизация невозможна лишь там, где для принятия решения необходима экспертиза конкретного специалиста — например, при оценке надежности предложенного технического решения, эстетического уровня архитектурного проекта и т.п.

В качестве основных методов автоматизации можно указать интеграцию с официальными реестрами, автозаполнение форм документов, наследование данных, автоматизированный сбор предложений и автоматизированное сопоставление предложений.

Интеграция с официальными реестрами

Автоматизированный обмен данными с официальными реестрами — в том числе с ЕГРЮЛ, ЕГРИП, Реестром субъектов малого и среднего предпринимательства, Реестром недобросовестных поставщиков, Единым реестром членов СРО — является не самым простым с точки зрения исполнения, но стартовым с точки зрения методологии шагом в деле автоматизации закупочной работы. Основная цель такой интеграции — автоматизировать формирование и проверку сведений вторых частей заявок. Отлаженная интеграция хороша тем, что сокращает объем работы как заказчика, так и поставщика: ведь буквально одним кликом поставщика происходит формирование едва ли не половины объема второй части заявки, после чего одним кликом заказчика происходит ее рассмотрение.

Отсутствие функциональной интеграции публичных реестров с единой информационной системой закупки, а равно и с электронными торговыми площадками как препятствие развитию закупочной системы неоднократно обсуждалось в научной среде⁵⁶ (Anisina, Vadmaev, Bit-Shabo, 2019).

Так, К.Т. Анисин и Б.Г. Бадмаев также затрагивали рассматриваемую проблему, указывая, что «отсутствие грамотных решений о коммуникации еди-

⁵ Карпов В.А. Анализ опыта создания автоматизированных систем контроля договорных обязательств, available at: http://www.nostroy.ru/news_files/2017/09/26-1/9.%20Карпов.pptx (Accessed 7th August 2019).

⁶ Субботин М. Система контроля договорных обязательств, available at: http://www.nostroy.ru/news_files/2017/09/26-1/10.Субботин.pptx (Accessed 7th August 2019).

ной информационной системы закупок с иными государственными информационными системами (ФНС России, ФМС России, иными органами и организациями, ведущими реестры, значимые для заказчика по предметам закупки), привело к тому, что контрактная система в сфере закупок стала перегружена обязанностью заказчика проводить множество расчетов, подготавливать десятки документов и неоправданно размещать значительный массив информации в сети Интернет». При этом качество приобретаемых для обеспечения публичных интересов товаров, работ, услуг, как отмечают упомянутые авторы, не только не повысилось, но и не осталось на прежнем уровне — качество результата закупок в отдельных случаях ухудшилось (Anisina, Badmaev, Vit-Shabo, 2019:72).

В свою очередь, отсутствие интеграции электронных торговых площадок с официальными публичными реестрами провоцирует возможность отклонения заявок участников закупки по причине их несоответствия требованиям закупочной документации, что подтверждается многочисленной правоприменительной и судебной практикой.

В подтверждение реальности обозначенной проблемы обратимся к судебной практике. При рассмотрении дела № А40-249677/2017 Верховный Суд Российской Федерации, анализируя судебные решения нижестоящих инстанций, в определении № 305-КГ18-20106 от 21.11.2018 согласился с выводами о необоснованности отклонения заявки участника закупки по причине предоставления в составе заявки выписки из ЕГРЮЛ, сформированной с использованием интернет-сервиса уполномоченного государственного органа, которая, по мнению заказчика, не является тождественной оригиналу. При этом суды указали на непредставление заказчиком доказательств нелегитимности представленной участником закупки выписки и содержания в ней недостоверных сведений⁷.

В то же время Арбитражным судом г. Москвы по делу № А40-19170/18 по аналогичным фактическим обстоятельствам принято противоположное решение от 19.04.2018. В указанном деле участником закупки также в составе заявки представлена выписка, сформированная посредством специального сервиса ФНС России, однако заказчиком заявка участника была отклонена. Суд, соглашаясь с правомерностью действий заказчика по отклонению заявки участника закупки, сослался на то, что выписка из ЕГРЮЛ после распечатывания на бумажном носителе утрачивает силу оригинала, которую можно сохранить лишь в случае нотариального удостоверения тождественности. Как указано в решении, самостоятельно распечатанная участником закупки копия выписки из ЕГРЮЛ в электронной форме не позволяет однозначно определить лицо, подписавшее электронный документ, равно как и сам факт его подписания (как указал суд, заказчик лишен возможности убедиться в том, что такой документ

⁷ Верховный Суд Российской Федерации. Определение № 305-КГ18-20106 от 21.11.2018 по делу № А40-249677/2017, available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/38aad7c3-d1c9-40a9-a292-48c95cdf6d42> (Accessed 06 August 2019).

реально существует, а не изготовлен участником закупки самостоятельно с использованием компьютерных программ)⁸.

Таким образом, легитимность документов, представленных участниками закупки в виде выписок из публичных реестров, оценена судебными органами противоположным образом в зависимости от формы предоставления соответствующих сведений в составе заявки. Представляется, что противоположность подходов к оценке документов, полученных участниками закупки из публичных реестров, ставит участников закупки в заведомо неопределенное положение, поскольку самостоятельное представление выписки из реестра в составе заявки не предопределяет допуск к участию в торгах. В свою очередь, официальная интеграция электронных торговых площадок с публичными реестрами способствовала бы стабильности закупочного процесса, а сведения, полученные из публичных реестров в составе заявок, не могли бы быть опорочены и подвергнуты сомнению заказчиком на этапе рассмотрения вторых частей заявок.

В настоящее время заметна тенденция к автоматизации формирования сведений, представляемых в составе заявки посредством заполнения соответствующих форм посредством функциональности электронной торговой площадки, что уже признается правоприменительной и судебной практикой надлежащей формой предоставления сведений в составе заявки.

Так, в решении от 20.08.2018 по делу № А40-126646/2018 суд согласился с выводами Московского УФАС России о неправомерности действий заказчика по отклонению заявки участника закупки по причине непредоставления декларации о принадлежности к субъектам малого и среднего предпринимательства. При этом заказчик посчитал необоснованными действия участника закупки по декларированию своей принадлежности к субъектам малого и среднего предпринимательства путем проставления соответствующей отметки в интерфейсе оператора электронной площадки ввиду отсутствия в аукционной документации иных требований к порядку такого декларирования⁹.

Суд, отказывая заказчику в удовлетворении требований, отметил, что проставление отметки о соответствии участника предъявляемым законом требованиям непосредственно при формировании заявки на сайте электронной площадки является допустимым и достаточным в случае предоставления оператором такой возможности.

В решении суд отметил и то, что представление декларации о принадлежности участника закупки к субъектам малого и среднего предпринимательства в форме отдельного документа является бесполезным дублированием соответствующих сведений, и без того наличествующих в заявке участника — что,

⁸ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-19170/18 от 19.04.2018, available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/7d06a478-be27-446e-980d-276f92ea400c> (Accessed 06 August 2019).

⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-126646/2018 от 20.08.2018, available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/875d2026-fbb2-4a32-9987-0b907d1d8102> (Accessed 05 August 2019).

в свою очередь, способно привести к созданию препятствий потенциальным участникам торгов при подаче ими заявок.

Потребность в упрощении порядка подачи заявок широко обсуждается со стороны участников торгов. Ф.А. Тасалов также отмечает: «Очевидно, что для предпринимателей, информация о которых включена налоговым органом в реестр, даже подписание шаблона декларации, предусмотренного функционалом закрытой части электронной площадки, является избыточным. Такому предпринимателю должно быть достаточно оставить отметку о наличии в реестре без необходимости подписания шаблона декларации (остальное должна выполнить электронная площадка за счет интеграции с реестром субъектов малого и среднего предпринимательства) (Tasalov, 2018:3).

Таким образом, уже сегодня усматривается тенденция к упрощению процесса подачи вторых частей заявок на участие в закупке, а также их рассмотрения заказчиком в целях обеспечения конкуренции на торгах.

Уже сегодня интеграция с официальными реестрами может обеспечить проверку соответствия участника закупки требованиям пунктов 1–8 ч. 1 ст. 31 Закона «О контрактной системе». В перспективе интеграция электронной торговой площадки с широким кругом источников официальной информации о компании позволит мгновенно предоставлять заказчику информацию для оценки надежности и деловой репутации потенциального контрагента. Если эти факторы станут важны для выполнения государственных и муниципальных заказов, такая расширенная интеграция будет востребована и контрактной системой.

При этом для корректной работы системы интеграции и соблюдения требований законодательства и запретов на необоснованное ограничение конкуренции важно разделять сведения, влияющие на доступ поставщика к участию в закупке, и сведения, определяющие шансы поставщика на победу. Автоматизированное отклонение заявки программно-аппаратным комплексом возможно лишь в случае, если из официальных источников были получены сведения о том, что участник закупки не соответствует требованиям закупочной документации. Как частный случай этой ситуации можно рассматривать автоматизированное отклонение заявки при получении от банка сведений о том, что на специальном счете участника закупки отсутствуют средства для обеспечения заявки. Но если сведения, даже полученные из официальных источников, не касаются требований к участнику закупки, то их интерпретация и в любом случае относится к компетенции закупочной комиссии.

Разумеется, интеграция с реестрами не может сегодня полностью заменить институт второй части заявки. По крайней мере декларация об отсутствии конфликта интересов не может быть получена ни из одного официального реестра и должна включаться каждым участником закупки в заявку самостоятельно.

Но даже оставляя за скобками вопрос об эффективности подобной декларации и о возможности ее корректного оформления (ведь для такого оформления

участник закупки, не будучи аффилирован с заказчиком, должен каким-то образом поименно знать всех членов закупочной комиссии), все же стоит отметить, что сокращение работы над второй частью заявки до изучения одной-двух подобных деклараций одновременно минимизирует как организационные издержки заказчика, так и риск субъективизма при оценке им заявок участников закупки.

Автозаполнение форм

Стандартизация и каталогизация закупочной документации является не только методом борьбы со злоупотреблениями при проведении закупок, но и заделом для автоматизации самого процесса составления закупочной документации. Простейший вариант автоматизации — это создание программно-аппаратного комплекса, предоставляющего интерфейсные решения по автозаполнению форм закупочной документации и иных документов, оформление которых необходимо при проведении закупки.

Привлечение торговой площадки к разработке документации о закупке позволяет существенно снизить риски заказчика, так как индивидуальный подход к каждому заказчику и беспристрастность по отношению к участникам рынков, а также соблюдение требований антимонопольной политики, предусматривающей комплекс этических принципов и указание на недопустимые практики, позволяют создать документацию о закупке, четко ориентированную на удовлетворение потребностей заказчика, которая будет соответствовать антимонопольному законодательству и законодательству о закупках (Komkova, 2017:3).

Такая автоматизация требует прежде всего библиотеки типовой закупочной документации. Разумеется, вариативность реальной закупочной работы такова, что нельзя предусмотреть стандартные формы на все случаи жизни. Однако при наличии закрытого перечня способов закупки, закрытого перечня требований к участнику закупки и ограниченного набора критериев сопоставления заявок изрядная часть закупочной документации в любом случае сводится к различным сочетаниям одних и тех же конструкций. Вторым шагом является типологизация закупаемой продукции с выделением категорий, объединяющих схожую номенклатуру. Основой для таких категорий является определенное законом деление на товары, работы и услуги.

Для автоматизации полезно разделить структуру закупочной документации на общую, переменную и уникальную части.

Общая часть определяется сочетанием способа определения поставщика и категорией продукции. При этом из библиотеки типовой документации в неизменном виде заимствуется перечень общих прав и обязанностей организатора закупки и участника закупки, требования к оформлению и структуре заявки, а также порядок заключения контракта по итогам закупки.

Здесь стоит оговориться о том, что требования к участникам закупки, разумеется, всегда фиксируются в закупочной документации. Однако соответ-

ствие этим требованиям в большинстве случаев, в т.ч. и по правилам контрактной системы, подтверждается предоставлением документов. Предоставлять же документы — по крайней мере в подтверждение соответствия той части перечня требований, в которой этот перечень идентичен для всех закупок — эффективнее не во вторых частях заявок на участие в каждой закупке, а один раз в рамках аккредитации. Собственно, смысл аккредитации и заключается в том, что поставщик, успешно ее прошедший, считается соответствующим тем требованиям, которые фугировали в данной аккредитации. Такой очевидный инструмент позволит существенно сократить объем работы по рассмотрению вторых частей заявок, а в целом ряде случаев и вовсе автоматизировать эту работу.

Переменная часть закупочной документации заполняется путем выбора для каждой категории данных определенной позиции из списка. Таким образом может быть заполнена информация о планируемой дате объявления закупки, после чего система сможет предложить даты всех остальных «ключевых точек» закупки — дату окончания приема заявок, дату выбора победителя, дату подписания контракта. К переменной же части следует отнести такую информацию, как размер обеспечения заявки, размер обеспечения контракта, а также критерии и порядок сопоставления заявок.

О критериях стоит сказать отдельно: для прозрачного сравнения предложений разных участников закупочная документация должна содержать закрытый перечень критериев такого сравнения, сами эти критерии должны быть измеряемыми (даже если это неценовые критерии), для каждой конкретной величины каждого измеряемого параметра порядком сравнения должно быть предусмотрено одно и только одно определенное количество баллов, а для каждого критерия — один определенный вес. Таким образом, порядок сопоставления заявки сводится к таблице следующего вида (Таблица 1):

Таблица 1

Матрица сопоставления заявок участников закупки

Критерии	Порядок присвоения баллов	Удельный вес
Цена	$Цб_i = (Ц_{min} / Ц_i) \times 100,$ где: C_i — предложение участника закупки, заявка (предложение) которого оценивается; C_{min} — минимальное предложение из предложений по критерию оценки, сделанных участниками закупки.	60%
Название критерия	Формула или иной порядок присвоения баллов по данному критерию	Значимость критерия (в %)
Название критерия	Формула или иной порядок присвоения баллов по данному критерию	Значимость критерия (в %)
Название критерия	Формула или иной порядок присвоения баллов по данному критерию	Значимость критерия (в %)
Название критерия	Формула или иной порядок присвоения баллов по данному критерию	Значимость критерия (в %)

Table 1

Matrix of collating procurement participants' applications

Criteria	Procedure for assigning points to procurement participants	Specific gravity
Price	$Cb_i = (C_{min} / C_i) \times 100,$ where: <i>C_i</i> — proposal of the procurement participant whose application (proposal) is evaluated; <i>C_{min}</i> — the minimum proposal from the proposals for the evaluation criteria made by the procurement participants.	60%
Name of Criterion	Formula or other scoring procedure for this criterion	The significance of the criterion (in%)
Name of Criterion	Formula or other scoring procedure for this criterion	The significance of the criterion (in%)
Name of Criterion	Formula or other scoring procedure for this criterion	The significance of the criterion (in%)
Name of Criterion	Formula or other scoring procedure for this criterion	The significance of the criterion (in%)

Именно на формирование подобной таблицы и должно быть направлено автозаполнение раздела переменной части закупочной документации, посвященного сопоставлению заявок. На практике встречаются случаи, когда критерий является неизменяемым либо формула присвоения баллов для него отличается от стандартного порядка. Для таких исключительных случаев перечень критериев и перечень вариантов присвоения баллов должен быть открытым, однако каждый случай использования «иного критерия» или «иного порядка» именно в автоматизированной системе удобно маркировать специальным образом для облегчения последующего контроля и оценки обоснованности их применения.

Уникальная часть закупочной документации сводится к описанию закупаемой продукции, требований к такой продукции и условий ее поставки. Эти параметры индивидуальны для каждой заявки. Однако если закупка такой продукции проводится данным заказчиком не впервые, то для удобства заказчика целесообразно предлагать для заполнения полей данные из уже проведенной ранее аналогичной закупки — что опять же логичным образом реализуется именно в системе автоматизации.

Для успешной реализации автоматизированного заполнения чрезвычайно важно выделить редактируемые поля, при заполнении которых программно-аппаратный комплекс по умолчанию предлагает те или иные данные, однако заказчик имеет возможность изменить их. Функциональность поля в качестве редактируемого напрямую зависит от формулировки законодательства относительно соответствующей категории информации.

Сама информация, включенная в проект документа в порядке автозаполнения, может заимствоваться программно-аппаратным комплексом не только из библиотек типовых форм и архива уже проведенных закупок. Помимо этого статичного источника актуальным является использование динамичного источника данных в виде ранее заполненных документов, относящихся к той же закупке. Иными словами, речь идет о наследовании данных, которое представляет собой следующий метод автоматизации закупки.

Наследование данных

И методология закупки, и ее законодательное регулирование позволяет выделить перечень документов, логически и хронологически выстраивающихся в иерархизированную систему, где содержание каждого последующего документа определяется содержанием предыдущего. Несколько упрощая, эту иерархию можно описать в виде такой последовательности.

1. Базовые будущие сведения о закупке заказчик указывает в плане-графике.
2. К сроку, указанному в плане-графике в качестве даты объявления закупки, составляется извещение о закупке. Извещение не может противоречить сведениям плана-графика.
3. Если законодательством предусмотрено составление закупочной документации, то положения извещения о закупке развиваются и конкретизируются в закупочной документации.
4. Условия извещения о закупке и закупочной документации, связанные с исполнением контракта, оформляются в проекте контракта, который публикуется одновременно с извещением и документацией.
5. Победитель закупки выбирается в порядке, установленном извещением о закупке и закупочной документацией. После определения победителя его имя и его условия фиксируются в итоговом протоколе.
6. Текст контракта, готового к подписанию, составляется путем включения в проект контракта условий победителя, зафиксированных в итоговом протоколе.

Каждый из этих документов публикуется в Единой информационной системе по форме, определенной Правительством России. Единство формы и единство места публикации делают возможным наследование данных каждого очередного документа каждым последующим документом. Например, описание предмета закупки и функциональных требований к закупаемой продукции при подготовке проекта закупочной документации целесообразно посредством программно-аппаратного комплекса ЕИС автоматически включать в текст документации в том виде, в котором они были указаны в плане-графике. Разумеется, это должны быть редактируемые поля, что предусмотрено правом заказчика на изменение закупочной документации, но сам проект документации может формироваться автоматизировано.

Наследование данных в сочетании с автозаполнением форм качественно снижает риск непреднамеренной ошибки, а ошибки преднамеренные делает более наглядными. Так, любой факт изменения закупочной документации будет автоматически фиксироваться программно-аппаратным комплексом. При этом само наследование, разумеется, должно быть не сквозным, а хронологическим: например, сведения о тех же требованиях к продукции должны включаться в контракт не в том виде, в котором они были указаны в плане-графике, а в том, в котором они фигурировали уже в закупочной документации после последнего ее изменения.

С точки зрения архитектуры программно-аппаратного комплекса для реализации наследования данных критически важно определить связь заполняемых полей: например, поля «начальная (максимальная) цена закупки» плана-графика и соответствующего ему поля закупочной документации. Однако единообразие терминологии законодательства о контрактной системе позволяет решить и эту проблему.

Разумеется, наследование данных пусть и качественно облегчает работу специалиста по закупкам, но отнюдь не подменяет ее. Так, сведения документации о закупке шире, чем сведения плана-графика, а текст контракта, заключаемого по итогам закупки, не сводится к пересказу закупочной документации. Однако наследование данных в сочетании с использованием форм документов и их автозаполнением позволит не формировать каждый этот документ «с нуля» и даже не пользоваться привычной операцией копирования, а сосредоточиться на экспертной работе — т.е. на анализе новых данных и на формулировке новых сведений, не наследуемых из уже оформленных документов.

Автоматизированный сбор предложений

Выше речь шла об оптимизации работы с существующими процедурами за счет привлечения программно-аппаратных средств. Однако возможности автоматизации позволяют реализовать закупки и по принципиально новым процедурам — качественно сокращающим организационные издержки всех сторон закупочного процесса при сохранении конкурентности и прозрачности самой закупки.

Для этого необходимо пересмотреть саму концепцию взаимоотношений заказчика и поставщика. Согласно классической парадигме, первый шаг в любой закупке всегда делает заказчик. Однако в реальных рыночных отношениях путь к договору зачастую начинается, наоборот, с того, что это поставщик публикует информацию о той продукции, которую он готов поставить. И не так уж важно в данном случае, публикует он эту информацию в виде рекламы, в виде прайс-листа на своем сайте, в виде электронного или бумажного каталога продукции или каким-то иным способом. Важно лишь понимать, что такой подход применим и для конкурентной закупки.

Электронные каталоги сами по себе уже давно не являются ноу-хау. Однако для того, чтобы электронные каталоги стали основой автоматизированного сбора предложений участников конкурентной закупки, важно дополнить эти каталоги двумя категориями формализованных данных:

Данные о поставщике.

Данные о предлагаемой им продукции.

Первая категория данных необходима для подтверждения соответствия каждого поставщика, опубликовавшего свои предложения в электронном каталоге, требованиям к участнику закупки, предусмотренным законодательством о контрактной системе. При этом часть данных — и прежде всего те, которые проверяются при помощи официальных реестров — целесообразно запрашивать в момент регистрации поставщика в каталоге по модели, схожей с моделью аккредитации Реестре участников закупок (а лучше всего интегрировать систему регистрации в каталоге с этим реестром). Оставшиеся данные — такие, как лицензии, допуски, сертификаты — целесообразно оставить на усмотрение поставщика, предоставив ему возможность загрузить их сразу после успешного прохождения регистрации. Собственно, именно вторую группу информации о поставщике заказчик и будет исследовать в качестве «второй части заявки» после того, как предложение данного поставщика будет определено в качестве лучшего.

Собственно, именно для конкурентного и прозрачного выбора лучшего из предложений о поставке, опубликованных в каталоге, и необходима формализация этих предложений. Иными словами, наименование продукции, ее описание и условия поставки заполняются не произвольно, а строго по форме, предусмотренной функциональностью каталога. Проработка этой формы — в т.ч. ее полей, их интеграции с официальными классификаторами, открытых и закрытых списков возможных данных для каждого поля и т.д. — является одним из ключевых вопросов превращения электронного каталога в новый способ конкурентного определения поставщика.

Следует отметить, что схожий порядок определения победителя закупки уже был реализован, например, ПАО «Транснефть» посредством организации закрытых закупочных процедур, участниками которых могут быть только лица, продукция которых включена в реестр основных видов продукции, применяемой ПАО «Транснефть» (далее — реестр ОВП).

Под реестром ОВП в этом акционерном обществе понимается перечень продукции, размещенный в открытом доступе в разделе о закупочной деятельности на сайте ПАО «Транснефть», прошедший оценку соответствия нормативно-технической базе ПАО «Транснефть», систематизированный по основным видам продукции. Фактически включение товаров в номенклатуру реестра ОВП является предварительным этапом отбора, ограничивающим возможность участия в закрытых закупках товаров, не включенных в реестр. При этом в упомянутый реестр включается продукция производителей, которые прошли проверку в отношении технических условий производства продукции.

В рамках предлагаемого нового способа осуществления закупки каждый поставщик в любой момент времени имеет возможность зарегистрироваться в открытой электронной системе, пройдя соответствующую проверку, и загрузить в эту систему документы, необходимые для последующей поставки предлагаемой им продукции. После регистрации поставщик в отношении каждого наименования продукции заполняет карточку с описанием, при необходимости прикладывает к ней изображение продукции и указывает цену. Эта карточка редактируема, однако каждое изменение подписывается электронной подписью поставщика, а каждая очередная редакция карточки имеет статус публичной оферты вплоть до момента внесения в нее очередного изменения или до момента удаления этой карточки из электронного каталога самим поставщиком.

Таким образом, поставщик может оперативно менять условия будущей поставки — но лишь до момента, когда его предложение утверждено в качестве лучшего заказчиком. Те условия, которые фигурировали в предложении в этот момент, становятся условиями поставки. Перед утверждением лучшего предложения о поставке заказчик указывает на странице расширенного поиска параметры необходимой ему продукции и условия поставки — размер партии, требования к упаковке, максимальную цену единицы и/или партии, место и срок поставки и т.д. После заполнения этой информации система начинает поиск релевантных предложений и предоставляет их заказчику в ранжированном виде. Заказчику остается лишь утвердить лучшее из предложений — разумеется, предварительно убедившись в способности поставщика осуществить поставку. Преимущество такого способа закупки заключается в том, что сбор и сопоставление заявок происходит мгновенно — и одно это обстоятельство экономит заказчику до месяца времени и соответствующих усилий при сохранении прозрачности закупки, потенциальном расширении конкуренции и реальном снижении рисков злоупотребления.

Разумеется, как и любой способ закупки, это новый способ не может быть универсальным. Область его эффективного применения стоит искать в закупках стандартизированных товаров на конкурентных рынках (хотя в той же Италии подобный инструмент используется и для закупки услуг). Фактор стандартизации делает возможным сравнение товаров исключительно по цене. Это простейший вариант определения лучшего предложения, и ценовое ранжирование может производиться посредством функциональности того же электронного каталога автоматизировано — примерно так же, как сегодня ранжируются предложения о цене, полученные от участников аукциона по итогам аукционного торга.

Однако уже сегодня программно-аппаратному комплексу вполне по силам мгновенно осуществить не только ценовое, но и многокритериальное сопоставление предложений участников закупки.

Автоматизированное сопоставление предложений

Для автоматизированного сопоставления все критерии, используемые при таком сопоставлении, должны быть измеримыми, а каталог должен обладать функциональностью их автоматизированной обработки. После внедрения такой функциональности заказчику необходимо будет лишь указать после требований к поставке критерии сравнения с указанием порядка присвоения баллов по каждому из них и удельных весов.

Порядок присвоения баллов в этом случае выбирается из закрытого перечня, предусмотренного функциональностью системы: для большинства критериев достаточно будет выбора из двух-трех вариантов формул и диапазонов. Разумеется, перечень критериев также должен быть закрытым, а у поставщика при описании продукции должна присутствовать возможность указать значение по каждому из критериев, предусмотренных функциональностью электронного каталога. На первых порах можно ограничить простейшими и интуитивно понятными критериями — цена, срок поставки, гарантийный срок — с последующим расширением спектра критериев для отдельных категорий продукции.

Однако даже несколько критериев помогут избежать ценового крена, при котором лучшим всегда считается предложение самой дешевой продукции. При этом фактор измеримости критериев позволит избежать сомнения в прозрачности выбора победителя: точно так же, как программно-аппаратный комплекс ранжировал предложения по одному критерию, он будет ранжировать их по нескольким: для этого баллы, полученные по каждому из критериев, достаточно умножить на удельные веса и сложить. Получившаяся сумма и является той измеримой величиной, которой сравниваются между собой точно так же, как и цены — но только, в отличие от цен, не в обратном, а в линейном порядке.

Заключение

Фрагментарно изложенные выше способы уже сегодня внедряются и в закупочную практику ведущих коммерческих заказчиков, и в контрактную систему. Реестр участников закупок, функционирующий в Единой информационной системе, концептуально подразумевает обмен данных с официальными реестрами. Функциональность самой ЕИС предусматривает элементы наследования данных. Каталогизация товаров, над которой не первый год активно работает Министерство финансов России, может стать основой для типологизации закупочной документации и даже проектов контрактов. Наконец, нельзя терять надежду на то, что в будущем единый агрегатор торговли «Березка» станет тем самым электронным каталогом, позволяющим проводить автоматизированные конкурентные закупки. Или, быть может, таким каталогом станет московский Портал поставщиков.

Однако для того, чтобы это будущее наступило, необходимо понимать электронизацию и автоматизацию не как совокупность отдельных настроек с су-

ществующей системе, а как самостоятельную систему. Например, невозможно говорить о полноценном наследовании данных в том случае, если данные плана-графика наследуются закупочной документацией, но при этом данные самой закупочной документации не наследуются проектом контракта. Автоматизация закупочной деятельности — это именно система взаимосвязанных элементов. Эти элементы можно по-отдельности тестировать, но вот заработать в полную силу они по-отдельности не смогут.

Технологический уровень, при котором возможна автоматизация закупочной работы, уже достигнут. Дело за организацией этой работы. И для решения организационных вопросов необходимо именно системное восприятие и системное же видение автоматизированной закупочной деятельности. Только так она станет инструментом, позволяющим заказчику при меньших усилиях обеспечивать лучшую эффективность закупок.

Библиографический список / References

- Andreeva, L.V. (2018) Antitrust rules regulating the auctions in the terms of reforming of procurement legislation. *Journal of Business and Corporate Law*. (4), 14–17. (in Russian).
Андреева Л.В. Антимонопольные правила о торгах в условиях реформирования законодательства о закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 4. С. 14–17.
- Andreeva, L.V. (2019) Digital Technology Elements in Trade and Procurements (a Legal Aspect). *Entrepreneurial Law. The application "Law and Business"*. (1), 15–21. (in Russian).
Андреева Л.В. Элементы цифровых технологий в торговой и закупочной деятельности (правовой аспект) // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 1. С. 15–21.
- Anisina, K.T., Badmaev, B.G., Bit-Shabo, I.V. (2019) *Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki [Financial law in the development of the digital economy]*. Tsindeliани, I.A. (ed.). Moscow: Prospect Publ. (in Russian).
Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.
- Bashlakov-Nikolaev, I. (2015) About positive effects of electronic forms of procurement. *Table of contents*. (5), 38–41. (in Russian).
Башлаков-Николаев И. О положительных эффектах электронных форм закупок // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 38–41.
- Escande-Varniol, M. (2018) The Legal Framework for Digital Platform Work: The French Experience. In: McKee, D. & Makela, F. & Scassa, T., (eds.) *Law and the «Sharing Economy»: Regulating Online Market Platforms*. Ottawa, United States of America, University of Ottawa Press, 321–356. DOI: 10.2307/j.ctv5vdczv.14, available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv5vdczv.14> (Accessed 3 August 2019).
- Hoekman, B. (2018) Government Procurement. In: Drake-Brockman, J. & Messerlin, P. (eds.), *Potential Benefits of an Australia-EU Free Trade Agreement: Key Issues and Options*. South Australia, University of Adelaide Press, 123–148, available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv9hj94m.15> (Accessed 5 August 2019).

- Isyutin-Fedotkov, D.V. (2017) K voprosu ob elektronnoi forme korporativnykh zakupok [On the issue of electronic form of corporate procurement]. *Progoszakaz.rf.* (2), 70–72. (in Russian).
- Исютин-Федотков Д.В.* К вопросу об электронной форме корпоративных закупок // Прогосзаказ.рф. 2017. № 2. С. 70–72.
- Kenney, M., Zysman, J. (2016) The Rise of the Platform Economy. *University of Texas at Dallas. Issues in Science and Technology.* 32 (3), 61–69.
- Kikavets, V.V. (2018) Securing of State Public Interests in Goods, Works, Services in the Course of Implementation of the Informational Society Development Strategy. *Financial Law.* (4), 28–31. (in Russian).
- Кикавец В.В.* Обеспечение публичных интересов государства в товарах, работах, услугах в период реализации стратегии развития информационного общества // Финансовое право. 2018. № 4. С. 28–31.
- Komkova, I.N. (2017) Relevance of anti-monopoly compliance implementation at arrangement of electronic trading site operation. *Jurist.* (17), 22–25. (in Russian).
- Комкова И.Н.* Актуальность внедрения антимонопольного комплаенса при организации работы электронной торговой площадки // Юрист. 2017. № 17. С. 22–25.
- Kornilchenko, E.V. (2018) Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologii v realizatsii kontraktnoi sistemy v sfere zakupok [The use of information technology in the implementation of the contract system in the field of procurement]. *Logistics today.* (2), 90–104. (in Russian).
- Корнильченко Е.В.* Использование информационных технологий в реализации контрактной системы в сфере закупок // Логистика сегодня. 2018. № 2. С. 90–104.
- Lember, V., Kalvet, T., Kattel, R. (2011) Urban competitiveness and public procurement for innovation. *Urban Studies.* Vol. 48. № 7. 1373–1395, available at: www.jstor.org/stable/43081787. (Accessed 03 August 2019).
- Lisovenko, O.K. Electronic Procurement under Law №. 223-FZ: Recent Trends and Legal Requirements. *Corporate Procurement — 2016: Practical Application of Federal Law № 223-FZ. Collection of reports of the IV All-Russian Practical Conference-Seminar, 17–18 March 2016, Moscow, Russian.* Moscow: Book on demand Publ. 67–72. (in Russian).
- Лисовенко О.К.* Электронные закупки по Закону № 223-ФЗ: последние тенденции и законодательные требования. Корпоративные закупки — 2016: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ. Сборник докладов IV Всероссийской практической конференции-семинара, Москва, 17–18 марта 2016. М.: Книга по Требованию, 2016. С. 67–72.
- Lobanova, O.L., Plastinina, E.A. (2017) Elektronnyi magazin: vnedrenie printsipov internet-torgovli v sisteme goszakaza [E-shop: the introduction of the principles of online trading in the public procurement system]. *Progoszakaz.rf.* (11), 6–23. (in Russian).
- Лобанова О.Л., Пластинина Е.А.* Электронный магазин: внедрение принципов интернет-торговли в системе госзаказа // Прогосзаказ.рф. 2017. № 11. С. 6–23.
- Luneva, E.V., Safin, Z.F. (2017) Mandatory Electronic Auctions in the Russian Federation: Legal Regulation Issues. *Competition Law.* (3), 29–33. (in Russian).
- Лунева Е.В., Сафин З.Ф.* Обязательные электронные торги в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Конкурентное право. 2017. № 3. С. 29–33.
- Mazhorina, M.V. (2019) Digital Platforms and International Private Law, or Is There a Future for Cyber Law? *Lex russica.* (2), 107–120. Doi: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120. (in Russian).
- Мажорина М.В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 2. С. 107–120. Doi: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120.

- Scassa, T. (2018) Information Law in the Platform Economy: Ownership, Control, and Reuse of Platform Data. In: McKee, D. & Makela, F. & Scassa, T., (eds.) *Law and the «Sharing Economy»: Regulating Online Market Platforms*. Ottawa, United States of America, University of Ottawa Press. 321–356, Available at: www.jstor.org/stable/j.ctv5vdczv.9. (Accessed 7 August 2019).
- Stepanova, E.E. (2018) Transition to electronic methods of determining the supplier as the main trend in the development of legislation on the contract system in the field of procurement. *Russian Justitia*. (10), 45–47. (in Russian).
Степанова Е.Е. Переход к электронным способам определения поставщика как основная тенденция развития законодательства о контрактной системе в сфере закупок // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 45–47.
- Tasalov, F.A. (2018) Unification of requirements for bidders: foreign and russian experience. Part I. *Law and economics*. (7), 35–42. (in Russian).
Тасалов Ф.А. Унификация требований к участникам закупки: зарубежный и российский опыт. I часть // Право и экономика. 2018. № 7. С. 35–42.
- Timakov, A. (2016) Zakupochnaya deyatel'nost'. Normativnoe regulirovanie i tendentsii razvitiya [Procurement activities. Regulatory and Development Trends]. *EZh-Yurist*. (17–18), 12. (in Russian).
Тимаков А. Закупочная деятельность. Нормативное регулирование и тенденции развития // ЭЖ-Юрист. 2016. № 17–18. С. 12.
- Tsybul'skaya, O. (2015) Neestestvennyi otbor. Kakie elektronnye ploshchadki nuzhny dlya provedeniya torgov [Unnatural selection. What electronic platforms are needed for bidding]. *Information and analytical publication "Newsletter "Moscow Trading" "*. (9), 34–37. (in Russian).
Цыбульская О. Неестественный отбор. Какие электронные площадки нужны для проведения торгов // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские Торги». 2015. № 9. С. 34–37.
- Yudina, M. (2016) Tsentr prityazheniya. Kakuyu rol' v zakupkakh igraut elektronnye ploshchadki? [Center of gravity. What role do electronic platforms play in procurement?]. *Information and analytical publication "Newsletter "Moscow Trading" "*. (6), 40–41. (in Russian).
Юдина М. Центр притяжения. Какую роль в закупках играют электронные площадки? // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские Торги». 2016. № 6. С. 40–41.

Об авторах:

Казанцев Дмитрий Александрович — кандидат юридических наук, руководитель Департамента нормативно-правового регулирования оператора электронной торговой площадки В2В-Center, преподаватель курсов закупочной тематики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Финансовый университет при Правительстве РФ

ORCID ID: 0000-0003-2182-5776

e-mail: dakazant.work@gmail.com

Михалёва Наталья Александровна — заместитель начальника отдела антимонопольного контроля торгов, Управление Федеральной антимонопольной службы по г. Москве, аспирант, Аспирантская школа по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID ID: 0000-0001-6121-4246; ResearcherID: V-4706-2017

e-mail: natalee004@gmail.com

Для цитирования:

Казанцев Д.А., Михалёва Н.А. Автоматизация закупок как будущее контрактной системы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2020. Т. 24. № 1. С. 137–157. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-137-157.

Дата поступления в редакцию: 08 августа 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Research Article

PROCUREMENT AUTOMATION AS THE FUTURE OF THE CONTRACT SYSTEM

Dmitry A. Kazantsev, Natalya A. Mikhaleva

National Research University «Higher School of Economics»
11, Pokrovsky Boulevard, 109028, Moscow, Russia

In the era of digital information electronic trading platforms have become an integral attribute to conduct procurement to meet public needs. Nowadays there is a consistent trend is that legislators transfer the vast majority of purchases to the electronic plane through the use of electronic trading platforms. This incentive of the legislator is attributed to a number of advantages of the electronic form of procurement procedures, which allow to increase their transparency and accessibility to an indefinite number of people.

However, the role of electronic trading platforms must not be reduced solely to an electronic platform, which allows only to transfer the procurement procedure in a different form. On the contrary, the potential of electronic trading platforms can significantly simplify and automate business activities of customers, increase the efficiency of procurement not only by expanding competition but also by reducing the organizational burden on the parties of the procurement process, both customers and the participants.

The purpose of the article is to present for review ways to improve the operation of electronic trading floors to automate the procurement process during competitive procedures for state and municipal needs. Research methods: formal legal, modeling, analysis and synthesis, induction and deduction.

The results of the study. The article presents for review ways to optimize the operation of electronic trading platforms by attracting software and hardware when conducting competitive procedures.

Ways of automation the procurement process are described, including integration of the functionality of electronic trading platforms with official registries in order to minimize the risk of a possible rejection of a participant's procurement application when considering the second parts of applications. Other innovative services of the functionality of electronic trading platforms (auto-completion of forms, data inheritance, automated collection of proposals) have been suggested, the implementation of which will simplify and automate the process of conducting competitive procedures, reduce the administrative burden on the customer, ensure transparency and a competitive basis when holding tenders.

Key words: procurement methodology, procurement, tender procurement mechanism, innovation, electronic procurement, electronic trading platforms, procurement infrastructure of the tender mechanism, contract system, transparency and efficiency of procurement

About authors:

Dmitry A. Kazantsev — Candidate of legal sciences, head of the Department of Legal Regulation of the B2B-Center electronic trading platform operator, lecturer in procurement-related courses at the National Research University Higher School of Economics and the Financial University under the Government of the Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-2182-5776

e-mail: dakazant.work@gmail.com

Natalya A. Mikhaleva — Deputy Head of the Division of Antimonopoly Control of Tenders of the Office of the Federal Antimonopoly Service in Moscow, Postgraduate Student at the Graduate School of Law, National Research University Higher School of Economics

ORCID ID: 0000-0001-6121-4246; ResearcherID: V-4706-2017

e-mail: natalee004@gmail.com

For citation:

Kazantsev, D.A., Mikhaleva, N.A. (2020) Procurement automation as the future of the contract system. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 137–157. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-137-157.

Article received August 08, 2019

Article accepted December 25, 2019

**К 60-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РУДН
НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ON THE 60th ANNIVERSARY
OF THE RUDN UNIVERSITY LAW INSTITUTE
SCIENTIFIC SCHOOLS AND RESEARCH AREAS**

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-158-169

Информационная статья

**ШКОЛА СРАВНИТЕЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА (ЧАСТЬ II)**

В.В. Еремян

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Наступивший календарный год знаменателен исполнением шестидесятилетия Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (позднее РУДН), в рамках которого в разное время действовали факультет экономики и права, юридический факультет, на смену которым, сохраняя преемственность, пришел Юридический институт. Являясь одним из выпускников университета и учеником выдающихся советских ученых, стоявших у истоков нескольких школ сравнительного правоведения, существующих в настоящее время, автор предпринял попытку проследить за диалектическим процессом становления, развития и систематизации научной школы сравнительного конституционного и муниципального права, с которой традиционно были связаны характер, специфика и особенности не только обучения иностранных и отечественных студентов, но и значительные достижения в сфере подготовки кандидатов и докторов наук по этой специальности.

В отличие от других учебных заведений сравнительно-правовой анализ изначально лежал в основе подготовки национальных юридических кадров для государств, освободившихся от

© Еремян В.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

колониальной зависимости, чем во многом и обуславливалась регионально-страноведческая модель исследования формы правления, территориального устройства и политических режимов ведущих стран «социалистической» и «капиталистической» ориентации Азии, Африки и Латинской Америки, вставших на путь самостоятельного цивилизационного развития, переживавших период суверенизации и «деколонизации» широкого круга политических, экономических и социальных отношений. Формирование «основ» африканской, латиноамериканской, арабо-мусульманской, индийской компаративистики связаны с кафедрой теории и истории государства и права, в рамках которой был заложен научный фундамент школы сравнительного конституционного и муниципального права, «эстафету» у которой с течением времени приняли сначала кафедра конституционного, административного и финансового права, а затем кафедры конституционного и муниципального права, конституционного права и конституционного судопроизводства и муниципального права, сохранившие и актуализировавшие лучшие традиции, связанные с обучением российских и иностранных студентов, аспирантов и докторантов. На современном этапе сравнительное правоведение переживает новый этап, вызванный интересом к процессам, протекающим в Соединенных Штатах и Европейском Союзе.

Ключевые слова: конституционное право, муниципальное право, сравнительное правоведение, сравнительно-правовой анализ, компаративистика

Преимственность сравнительно-правовых исследований

Попутно хотелось бы обратить внимание на характерную и во многом специфическую для университета и факультета экономики и права тех лет (где основная масса студентов представляла десятки государств Азии, Африки или Латинской Америки) особенность: большинство выпускников одновременно получало два диплома — юриста и переводчика, другими словами, достаточно профессионально владело одним либо несколькими иностранными языками, поэтому практически все, кто продолжал обучение в аспирантуре, занимались проблемами государства и права зарубежных стран, вводя в научный оборот значительное количество нормативных актов, юридической литературы, иных источников, ранее не известных или представленных в виде фрагментов.

Одним из тех, с кем непосредственно ассоциируется формирование двух системообразующих направлений школы сравнительного конституционного и муниципального права, в частности, специализированного конституционного контроля и местного самоуправления, является профессор В.В. Еремян — первый в истории факультета доктор юридических наук по специальности 12.00.02, в настоящее время возглавляющий кафедру конституционного права и конституционного судопроизводства. Преимущество творчества ученого проявлялась не только в том, что он длительное время читал лекции по курсу «Конституционное (государственное) право зарубежных стран», но и стоял во главе создания оригинальных дисциплин по муниципальному праву. Причем если на первом этапе внимание акцентировалось исключительно на проблемах латиноамериканского региона (в том числе в рамках диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук), то позднее сферой его научных интересов преимущественно становится широкий круг вопросов, непосредственно связанных с историей русского самоуправления, в частности, вечевого

и общинной демократии, публичного права, децентрализации, при этом исследования носят сравнительно-правовой характер, чему способствует методология компаративизма, позволяющая проводить параллели и аналогии с теорией и практикой самоорганизации населения зарубежных государств.

Критически рассмотрев англосаксонскую и французскую (которую еще нередко именуют континентальной) модель организации местного управления применимо к практике, сложившейся в крупнейших «заморских территориях» Испании в Латинской Америке, в первую очередь Мексике, имевшей особое с экономической и политической точки зрения значение для метрополии, о чем свидетельствовало в том числе наименование данной части империи — «Новая Испания», включавшей, помимо всего прочего, южные регионы современных Соединенных Штатов от Калифорнии до Флориды и отторгнутые позднее в результате комплекса мероприятий, осуществленных «северным соседом» (от мятежа в середине тридцатых годов XIX века в Техасе до ничем не прикрытой аннексии в результате ряда войн с Испанией и Мексикой), ученый приходит к важному выводу, ставшему фундаментом его концепции, что речь может идти о смешанной («гибридной») модели самоорганизации местного населения, при которой на уровне так называемых «свободных муниципий», одновременно с элементами, традиционно присущими децентрализации и деконцентрации — выборами органов представительной и исполнительной власти, наделенными соответствующим перечнем публичных полномочий, действуют и механизмы централизации и концентрации, выраженные в официальном статусе главы территориального образования, институционально олицетворяющем собой, с одной стороны, государство и его структурную иерархию, с другой — граждан, их конституционные права, свободы и законные интересы.

Не менее «знаковым» обобщением, к которому приходит В.В. Еремян в результате сравнительно-правового исследования теории и практики местного самоуправления, именуемого государствоведом не иначе, как «иберийской» моделью, является констатация того факта, что в большинстве (в этом смысле речь идет о бывших испанских колониях, получивших независимость задолго до аналогичных действий, предпринятых Соединенным Королевством или той же Францией) стран Латинской Америки к середине 1990-х годов сложилась ситуация, при которой, несмотря на постоянно возрастающую централизацию государственного управления, муниципальные советы, утрачивая те или иные властные прерогативы из арсенала практически неограниченных полномочий, принадлежавших им в XIX веке, вместе с тем сохраняют значительную часть своей автономии. Однако какие бы конкретные функции муниципалитетов не рассматривались, роль и значение каких бы учреждений ни исследовались, по мнению ученого, следует, тем не менее, признать зависимый характер местной публичной администрации. На современном этапе конституционно-правового развития стран континента муниципалитеты способны противостоять позиции центра, но более эффективно действовать без его поддержки они по-прежнему

не в состоянии, поэтому разумное сочетание централизованного управления и местного самоуправления (в форме максимально широкой территориальной автономии или регионализации) — вот возможный путь преодоления застойных тенденций, уходящих своими «корнями» не только в специфику и особенности прямого государственного администрирования второй половины XX века, но и к практике и методологии колониального управления, испанской правовой системе, вождизму-каудильизму и муниципальному строительству XIX века.

Нельзя сказать, что формируя (посредством новых дисциплин, учебных пособий, статей, фундаментальных монографий и руководства аспирантами) основы школы сравнительного муниципального права, игнорировался опыт и практика преподавателей предшествующего периода, вместе с тем был сделан качественный шаг вперед в направлении деидеологизации тех сфер научных — теоретических, исторических, методологических — исследований, с которыми с конца 1990-х годов начинает ассоциироваться кафедра конституционного, административного и финансового права, актуализированная в масштабах созданного к этому времени юридического факультета, и аккумулировавшая специалистов по самым разным аспектам публично-правовых отношений.

В качестве одной из наиболее отличительных черт, говорящей, помимо прочего, о преемственности, выделяются два самостоятельных направления, в области которых осуществляется учебный процесс и научная деятельность: во-первых, отечественное государственное строительство, во-вторых, компаративизм и регионально-страноведческий принцип изучения конституционно-правовых и муниципально-правовых отношений зарубежных стран. Именно благодаря отмеченному сочетанию кафедра в достаточно короткий срок становится в один ряд с аналогичными структурами других учебных заведений, выходит на передовые позиции в рамках подготовки российских и иностранных студентов (бакалавров и магистров), аспирантов и докторантов. Профессора и доценты кафедры активно работают над теоретическими и прикладными проблемами конституционализма, федерализма, парламентаризма, прав и свобод человека, муниципализма Российской Федерации и крупнейших государств мира.

Свой богатый научный опыт преподаватели кафедры передавали своим ученикам, которых можно отнести ко «второму» поколению государствоведов и компаративистов, целенаправленно специализировавшихся на проблемах сравнительного конституционного и муниципального права. В контексте того, о чем идет речь, нельзя не признать тот факт, что большинство из них так или иначе рассматривали вопросы, ранее практически не являвшиеся предметом и объектом исследований в силу объективных причин, как, например, в случае с конституционным контролем или местным самоуправлением, которым были посвящены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук А.А. Клишаса, продолжившему анализ специализированных органов и институтов юстиции, действующих в целом ряде стран Латинской Америки, в той либо иной степени начатый его учителем, и Л.Т. Чихладзе, критически изучив-

шему перипетии становления и развития местного самоуправления на постсоветском пространстве, подготовленных под руководством профессора В.В. Еремяна, или П.А. Кучеренко, научным руководителем которого на тот момент являлась профессор В.И. Иванова. Фундаментальность данных работ позволила позднее всем трем подготовить и успешно защитить диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (параллельно с чем опубликовать по несколько крупных монографий, авторских и коллективных учебников и учебных пособий), причем научным консультантом последних вновь выступил государствовед профессор В.В. Еремян.

Исследования актуальных проблем публичных отношений в Российской Федерации и зарубежных государствах (как развитых, так и освободившихся от колониальной зависимости) в рамках сложившейся к этому времени школы сравнительного конституционного и муниципального права позднее были в большей либо меньшей степени продолжены в рамках вновь сформированной на факультете кафедры конституционного и муниципального права, которую сначала возглавлял депутат Государственной Думы Федерального Собрания профессор В.В. Гребенников, а затем в этой должности его сменил член Совета Федерации Федерального Собрания профессор А.А. Клишас. Преподаватели, аспиранты и докторанты кафедры, следуя традициям, заложенным «отцами-основателями» факультета, наряду с более систематизированным и глубоким изучением проблем российского конституционализма и муниципализма, как и прежде уделяли особое внимание вопросам государственного строительства в странах Азии, Африки и Латинской Америки, к которым вполне органично и естественно присоединилось все то, что ассоциировалось с такими явлениями, как Европейский Союз, Содружество Независимых Государств, постсоветское пространство в целом. Фундаментальность и критичность ряда исследований, осуществленных в течение последнего десятилетия, позволили адекватнее и в отдельных случаях совершенно по-новому, неформально, без идеологических штампов и условностей, взглянуть на стереотипы, сложившиеся в масштабах континентальной и англосаксонской традиции, как на форму правления, так и территориальное устройство и политический режим, нередко диссонирующие с тем, о чем можно прочитать в учебниках по общей теории права. Многие, с чем ассоциировались демократия и народовластие в их «западном» варианте, теряет тот образ, который сложился в период «перестройки» и позднее, в связи с чем необходимость переосмысления старых догм и переоценки институтов, еще сравнительно недавно не вызывавших никаких сомнений, становится все более очевидной и востребованной. Именно поэтому компаративизм и все, что с ним связано, должен был приобрести характер важнейшего научного метода, при помощи которого в перспективе удастся преодолеть домислы (у «нас» все только плохо, у «них» все хорошо), довлеющие над нами, и придать импульс развитию более адекватных представлений о тенденциях и закономерностях государственного строительства. В этом направлении и шла работа.

Вне всякого сомнения, в ряду сравнительно-правовых исследований, осуществленных на кафедре конституционного и муниципального права в указанный период, особое место занимают диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, подготовленные А.А. Клишасом и Л.Т. Чихладзе, ставшие весьма заметным событием в кругах научного сообщества, и оказавшие положительное влияние на дальнейшее развитие концептуальных идей сформированной школы сравнительного правоведения.

Исходя из достаточно очевидного факта, что в современной «западной» юриспруденции существует множество мифологем, связанных с содержанием хорошо известного с античного периода исторического феномена, именуемого демократией или народовластием, констатируется, что среди них особое место занимают не менее фундаментальные институты современного либерального общества, в отношении которых зачастую используются двойные стандарты таких дефиниций, как конституционализм, разделение властей, независимость судебной власти, выборность и представительство, незыблемость прав, свобод и законных интересов человека, равенство всех перед законом. В настоящее время, вполне справедливо утверждает А.А. Клишас, процесс демократизации общественных отношений расширяется, но при этом важно иметь в виду, что не всегда и не во всем критерии, определяющие этот процесс, приемлемые для одних стран и народов, адекватны — в той или иной степени — для других.

Тем не менее, применительно, в частности, к системе конституционного контроля, нельзя не признать, отмечает ученый, что в основном государства «молодой демократии», к которым относится и Российская Федерация, чаще всего используют (национальная вариативность принципиального значения в этом случае не имеет) уже готовые образцы тех систем специализированного правосудия, которые сложились в рамках североамериканской и европейской моделей конституционной юстиции. Однако последнее вовсе не означает, что при создании вновь образуемых органов публичной власти в качестве аналога или «примера для подражания» должны использоваться исключительно те государственные структуры, организация и основные функции которых могут быть заимствованы без каких-либо изменений, непосредственно вытекающих из конституционно-правовых особенностей и традиций той либо иной страны. Универсализм принципов и институтов чаще всего носит условный характер, особенно при их, мягко говоря, не совсем демократическом распространении по миру, о чем ярко и наглядно свидетельствуют события последних лет. Опыт государств «переходного» типа, несомненно, имеет огромное значение, вместе с тем любое «копирование» не должно подменять собой собственно процесс государственного строительства, несмотря на возможные, в том числе крайне негативные, последствия, даже с учетом того существенного обстоятельства, что «привнесенное» неоднократно апробировано в рамках соответствующих политико-правовых систем и властных механизмов многих государств. Тем более что некоторые из них всего лишь сравнительно недавно «вошли в клуб» при-

знанных демократий, отказавшись от идеологических догм и стереотипов, господствующих на предыдущем этапе исторического развития, сохранив при этом национально-культурное своеобразие.

В контексте сформулированного обобщения ученый делает актуальный и во многом закономерный вывод о том, что современная наука о государстве и его институтах перенасыщена концепциями общетеоретического характера, и XX век в определенной мере может служить своего рода эталоном того, как юридическая наука стремилась «подогнать» сформировавшийся на огромных пространствах нашей страны государственный строй (как советского, так и постсоветского периода) под определенную «единственно верную» теорию, шарахаясь из одной крайности в другую, нередко заимствуя не просто чужое, а чуждое национальным традициям и менталитету, населяющих Российскую Федерацию народов и этносов. В том числе и поэтому более востребованным становится опыт тех государств, которые в свое время, испытывая прямое или косвенное воздействие извне, сумели создать такие модели конституционного контроля, которые не похожи на североамериканскую или европейскую. Как констатирует А.А. Клишас, которого нельзя не поддержать, одной из наиболее оригинальных и самобытных из них необходимо рассматривать «иберийскую» модель, разновидностью которой, без какого-нибудь преувеличения, является «процедура ампаро», в течение длительного времени с успехом действующая в Мексике и ряде латиноамериканских государств.

В свою очередь исследование Л.Т. Чихладзе, посвященное становлению и развитию местного самоуправления на всем постсоветском пространстве (за исключением прибалтийских республик), восполнило существовавший пробел в критическом осмыслении закономерных или специфических тенденций, по объективным причинам присущих процессу государственного строительства в масштабах суверенных республик, входивших в состав Советского Союза и объединившихся в Содружество Независимых Государств.

Как ни странно, но парадокс состоял в том, что, акцентируя внимание на анализе истории, теории и практики самоорганизации населения в зарубежных странах, в том числе в таком квазигосударственном образовании, как Европейский Союз, российские ученые оставляли, нередко осознано, за скобками своих работ организацию и деятельность всего того, что ассоциировалось с народами, составлявшими еще недавно единое целое. Заслуга Л.Т. Чихладзе состояла не только в том, что он восполнил имевшийся пробел, но и детальным образом рассмотрел широкий круг вопросов, с которыми столкнулись практически все новые государства при переходе от «советской» централизованной системы к соответствующей модели самоуправления или децентрализованного управления. Исследование носило сравнительно-правовой характер, благодаря которому ученый сумел в деталях изучить особенности генезиса конституционного и муниципального законодательства каждого государства, показав, что при отсутствии какого-то единого шаблона или «стандарта» преобладал дифференцированный подход

к организации управления местными делами, так как одни отдали предпочтение англосаксонской традиции, другие континентальной, третьи смешанной. Это и стало предметом и объектом рассмотрения, о чем свидетельствуют выводы и обобщения, к которым в итоге пришел ученый, обогатив тем самым наши представления о процессах государственного строительства, протекавших на постсоветском пространстве в течение последних десятилетий. В дальнейшем Л.Т. Чихладзе продолжил сравнительно-правовой анализ тенденций.

К настоящему времени в структуре юридического института действуют две «родственные» кафедры — конституционного права и конституционного судопроизводства, возглавляемая доктором юридических наук, профессором В.В. Еремянном, и муниципального права, во главе с одним из его учеников и последователей доктором юридических наук, профессором Л.Т. Чихладзе, целенаправленно и вполне успешно продолжающих многолетние традиции сравнительного правоведения. В этой связи необходимо подчеркнуть, в той или иной степени абстрагируясь от темы статьи, что, исходя из требований стандартов, тенденции, о которых говорилось выше, не утратили актуальности и в современных условиях, вместе с тем компаративизм, объективно выйдя на качественно новый уровень, концентрируется преимущественно в рамках подготовки магистров, аспирантов и докторантов. Тем не менее, ученые обеих кафедр не «выводят за скобки» особенности, имеющие место в зарубежных государствах, где все более ярко и отчетливо проявляются кризисные явления не только базовых ценностей и процедур, но и институтов «западной» модели демократии, которая для многих развивающихся стран служила и продолжает считаться не чем иным, как «примером для подражания».

Материализацией того, о чем идет речь выше, могут служить учебники, подготовленные за несколько последних лет на кафедре конституционного права и конституционного судопроизводства, написанные с учетом традиций, с которыми ассоциируется школа сравнительного правоведения, созданная на базе «объединенной» кафедры теории и истории государства и права в первые годы существования университета, научно систематизированная, получившая апробацию и дальнейшее развитие в исследованиях ведущих профессоров и доцентов, посвятивших свое творчество компаративистике. При этом нельзя не подчеркнуть, что по профессиональному уровню, широте и глубине анализа и стилистике изложения материала учебники по «Конституционному праву зарубежных стран» и «Муниципальному праву зарубежных стран» ничем и практически ни в чем не уступают лучшим образцам литературы подобного рода, в том числе и потому, что представляют собой квинтэссенцию авторских научных концепций, нашедших непосредственное отражение в диссертациях на соискание ученых степеней, монографиях или статьях, под которыми стоит «гриф» школы сравнительного права кафедры и института.

Говоря о монографиях, вышедших за этот период, нельзя не обратить внимание на тот факт, что методология компаративизма активно используется

и в том случае, если предметом и объектом исследования рассматривается в целом процесс становления и развития непосредственных форм демократии и их разновидностей на территории нашей страны, что еще больше расширяет и углубляет круг проблем, лежащих в поле зрения ведущих ученых. Однако на волне роста интереса к национальной истории целесообразность методологии сравнительного правоведения не только не считается чем-то «излишним» или утяжеляющим научный анализ, наоборот, лишь возрастает, так как позволяет проводить аналогии и параллели с тем, что на соответствующем этапе имело место в зарубежных государствах, позиционирующих себя демократическими и «примером для подражания», на практике таковыми не являющимися. Кроме того, осуществляя изучение каких-либо вопросов, вызывающих повышенный интерес со стороны читающей аудитории, сравнительные парадигмы дают нам дополнительную возможность (естественно, при наличии желания ею как-то воспользоваться), абстрагируясь от современных тенденций конституционно-правовых отношений, заглянуть в прошлое, в результате чего подтвердить или опровергнуть представления, сложившиеся по конкретной проблеме. Другими словами, мы не только расширяем традиционную методологию исследования, но и горизонт научного осмысления исторических процессов в части выводов и обобщений, в первую очередь если речь идет о стереотипах, превалирующих над логикой и здравым смыслом на протяжении многих лет. Как ни странно, но именно компаративизм позволяет с этим все более успешно справляться и противопоставлять насчитывающей несколько веков русофобии и двойным стандартам критический научный анализ и объективный взгляд на вещи.

Параллельно без должного внимания кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, ее преподавателей и аспирантов не остаются тенденции, создающие предпосылки для дальнейшего углубления кризиса «западной» модели демократии, охватившего не только Соединенные Штаты, но и ведущие государства Европы, начиная с Германии, принявшей на себя «иммиграционную лавину», или Франции с ее «желтыми жилетами» и заканчивая Соединенным Королевством с «Brexit» и нежеланием составных частей типа Шотландии выходить из состава Европейского Союза. Традиции, заложенные в основание школы сравнительного правоведения и позволявшие в течение десятков лет осуществлять критический и беспристрастный анализ, служат мощным стимулятором и для тех, кто все это время использовал метод компаративизма в своих научных исследованиях, и для тех, кто только делает первые шаги в этом направлении. Особенно актуальным и востребованным это становится на фоне процессов целенаправленного «переписывания истории», которые наблюдаются и все более последовательно активизируются не только в Европе и Соединенных Штатах, но и на постсоветском пространстве, целый ряд стран которого объявили себя «оплотами демократии» и непримиримыми «борцами с тоталитаризмом», где совершенно неожиданно, в первую очередь

для профессиональных ученых, вдруг появляются государства и цивилизации, неизвестные никому, кроме их «создателей», где народы «изобретают колесо» и уникальную в своем роде письменность, «выкапывают моря» и «формируют горные массивы», где есть мореходство (в результате которого открываются и осваиваются континенты), прокладывают дороги и строят многоэтажные дома с водопроводом и канализацией, где, наконец, на свет появляется Спаситель и христианство, тем самым «закладывая» фундаментальные основы всего того, с чем непосредственно связано развитие человечества. Таким образом, если на предыдущей стадии взаимодействия с ортодоксами и апологетами какой-либо точки зрения компаративизм помогал бороться с идеологизацией науки, о ком бы ни шла речь конкретно, то сейчас с ее прямой и латентной фальсификацией, иногда приобретающей характер средневекового мракобесия. Сравнительное конституционное и муниципальное право, если его воспринимать адекватно и непредвзято, дает исследователю не только возможность провести параллели и аналогии с известными формами правления, территориальным устройством и политическими режимами, но и развенчать кочующие из работы в работу мифологемы о предопределенности и объективности демократии «западного» образца, с ее достоинствами и недостатками, которая должна рассматриваться единственным и непререкаемым «примером для подражания».

Благодаря компаративизму мы постепенно начинаем осознавать, что у «них» не всегда и не во всем ценности, процедуры и институты заслуживали и заслуживают того, чтобы о них говорить в превосходной степени (начиная с фиктивной «всеобщности» избирательного права, сегрегации по расовому или иному признаку и заканчивая мультикультурализмом, политкорректностью и толерантностью, нередко доходящими до абсурда и идиотизма), а у «нас», не менее, чем за «вожделенным» и так любимым некоторыми «представителями» либеральной или несистемной оппозиции «бугром», без ложной скромности, есть чем и кем гордиться, так как в тысячелетней (а не равной существованию ряда знаменитых московских театров) истории нашей страны были не только репрессии и лагеря (напомним, что североамериканские индейцы до сих пор живут в резервациях), но и беспримерный подвиг советского народа в Великой отечественной войне, новгородская и псковская вечевая демократия, земские соборы, реформы Ивана III, Ивана IV (в том числе Судебник 1550 года, более чем на сто двадцать лет опередивший английский «Habeas corpus act»), Петра Великого, Екатерины II, Павла I, Александра II, В.И. Ленина и И.В. Сталина, сделавшие национальную государственность одной из величайших в мире. Но самое парадоксальное, что демократии нас учат все те, у кого граждане иного цвета кожи еще в 1960-х годах не имели права учиться, работать и получать медицинские услуги в тех же местах, что и белые, или пола были ограничены в праве избирать и быть избранными (француженки его получили только после Второй мировой войны, а американки лишь через сто тридцать три года после принятия действующей федеральной конституции) в органы государственной

власти или местного самоуправления. Компаративизм дает нам возможность указывать всем им на то, в чем они систематически упрекают нас, намеренно игнорируя свои недостатки и вопиющие нарушения прав и свобод человека. В то же время он показывает, в каком направлении необходимо развивать нашу политическую систему, не повторяя тех ошибок, которые были совершены на том или ином этапе государственного строительства.

Заключение

Отечественное сравнительное правоведение, имея в качестве мощного и во многом уникального фундамента наличие признанных научных школ, в том числе конституционного и муниципального права, с оптимизмом и надеждой смотрит в будущее, прекрасно осознавая тот факт, что перед ним стоят задачи, от решения которых в большей или меньшей степени будет зависеть тот образ, с которым государство, гражданское общество и их институты ассоциируются в глазах широких слоев населения как внутри страны, так и за ее пределами, в частности, подтверждая или опровергая стереотипы типа «тюрьмы народов», «славянских варваров» и других идеологических метафор подобного рода. В отличие от «коллективного запада» у нас огромный потенциал, использовать и популяризировать который нам предстоит в ближайшей перспективе.

Об авторе:

Еремян Виталий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-6271-4568

e-mail: eremyan_vv@pfur.ru

Для цитирования:

Еремян В.В. Школа сравнительного конституционного и муниципального права (часть II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24 № 1. С. 158–169. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-158-169.

Дата поступления в редакцию: 17 июля 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW SCHOOL (PART II)

Vitaliy V. Eremyan

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

The coming calendar year is marked by the fulfillment of the sixtieth anniversary of the Patrice Lumumba University of Peoples' Friendship (later was renamed to Peoples' Friendship University of Russia, RUDN) was founded. Within these sixty years the Faculty of Economics and Law, the Faculty of Law have been operated until the Law Institute, maintaining continuity, took the place. As one of the university graduates and a student of prominent Soviet scholars who stood at the origins of several schools of comparative law that currently exist, the author attempted to follow the dialectical process of formation, development and systematization of the scientific school of comparative constitutional and municipal law that is connected not only with the special nature and features of teaching foreign and domestic students, but also with significant achievements in the field of preparation of candidates in and doctors in this specialty.

Contrary to other universities, comparative legal analysis was using as a basis for preparation of domestic law specialists for the states set free from colonial dependence and that explains the choice of regional and country-specific research model for forms of government, administrative organizational structures, political regimes of leading Asian, African and Latin American states with “socialistic” or “capitalistic” orientation. These mentioned states took the path of independent civilizational development, came through the periods of sovereignization and “decolonization” of wide range of political, economic and social relations. The formation of the “grounds” for African, Latin American, Arab-Muslim, Indian comparative studies is connected with the Department of Theory and History of State and Law, within which the scientific foundation of the school of comparative constitutional and municipal law was laid, the “baton was picked up”, at first, by the Department of Constitutional, Administrative and Financial law, and then by the Department of Constitutional and Municipal law, Constitutional law and Constitutional justice and Municipal law that maintained and updated the best traditions related to the training of Russian and foreign students, postgraduate students and doctoral students. At the present stage, comparative law is experiencing a new stage, caused by interest in the processes taking place in the United States and the European Union.

Key words: constitutional law, municipal law, comparative law, comparative legal analysis, comparativism

About author:

Vitaliy V. Eremyan — Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional law and Constitutional Proceedings of the Russian Peoples' Friendship University

ORCID ID: 0000-0001-6271-4568

e-mail: eremyan_vv@pfur.ru

For citation:

Eremyan, V.V. (2020) Comparative constitutional and municipal law school (Part II). *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 158–169. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-158-169.

Article received July 17, 2019

Article accepted December 25, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-170-185

Информационная статья

НАУЧНАЯ ШКОЛА ИССЛЕДОВАНИЙ ЧАСТНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ: КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В.В. Безбах

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Становление научной школы кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН относится к *середине 60-х гг.* прошлого столетия. Первоначально кафедра была создана как кафедра гражданского и уголовного права, и соединённый ею научно-педагогический коллектив обеспечивал учебный процесс по важнейшим составляющим высшего юридического образования, функционируя как некий микрофакультет. Однако и в этот период мощный задел в частнопроводном научном поиске был достигнут усилиями таких выдающихся цивилистов, как проф. С.Н. Братусь (первый зав. кафедрой), проф. Е.А. Флейшиц, проф. А.И. Маковский, а также молодых доцентов Р.Л. Нарышкиной¹, В.К. Пучинского (заместителя декана факультета в 60-е годы) и еще более молодых ассистентов Г.Н. Будневой, Л.М. Чупруновой, проф. В.И. Смолярчук (в 70-е гг. заведующий кафедрой, декан факультета, проректор), Ф.М. Решетникова, Б.Н. Жаркова, В.А. Пантелеева, Е.А. Шеина, Н.А. Боровикова, Л.Л. Ананян.

В *семидесятые годы* на кафедру пришёл новый заведующий, впоследствии — декан факультета и проректор университета, д.ю.н., профессор В.П. Мозолин, усилиями которого при поддержке коллег кафедры теории и истории

© Безбах В.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

¹ Риммой Леонидовной Нарышкиной были подготовлены и опубликованы монографии по зарубежному праву, до сих пор сохраняющие в научном и методическом отношении свою ценность: Нарышкина Р.Л. Источники гражданского и торгового права буржуазных государств. М.: Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1965; Нарышкина Р.Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1965.

государства и права во главе с д.ю.н., проф. О.А. Жидковым на факультете была создана уникальная не только для того времени школа сравнительно-правовых исследований.

В области частного права основные труды этой школы создавались под руководством проф. В.П. Мозолина его учениками, выпускниками аспирантуры М.И. Кулагиным (юридические лица в развитых зарубежных странах, правовое регулирование иностранных инвестиций в развивающихся странах), В.В. Безбахом (право собственности в странах Африки и Латинской Америки), В.М. Зайцевым (правовое положение государственных предприятий в латиноамериканских странах), А.Г. Лордкипанидзе (правовое регулирование внешней торговли). Основоположники и руководители этой школы, цивилист, профессор В.П. Мозолин, и историк права, профессор О.А. Жидков, внесли немалый личный вклад в признание сложившегося направления правовых исследований юридической ответственностью страны. Именно в этот период увидел свет целый ряд новых монографий, посвященных этому направлению². «Право США и экспансия американских корпораций» (В.П. Мозолин, 1974), «Антитрестовское законодательство США» (1976, О.А. Жидков), под их редакцией стали выходить сборники актов зарубежного законодательства³, внедрялись в учебный процесс новые специальные курсы (в частности, профессором О.А. Жидковым — «Сравнительное право», «Антимонopolное право»; профессором В.П. Мозолиным совместно с В.В. Безбахом, В.М. Зайцевым и В.М. Телициным — «Гражданское право развивающихся стран», по земельному, аграрному и экологическому праву — В.В. Безбахом, В.М. Телициным, по трудовому праву зарубежных стран (Н.А. Муциновой)⁴. Спецкурс по предпринимательскому праву был разработан заслуженным деятелем науки Российской Федерации, д.ю.н., профессором М.Г. Масевич, которая вместе с молодыми преподавателями продолжала читать его вплоть до недавнего времени.

На *восемидесятые годы* пришлись новые вехи в деятельности кафедры. После перехода профессора В.П. Мозолина в Институт государства и права Академии наук кафедру в 1981 году возглавил известный специалист в области гражданского процессуального права, основоположник компаративистского

² См. Мозолин В.П. *Право США и экспансия американских корпораций*. М., 1974; Мозолин В.П. *Личность, право, экономика современной Индии*. М.: Наука, 1979; *Гражданское и торговое право капиталистических стран*. Учеб. пособие для вузов по спец. «Правоведение». [В. П. Мозолин, О. А. Жидков, М. И. Кулагин и др.]. Под ред. В. П. Мозолина, М. И. Кулагина. — М.: Высш. школа, 1980; *Советское и иностранное гражданское право: (Пробл. взаимодействия и развития)* / [В. В. Безбах, М. И. Кулагин, В. П. Мозолин и др.]; Отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Наука, 1989.

³ *Гражданское и торговое право капиталистических государств: Сборник нормат. актов для студентов фак. экономики и права / Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра гражд. и уголовного права*. Составитель — проф. В.П. Мозолин. М.: [б. и.], ч. 1 — 1973, ч. 2 — 1974.

⁴ Муцинова Н.А. *Трудовое право развивающихся стран*. М.: Издательство Университета дружбы народов, 1989.

подхода к исследованиям гражданского процесса, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор В.К. Пучинский. При нём произошло разделение, результатом которого стало появление двух новых кафедр — кафедры гражданского и трудового права, а также кафедры уголовного права и процесса.

Профессор В.К. Пучинский был одним из ведущих российских ученых в области науки о правосудии. Он сформировал и фактически возглавлял в российской юриспруденции научное направление, охватывающее проблемы юстиции в развитых и развивающихся государствах. Усилия профессора В.К. Пучинского по созданию основ уникальных сравнительно-правовых направлений научных исследований на кафедре не поддаются переоценке.

Вместе с доц. М.И. Кулагиным проф. В.К. Пучинский организовал подготовку к выпуску в свет прецедентных для отечественного правоведения аннотированных сборников правовых актов по гражданскому и торговому праву зарубежных стран («Гражданские и торговые кодексы капиталистических стран», — совместно с М.И. Кулагиным; «Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции», — совместно с М.И. Кулагиным; «Авторское право», 1988, совместно с М.Н. Кузнецовым; «Обязательственное право капиталистических стран», 1989, совместно с М.И. Кулагиным). Впервые увидел свет первый и до сих пор остающийся в отечественной литературе единственным сборник «Гражданские кодексы стран Латинской Америки» (1988, отв. ред. В.В. Безбах, предисловие О.А. Жидкова).

Памяти о профессоре В.К. Пучинском служат ежегодно проводимые кафедрой научные конференции, посвященные сравнительному праву и проблемам частноправового регулирования имущественных отношений. Преподавательская и исследовательская деятельность на кафедре стала благодаря ему единым комплексом материальных и процессуальных составляющих цивилистической научной материи⁵.

Исключительно большой вклад в научную деятельность кафедры внес выдающийся цивилист Михаил Иванович Кулагин. Его фундаментальный труд, посвященный институту юридического лица в зарубежном праве, впоследствии неоднократно переиздавался, в том числе издательством «Статут» в серии «Классика российской цивилистики»⁶.

⁵ Этот комплексный подход профессор В.К. Пучинский отразил в наименовании и содержании курса, читаемом с 2000-х гг. для студентов магистратуры: «История науки материального, процессуального гражданского и трудового права».

⁶ См. М.И. Кулагин. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо.; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987; М. И. Кулагин. Предпринимательство и право: опыт Запада. Предисл. и науч. ред. Суханова Е.А. М.: Дело, 1992; Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву / М.И. Кулагин. [2-е изд., испр.]. М.: Статут, 2004 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Каф. гражд. права, юрид. фак.).

Нельзя не отметить и курс по кооперативному праву развивающихся стран, подготовленный и читавшийся проф. Н.А. Боровиковым, — это был первый в стране курс, системно раскрывавший источники права, регулировавшего деятельность кооперативов, а также их виды и порядок ведения дел в них⁷.

Спецкурс по страховому праву подготовил В.Г. Ульянищев, защитивший в 1982 г. первую в стране диссертацию, посвящённую страхованию внедоговорной гражданской ответственности в советском и иностранном праве, а впоследствии много и плодотворно работавший над курсом римского частного права⁸.

В эти же годы пришла на кафедру О.В. Протопопова, выпускница аспирантуры МГУ им. М.В. Ломоносова, защитившая диссертацию, посвящённую авторскому договору во внешней торговле⁹, и обогатившая преподавание авторского права. Впоследствии ею было приложено немало усилий по наполнению новым содержанием основного курса по российскому гражданскому праву. Следует также отметить, что О.В. Протопопова провела огромную работу по организации на факультете Студенческого консультационного бюро (СКБ), — оригинальной практической лаборатории, позволяющей студентам бакалавриата и магистратуры с помощью преподавателей и аспирантов приобретать навыки оказания консультационной помощи реально нуждающимся в ней людям. Под её руководством СКБ продолжает свою успешную деятельность и в настоящее время.

Репутация кафедры как сложившегося и плодотворного коллектива, реализующего широкую программу сравнительно-правовых исследований в области частного права, окрепла в восьмидесятые годы благодаря выходу в свет в начале и в конце этого десятилетия учебных пособий, удостоенных грифа Министерства образования: по гражданскому праву индустриально развитых стран¹⁰, гражданскому и семейному праву развивающихся стран, последнее из которых до настоящего времени остаётся, к сожалению, единственной работой такого рода в отечественном правоведении¹¹.

⁷ Боровиков Н.А. Правовое положение кооперативов в развивающихся странах Азии и Африки: Учеб. пособие. М.: УДН, 1984; Н.А. Боровиков. Правовое регулирование деятельности кооперативов в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1985.

⁸ Ульянищев В.Г. Страхование: Учеб. пособие; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1986; Римское гражданское право: Учеб. пособие; Гос. ком. СССР по нар. образованию. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1989; Римское право: Учеб. пособие. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000; Римское частное право: конспект лекций. Российский ун-т дружбы народов, Юридический фак. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2016.

⁹ Протопопова О.В. Авторский договор во внешней торговле СССР: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Москва, 1986

¹⁰ Гражданское и торговое право капиталистических стран. Под ред. В.М. Мозолина и М.И. Кулагина. М.: Высшая школа, 1980.

¹¹ Гражданское и семейное право развивающихся стран. Под ред. В.К. Пучинского и В.В. Безбаха. Уч. пособие с грифом Госкомитета СССР по народному образованию. М.: Издательство УДН, 1989. В пособии освещались принципы, источники гражданского права в развивающихся странах, статус субъектов гражданско-правовых отношений, а также основные институты: право собственности, обязательственное, наследственное и семейное право.

Эта репутация обусловила приглашение учёных кафедры к сотрудничеству с издательством «Прогресс», организовавшем в те годы выпуск серии изданий, посвящённых законодательству зарубежных стран. В этой серии были изданы переводы конституций и законодательных актов Мексики, США (с участием В.В. Безбаха)¹², Франции (с участием проф. В.К. Пучинского)¹³ и др.

Девяностые годы, столь драматично сложившиеся для всей страны, затронули и кафедру гражданского и трудового права. В 1990 г. кафедра и факультет были потрясены неожиданной смертью М.И. Кулагина, талантливого преподавателя, яркого молодого учёного, автора блестящих работ по зарубежному частному праву, в особенности по акционерному праву Франции. В 1995 г. не стало профессоров В.И. Смолярчука и Н.А. Боровикова, огромный научно-педагогический опыт которых очень много значил для кафедры. Некоторые преподаватели младшего поколения сменили педагогическое поприще на практическую работу. Между тем глубокие перемены в экономической и социальной жизни нашей страны, реформа её правовой системы, радикальное обновление законодательного массива требовали отражения в содержании обеспечиваемых кафедрой дисциплин, подготовки новых курсов, модернизации всех элементов образовательного процесса.

Кроме того, новые задачи возникли перед кафедрой, как и перед всем факультетом в целом, в контексте осуществления перевода учебного процесса на двухступенчатый уровень, впервые в стране инициированный в Российском университете дружбы народов (вторая половина 80-х гг.). Поставленная перед необходимостью решать новые задачи, кафедра приняла вызовы времени. Бремя решения этих задач приняли на себя в эти годы наряду с преподавателями старшего поколения новые педагогические силы. Это, прежде всего, проф. Ермакова Е.П., плодотворно работающая в области гражданского и арбитражного процесса. Защищённая ею в 2000 г. диссертация по доказательствам в гражданском процессе стран Латинской Америки остаётся до настоящего времени первопроходческой в российской науке сравнительного гражданского процессуального права. Доц. Е.П. Ермакова совместно с доц. Е.В. Ситкаревой организовали регулярное проведение студенческих конференций-имитаций судебных процессов. Е.П. Ермакова осуществляет научное руководство программой специализации по гражданскому и арбитражному процессу в магистратуре и, кроме того, долгие годы участвовала в работе диссертационного совета в качестве его учёного секретаря.

Трудно переоценить вклад, внесенный в обеспечение учебного процесса по дисциплинам, кафедры такого преподавателя, как выпускника кафедры Е.П. Ро-

¹² Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты. Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Прогресс, 1986.

¹³ Французская Республика: Конституция и законодательные акты. Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Прогресс, 1989.

гова, которая обладала колоссальным опытом практической работы и щедро делилась им со студентами.

В числе трудов, составляющих методологическую основу преподавания спецкурса по семейному праву, следует отметить работу ст. преп. к.ю.н. А.А. Пухарта подготовившего и опубликовавшего интересное и содержательное монографическое исследование¹⁴. Интересное исследование правового регулирования трудовой миграции, осложненной иностранным элементом, выполнил к.ю.н., доц. Н.Г. Бай¹⁵.

В 1996 г. кафедре возглавил один из авторов этой статьи, выпускник Университета дружбы народов, область научных интересов которого также находилась и находится в сфере сравнительного правоведения.

В конце 90-х — начале 2000-х гг. в научно-педагогический коллектив кафедры влились выпускники аспирантуры. Ковалёв С.И., диссертация которого была посвящена вопросам доверительного управления имуществом в российском и зарубежном праве (1999); Одинцов С.В. (Правовое регулирование в Российской Федерации индивидуализации коммерсантов и производимых ими товаров и оказываемых услуг, 2001), Н.Ю. Четвергова (Правовая охрана конкурентной среды в Российской Федерации и Европейском Союзе. М., 2004), Артемьева Ю.А. (Рассмотрение арбитражными судами РФ споров, вытекающих из налоговых правоотношений, 2003), Е.В. Ситкарева (Международный коммерческий арбитраж: Оспаривание решений. М., 2005), С.П. Посохов (Ответственность за нарушение договорных обязательств в праве Российской Федерации и стран Европейского Союза, 2006), Ивановская Н.В. (Гражданско-правовая ответственность за причинение экологического вреда, вызванного действием техногенных факторов, 2007), Беликова К.М. (Правовая охрана конкурентной среды в странах МЕРКОСУР, 2007), Бадаева Н.В. (Владение и владельческая защита в зарубежном и российском гражданском праве, 2009), Кривенко О.А. (Доверительная собственность на недвижимое имущество в английском праве, 2009), Русакова Е.П. (Рассмотрение торговых споров в международных коммерческих арбитражах Англии, 2010), Чумаченко И.Н. (Способы обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору в праве Индии, 2017). Их приход на кафедру придал новую энергию творческому поиску, углублению и расширению сферы ведущихся кафедрой научных исследований.

В 1999 г. увидело свет очередное учебное издание сравнительно-правового содержания, подготовленное учеными кафедры в сотрудничестве с коллегами из других кафедр и посвященное праву Европейского союза¹⁶. В 2004 г. кол-

¹⁴ Пухарт А.А. Правовое регулирование в России отношений по усыновлению: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. Москва, 2013.

¹⁵ Бай Н.Г. Трудовая миграция в государствах Таможенного союза и ЕС. М.: РУДН, 2014.

¹⁶ Право Европейского союза: Правовое регулирование торгового оборота. Под ред. В.В. Безбаха, В.К. Пучинского и А.Я. Капустина. М.: Зерцало, 1999.

лективные усилия кафедры при участии коллег из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ознаменовались выходом из печати учебника по гражданскому и торговому праву зарубежных стран, удостоенного грифа высшей школы¹⁷.

Кафедра продолжала пополняться новыми молодыми преподавательскими силами из числа выпускников аспирантуры, в их числе кандидатам юридических наук К.В. Балакиным, Д.А. Беловой, А.С. Ивановым, М.В. Раздолькиным и др.

Иностранцы выпускники кафедры работали и работают за рубежом, выполняя важные функции в системе органов государственной власти и управления, образования, в частности, Хайме Эдмундо Гарридо (Чили), Универсина Бранка д'Авила (Бразилия), Сюзан Колимба (Танзания), Руй Жанди (Гвинея-Бисау), Чхорн Пролынг (Кампучия), Омар Шариф (Палестина), Тибурсио Родригес (Панама), и многие другие. Некоторые из них принимали участие в обеспечении учебного процесса на нашем факультете, входили в состав авторских коллективов учебников и учебных пособий (Берта Алисия Герреро Перес, Панама). Правоведы кафедры активно участвовали в совместных научных проектах, реализуемых другими научными и образовательными учреждениями. Совместно с учеными из Института государства и права Академии наук СССР была выпущена монография, подготовленная интернациональным коллективом авторов и посвященная взаимодействию советского и иностранного гражданского права, в подготовке которой приняли участие М.И. Кулагин и В.В. Безбах¹⁸. Нельзя не упомянуть об участии правоведов кафедры в подготовке фундаментального пятитомного труда по антологии мировой правовой мысли¹⁹. В частности, разделы третьего тома, посвященные Вильяму Блэкстону, Иеремии Бентону, Оливеру Венделлу Холмсу, Джону Остину, Роско Паунду, Карлу Никерсону Ллевелину, Бенджамину Натану Кардозо были подготовлены, В.В. Безбахов²⁰.

Ученые кафедры, Безбах В.В., Беликова К.М., Ермакова Е.П., Ковалев С.И., принимали участие в осуществлении проекта Института законодательства и сравнительного правоведения по изданию на русском языке текстов конституций стран Латинской Америки²¹. В другом проекте этого же научного

¹⁷ Гражданское и торговое право зарубежных стран. Под ред. В.В. Безбаха и В.К. Пучинского. М.: МЦФЭР, 2004.

¹⁸ Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития) / В.В. Безбах, Г. Блей, В. Кнапп, М.И. Кулагин и др.; Отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Наука, 1989.

¹⁹ Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М.: Мысль, 1999.

²⁰ Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. III. Европа. Америка. VVII–XX вв. Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Мысль, 1999.

²¹ Конституции государств Америки. Т. 3. Южная Америка. Отв.ред. Т.Я. Хабриева. М.: Норма, 2006.

учреждения, посвященного иностранному гражданскому праву, принимала участие К.М. Беликова²².

В учебнике гражданского права, который был создан кафедрой гражданского и семейного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), принимал участие В.В. Безбах (разделы по иностранному гражданскому праву)²³. Он же участвовал в подготовке к зарубежному изданию этого учебника на английском языке²⁴.

В осуществлении проекта Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова (ныне Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова), посвященного роли права в экономическом обороте, приняли участие В.В. Безбах, К.М. Беликова, А.Н. Кирсанов, О.А. Кривенко, М.Г. Масевич, В.Ф. Понька²⁵.

В проекте Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, посвященном проверке судебных постановлений в гражданском процессе зарубежных стран, приняли участие Е.П. Ермакова (главы «Испания» и Португалия») и Е.В. Ситкарева (глава «Франция»)²⁶.

В научно-педагогической деятельности кафедры нельзя не упомянуть направлений, актуальность которых не только не снижается до настоящего времени, но и заслуживает поддержки новыми трудами кафедры. Одним из таких направлений стало начатое на рубеже 70–80 гг. проф. В.И. Смолярчуком преподавание спецкурса по ораторскому искусству и ознакомление студентов с деятельностью выдающихся русских прогрессивных юристов XIX в. Начав чтение этого спецкурса, он опубликовал несколько посвященных им ярких работ. В одной из них, обращаясь к деятельности Анатолия Федоровича Кони, он немало внимания уделил отношению этого выдающегося правоведа и судебного оратора к вопросу о соотношении духа и буквы закона. Этим вопросом он увлекал и студентов своего курса. На его семинарах неизменно возникали горячие дискуссии о том, был ли А.Ф. Кони врагом «механического применения статей закона», сторонником «властолюбивого судебского усмотрения», или, следуя

²² Основные институты гражданского права зарубежных стран. Отв. ред. В.В. Залесский. М.: Норма, 2009.

²³ Гражданское право. Часть первая / Авт. кол.: Н.Н. Агафонова, С.В. Артеменков, В.В. Безбах [и др.]; Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юрист, 2008. Гражданское право: Учебник: В 3-х т. Т. 3 / В.В. Безбах, Д.А. Белова, Г.К. Дмитриева [и др.]; Отв. ред. В.П. Мозолин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012.

²⁴ *Russian Civil and Commercial Law. Vol. One. General Provisions. Ownership*. Edited and Translated, with Annotations, by William E. Butler. L.: Wildy, Simmons & Hill Publishing Ltd, 2009.

²⁵ Сравнительное право. Частноправовое регулирование имущественного оборота в разнотипных правовых системах. Под ред. В.В. Безбаха, В.П. Серегина, Т.П. Данько. М.: ГОУ ВПО "РЭА им. Г.В. Плеханова", 2009.

²⁶ Проверка судебных постановлений в гражданском процессе (российский и зарубежный опыт): Учебное пособие / Под ред. проф. Е.А. Борисовой. М.: Издательский дом «Городец», 2018. С. 672.

завету А.С. Пушкина, «свободною душою закон боготворил»²⁷. Не меньший интерес, как известно, вызывают такие вопросы и у современных российских студентов.

Касаясь значения стиля судебных речей, правовой риторики, подчеркивал, что юридическую общественность России второй половины XIX в. украшали имена К.К. Арсеньева, П.А. Александрова, С.А. Андреевского, А.Л. Боровиковского, В.П. Гаевского, Н.П. Карабчевского, А.С. Нежинского, А.Я. Пассовера, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова и др., неизменно следовавших утверждению профессиональной этики адвоката обращением к нравственным истокам и духовным традициям адвокатуры. В своем курсе и в своих трудах В.И. Смоллярчук отмечал, что в числе ценных качеств оратора правдивость, искренность речи, которые, указывал он, достигаются и принципами личной жизни оратора, призванными подчинять его правилам морали и напоминать ему о собственной репутации²⁸.

Другим таким направлением стало начатое в начале 80-х гг. проф. Н.А. Боровиковым преподавание кооперативного права и освещение правового регулирования деятельности кооперативов в зарубежных (развивающихся) странах. Опубликованная им монография, затронувшая широкий спектр вопросов, от роли кооперативов в социально-экономическом развитии до характеристики правового положения отдельных их видов, от правового режима их имущества и до порядка организации их деятельности, до сих пор остается едва ли не единственной на русском языке работой, отражающей попытку комплексного освещения важных в теоретическом и практическом отношении вопросов, относящихся к кругу стран, в которых проживает подавляющее большинство населения планеты²⁹. Между тем это направление научных исследований имеет несомненное значение и для современной России. Текущее законодательство Российской Федерации содержит немало положений, определяющих правовые и экономические основы создания и деятельности кооперативов различных видов, однако научные и дидактические материалы, призванные содействовать созданию у читателя широкого представления о возможностях, представляемых организационно-правовой формой кооператива в сфере производства и потребления, появляются в современных университетских изданиях гораздо реже, чем того заслуживает кооперация как экономическое и социальное явление.

Обращение к истории науки отечественного гражданского права было впоследствии поддержано В.В. Безбахом, который был удостоен приглашения к

²⁷ См. Смоллярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. М.: Наука, 1981.

²⁸ Смоллярчук В.И. Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX века. М.: Юрид. лит., 1984.

²⁹ Боровиков Н.А. Правовое регулирование деятельности кооперативов в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Издательство Университета дружбы народов, 1985.

участию в монографии, посвященной развитию русского права в XIX в., подготовленной в Институте государства и права РАН³⁰.

Неоднократно кафедра откликалась и на приглашения к участию в комментировании Гражданского кодекса Российской Федерации³¹, Гражданского процессуального кодекса РФ³² и Арбитражного процессуального кодекса РФ³³. Научная деятельность кафедры не могла не поставить вопрос об основных акцентах и подходах в определении содержания ведущихся исследований. Наиболее плодотворным признавался институциональный подход к освещению и анализу исследуемых вопросов³⁴. Однако он не вытеснил из поля зрения кафедры подходы более широкого, суботраслевого формата. Так, в учебном пособии по гражданскому и торговому праву Европейского союза институционально рассматривались договорное право, представительство и посредничество (проф. В.В. Безбах, проф. К.М. Беликова), купля-продажа (проф. В.М. Телицин), «широкоформатно» — поддержание и защита конкуренции, защита прав потребителей, акционерное право ЕС (доц. А.Н. Кирсанов, проф. В.Ф. Понька). Широкий формат указывает, по существу, на акцентирование авторами особенностей правового регулирования тех или иных отношений в условиях воздействия на

³⁰ В.В. Безбах. Гражданское право. В кн.: Развитие русского права во второй половине XIX — начале XX века. Глава 4. Отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1997. С. 140–174. — В данном разделе характеризовалось освещение русской цивилистической наукой основных гражданско-правовых институтов вещного и обязательственного права, учения о юридических лицах, а также взаимодействие русской цивилистической доктрины со школами естественного и исторического права.

³¹ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Н.Н. Агафонова, С.В. Артеменков, В.В. Безбах [и др.]; под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малениной. М.: НОРМА, 2004; Авилов Г.Е., Безбах В.В., Брагинский М.И. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садинова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2005.

³² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий ученых-правоведов под руководством Л.Ф. Лесницкой / Ермакова Е.П. [и др.] М., Изд. «Библиотечка «Российской газеты», 2003; см. также: Ермакова Е.П. Гражданский процессуальный кодекс РФ // Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2 томах / ред. совет: С. Е. Нарышкин (пред.) и др. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. Т. 2. в 2 Кн.: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации 1993–2013. Кн. 1 (А–М) / отв. ред. А. Н. Аринин. С. 270–276.

³³ Ермакова Е.П. Арбитражный процессуальный кодекс РФ // Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2 томах / ред. совет: С. Е. Нарышкин (пред.) и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. Т. 2. в 2 Кн.: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации 1993–2013. Кн. 1 (А–М) / отв. ред. А.Н. Аринин. С. 276–280.

³⁴ Следует отметить в этом контексте весьма содержательную монографию Н.В. Бадаевой («Владение и владельческая защита в зарубежном и российском гражданском праве»). М.: Юриспруденция, 2012), а также монографию Н.А. Ковыршиной — «Гражданское судопроизводство в монархиях Арабского Востока. М.: РУДН, 2013». Этот же подход характеризует монографию А.А. Пухарта («Правовое регулирование в России отношений по усыновлению». М., 2016), а также Н.Г. Бая (Правоотношения трудовой миграции, осложненные иностранным элементом, 2015). Наиболее масштабной работой, выполненной в русле институционального подхода, выступает защищенная в 2011 году докторская диссертация В.Ф. Поньки «Правовое регулирование ипотечных отношений в России и США».

него интеграционных экономических факторов. По этой причине научный коллектив пришел к выводу о том, что некоторые явления права ЕС целесообразно освещать в формате межотраслевого подхода. Именно такой подход был применен при подготовке разделов пособия, посвященных гражданско-правовой ответственности предпринимателей за экологический ущерб (доц. Н.В. Ивановская), регламентации отношений по найму рабочей силы посредством норм трудового и гражданского права (проф. Н.А. Муцинова). Следовал аналогичному подходу и Н.Г. Бай, посвятивший свою кандидатскую диссертацию правовому регулированию трудовой миграции, осложненной иностранным элементом (2013).

Применение же собственно межотраслевого подхода оказалось, в частности, оправданным при освещении роли и значения закрепляемых Европейским судом правосудия (Court européenne de justice) принципов для регулирования отношений в сфере гражданского и торгового оборота (проф. В.В. Безбах, проф. К.М. Беликова). Близкий подход избран Е.П. Ермаковой и Е.В. Ситкаревой в их труде, посвященном рассмотрению частноправовых споров в Европейском союзе.³⁵ Схожей характеристики заслуживает и весьма интересное исследование, выполненное Ю.А. Артемьевой в диссертации, посвященной рассмотрению арбитражными судами РФ споров, вытекающих из налоговых правоотношений.

В 2000-е гг. сравнительно-правовые акценты научно-исследовательской работы кафедры сохранялись и усиливались, причем в весьма широком диапазоне.

Неизменно большое место в сфере развиваемых кафедрой научных направлений занимают исследования латиноамериканской цивилистики. Одним из последних по времени появления трудов кафедры стала коллективная монография, посвященная кодификации гражданского законодательства. Наряду с вопросами, касающимися становления кодификационных процессов в странах этого региона, авторский коллектив в составе В.В. Безбаха, Н.В. Бадаевой, К.М. Беликовой, Е.П. Ермаковой, Бертой Алисией Герреро Перес, В.Ф. Поньки, С.П. Посохова, О.В. Протопоповой, Е.В. Ситкаревой, В.М. Телицына сосредоточил внимание на исследовании концепций юридического лица, отражаемых правовой наукой и законодательством латиноамериканских стран, освещении проблематики вещных прав, договорных и деликтных обязательств, наследственного и брачно-семейного права. В монографии освещены также подходы, вырабатываемые нормотворчеством и правовой доктриной латиноамериканских стран для решения задачи охвата кодификацией норм, относящихся к международному частному праву.

³⁵ Ермакова Е.П., Ситкарева Е.В. Право Европейского союза: порядок разрешения частноправовых споров. М.: Юрлитинформ, 2016.

Кроме того, монография затрагивает еще два комплекса тем. Во-первых, её содержание включает в себя достаточно широкий круг вопросов кодификации гражданского процессуального права в латиноамериканских странах, — от становления кодификационных процессов и достигнутых результатов в отдельных странах до характеристики тенденций развития процессуального гражданского права в начавшемся столетии. Во-вторых, в ней освещаются этапы развития международного коммерческого арбитража в странах Латинской Америки³⁶.

Следует отметить, что одним из первых обращений к решению задачи освещения кодификации гражданского законодательства в латиноамериканских странах стало опубликование в переводе на русский язык извлечений из гражданских кодексов Бразилии, Колумбии, Мексики, Перу Эквадора, а также вступительными статьями, посвященными общей характеристике гражданского законодательства названных стран³⁷.

Плодотворность страноведческого подхода нашла свое подтверждение в трудах кафедры. Особенно ярко она проявилась в ходе исследований проблем гражданского процессуального права, которые ведет доцент Е.П. Ермакова³⁸. Следуют этому подходу и авторы работы, посвященной материальному и процессуальному гражданскому законодательству в странах азиатско-тихоокеанского региона (В.В. Безбах, К.М. Беликова, Н.В. Бадаева, Е.П. Ермакова, Н.В. Ивановская, Е.В. Ситкарева, Е.П. Русакова, О.В. Протопопова), а также авторы посвященной праву стран БРИКС работы, вышедшей в свет под редакцией проф. К.М. Беликовой³⁹.

Заслуживают выделения в отраслевых исследованиях кафедры и общие работы в области международного частного права. Их в течение многих лет плодотворно профессор М.Н. Кузнецов и профессор В.В. Безбах⁴⁰.

Разрешению споров, этой важнейшей функции правоприменения, всегда уделяется огромное внимание в высшем юридическом образовании. Выдаю-

³⁶ См. *Право стран Латинской Америки: кодификация материального и процессуального гражданского права*. Под ред. В.В. Безбаха и В.Ф. Поньки. М.: РУДН, 2013.

³⁷ Речь идет об учебном пособии «Гражданские кодексы стран Латинской Америки. Отв. ред. В.В. Безбах. М.: Изд-во РУДН, 1988», подготовку к публикации которого выполнили В.В. Безбах, В.М. Зайцев и В.М. Телицин. Оно, впрочем, имело прочную основу в виде опубликованного ранее в Университете дружбы народов учебного пособия «История государства и права стран Латинской Америки. Под ред. О.А. Жидкова. М.: Издательство Университета дружбы народов, 1967» Выдающийся историк права профессор О.А. Жидков предварил текст пособия 1988 года вступительной статьей.

³⁸ См. Ермакова Е.П. *Гражданский процесс, арбитраж и медиация в Гонконге, Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Филиппинах*. Монография. М.: Юрлитинформ, 2015.; см. также: Ермакова Е.П. *Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг.* (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция). Монография. М.: Изд. Инфотропик, 2018.

³⁹ *Национальные особенности и перспективы унификации частного права стран БРИКС*. Т. 1 и 2. Под ред. К.М. Беликовой. М.: РУДН, 2015.

⁴⁰ Кузнецов М. Н. *Введение в международное частное право: теоретико-правовое исследование*. М.: РУДН, 2014; Кузнецов М.Н. *Международное частное право. Общая часть*. М.: РУДН, 2015; V.V. Bezbakh, E.V. Sitkareva (eds.). *Current trends in Private International Law*. М.: RUDN University Press, 2017.

щимся исследователем этой функции был многолетний заведующий кафедрой, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В.К. Пучинский. Заложенное им сравнительно-правовое направление изучения гражданского процесса продолжает оставаться в центре внимания преподавателей кафедры. В их трудах оно получает дальнейшее развитие, отражающее многообразие способов и форм разрешения правовых споров в современном мире.

Одним из таких трудов выступает подготовленное преподавателями кафедры коллективное монографическое исследование способов разрешения споров в разносистемных правовых порядках, призванное служить учебным пособием для тех, кто изучает иностранное право либо интересуется им⁴¹.

Это издание привлекает особое внимание тем, что обозревает вопросы разрешения споров в необычайно широком структурном и страноведческом диапазоне. Подвергая рассмотрению споры как частноправового, так и публично-правового характера, авторы демонстрируют особенности их разрешения в странах континентальной и общей системы права (*civil law and common law countries*). Производство дел государственных они освещают с учетом применения видеоконференций в Интернете (*automatic processing*). Далее, они ведут речь об альтернативных способах разрешения споров (международный коммерческий арбитраж, медиация, онлайн-разрешение). Разрешение частноправовых споров подвергается сопоставительному освещению не только на примере правовых порядков крупнейших западных стран (Англия, Германия, США, Франция), но и на примере правовых порядков стран Африки (Ангола, Гана, Камерун, ЮАР), Арабского Востока (Бахрейн, Иордания, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия), Латинской Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика). Порядок рассмотрения публично-правовых споров освещается на примере европейских стран (Англии и Франции), а также на примере Китайской Народной Республики (споры из административных отношений). И в концептуально-понятийном и, разумеется, в страноведческом аспектах это издание выступает в российском правоведении результатом осуществления прецедентного исследовательского проекта.

Разрешению споров посвящена и другая коллективная монография, вышедшая в свет под общей редакцией профессора Е.Е. Фроловой⁴² и доцента Е.П. Ермаковой⁴³. В ней внимание сосредоточено на спорах, возникающих меж-

⁴¹ Способы разрешения споров в разносистемных правовых порядках. М.: Инфотропик Медиа, 2017, (авторский коллектив: Ю.А. Артемьева, Е.П. Ермакова, Н.А. Ковыршина, Е.П. Русакова).

⁴² В 2016 г. кафедру возглавила д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Е.Е. Фролова.

⁴³ Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония). Монография. Под ред. Е.Е. Фроловой и Е.П. Ермаковой. М. Изд. Инфотропик Медиа, 2019.

ду потребителями и поставщиками финансовых услуг и продуктов, то есть на финансовых спорах. Исследуются вопросы гражданского судопроизводства, арбитража, медиации в ряде государств Азиатско-Тихоокеанского региона: Австралии, Индии, Индонезии, Китая (включая Гонконг), Малайзии, Новой Зеландии, Сингапура, США, Таиланда и Японии. Авторскому коллективу (Ю.А. Артемьева, Е.П. Ермакова, Н.В. Ивановская, О.В. Протопопова, Е.П. Ермакова, Е.В. Ситкарева, Е.Е. Фролова) удалось избрать весьма плодотворный подход к выявлению и исследованию широкого круга проблем в столь обширном и интенсивно развивающемся финансовом регионе.

Следуя этому подходу, авторы раскрыли понятие финансовых споров, которым оперирует практика, доктрина и законодательство перечисленных стран АТР, осуществили их классификацию, охарактеризовали финансовые системы, сложившиеся в отдельных странах, и осуществили последовательный анализ порядка арбитражного и альтернативного разрешения таких споров, завершив его акцентированием внимания на защите прав потребителей финансовых услуг.

Внимание читателей этой монографии привлечено к оценке влияния на содержание и предоставление финансовых услуг переходом стран АТР к цифровой экономике и финансовой интеграции.

Освещением концептуально новых подходов наполнен раздел монографии, посвященный исламским банкам и их международным операционным центрам. О значении финансовых услуг, оказываемых такими банками, свидетельствует объем их капитала, приближающийся к концу нынешнего десятилетия к четырем триллионам долларов и продолжающий сохранять тенденцию к росту. Авторы показали, что эффективное правоприменение в сфере их деятельности выступает едва ли не важнейшим залогом их успешного функционирования. Они выявили особенности такого правоприменения, проистекающие из того обстоятельства, что деятельность исламских банков регламентируется нормами шариата либо положениями учитывающих такие нормы национальных законодательных актов. Высокий уровень соблюдения названных норм и положений достигается применением санкций за их нарушение, предусматривающих не только гражданско-правовую, но и уголовную ответственность.

Другим фактором эффективности правоприменения в сфере деятельности исламских банков, обнаруженным исследователями, выступают разрабатываемые особые модели договоров, опосредующих предоставляемые ими финансовые услуги («стандарты шариата» для исламских банковских контрактов).

В трудах, раскрывающих диапазон научных интересов преподавателей кафедры, обращает на себя внимание уникальное издание масштабной междисциплинарной работы, подготовленной и увидевшей свет при участии проф. Е.Е. Фроловой. Работа посвящена освещению экономических и правовых основ

деятельности банков в Российской Федерации⁴⁴. Являясь, своеобразной энциклопедией банковского дела, работа демонстрирует результаты синтетического использования правового и экономического ракурсов в освещении самых сложных вопросов в преподавании курсов, касающихся кредитно-расчетных отношений, денежного обращения, управления банковскими рисками, механизмов минимизации негативных последствий экономического кризиса, роли центральных банков в мировых банковских системах и др. Фолиант, каким выглядит это издание, оказался ценен не только познавательной полнотой, ощущаемой с первых страниц каждым, кто начинается знакомство с книгой, но и полиграфической щедростью в оформлении иллюстративных материалов, весьма интересных не только для тех, кто делает первые шаги в познании механизмов функционирования банков в экономической и социальной жизни общества, но и для осведомленных практиков.

Не подводя итогов, а лишь отмечая и подчеркивая характер творческого движения, следует сказать, что кафедра гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов продолжает следовать избранному курсу. Она сложилась в уникальный научно-педагогический коллектив, создавший в Российской Федерации многовекторную и одновременно эпистемологически цельную школу сравнительно-правовых исследований. Научная школа кафедры стала заметным явлением в жизни российского юридического сообщества. Это стало возможным благодаря сочетанию действия ряда факторов, определивших и определяющих её научную деятельность: следование началам, прививавшимся выдающимися деятелями отечественной правовой науки, практическая востребованность результатов работы и наличие творческих, организационных и этико-социальных условий, обеспечивающих становление, поддержание и развитие оригинальной научной школы.

Тот факт, что эти факторы сохраняют свое действие и в настоящее время, позволяет ученым кафедры находить актуальное применение накопленному научному потенциалу и прилагать силы для новых достижений на научно-педагогическом поприще.

Об авторе:

Безбах Виталий Васильевич — доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, кафедра гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-8650-452X

e-mail: civilrudn@rambler.ru

⁴⁴ Галкина М.В., Ермаков С.Л., Фролова Е.Е., Ястребов О.А. Экономические и правовые основы функционирования банковского сектора Российской Федерации. Научно-практическое издание. Иркутск, 2011.

Для цитирования:

Безбах В.В. Научная школа исследований частного права в Российском университете дружбы народов: кафедра гражданского права и процесса и международного частного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 170–185. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-170-185.

Дата поступления в редакцию: 18 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Informational article

**SCIENTIFIC SCHOOL OF PRIVATE LAW OF RESEARCH
AT THE PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA:
DEPARTMENT OF CIVIL LAW AND PROCESS
AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Vitaly V. Bezbakh

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

About author:

Vitaly V. Bezbakh — Doctor of Law, honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law and Process and Private International Law of RUDN-University

ORCID ID: 0000-0002-8650-452X

e-mail: civilrudn@rambler.ru

For citation:

Bezbakh, V.V. (2020) Scientific School of Private Law of Research at the Peoples' Friendship University of Russia: Department of Civil Law and Process and Private International Law. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 170–185. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-170-185.

Article received November 18, 2019

Article accepted December 25, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-186-192

Информационная статья

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В XXI ВЕКЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Л.Р. Клебанов

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Приближающийся 60-летний юбилей Российского университета дружбы народов обязывает всех представителей профессорско-преподавательского состава (как «старожилов», так и «новичков») тщательно мониторить результаты своей работы, суммировать сделанное и увидеть перспективные направления научно-исследовательской и педагогической деятельности в будущем. Хотя будущее уже давно наступило — мы живем в XXI веке, который ставит перед нами, сотрудниками университета, амбициозные задачи, решение которых и будет залогом успешного, конкурентоспособного развития РУДН в наступившем тысячелетии. Задачи эти ставит сама жизнь и те процессы, которые характеризуют современные реалии — глобализация и интернационализация экономики, финансов, политических и правовых систем.

Одной из ключевых проблем человечества (во все времена, во всех странах, при любых режимах и формах правления) является борьба с преступностью, наиболее опасные формы которой (террористическая преступность, организованная преступность, киберпреступность) уже давно стали транснациональными угрозами для всего мира. В то же время борьба с этим разрушительным явлением требует соблюдения четкого баланса между интересами личности и государства и обеспечения правовых и процессуальных гарантий тех лиц, кто столкнулся с «машиной» уголовной юстиции. Решение этих задач органически связано с успешным развитием юридических и иных наук так называемого «криминального блока»: уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, криминологии, уголовно-исполнительного права, юридической психоло-

© Клебанов Л.Р., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

гии (в той части, в которой она обеспечивает психологическое «сопровождение» органов уголовной юстиции) и т.д.

Любой крупный университет, претендующий на лидерство в мире, должен всецело сосредоточиться на образовательной и научно-исследовательской деятельности, поскольку подготовка «специалистов будущего» невозможна без внедрения научных результатов исследований, без достижений современной науки. Само собой разумеется, что всё вышесказанное относится и к процессу подготовки высококвалифицированных кадров для сферы уголовной юстиции. Именно такие задачи решает сегодня кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института РУДН.

Наше учебное подразделение прошло серьезный путь становления и развития: с момента создания в 1961 г. факультета экономики и права Университета дружбы народов преподавание учебных дисциплин криминального цикла осуществлялось преподавателями кафедры гражданского и уголовного права, а после разделения факультетов в сентябре 1982 г. кафедра стала самостоятельным обособленным подразделением — кафедрой уголовного права и процесса. В 2015 году кафедра была реорганизована в кафедру уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

В приоритете работы нашей кафедры была и остается задача научно-исследовательского и учебно-методического обеспечения борьбы с наиболее опасными видами преступлений, причем эти деяния классифицируются не только по характеру и степени общественной опасности, но и личности «актора», географии преступности и иным критериям.

К таким преступлениям относятся, прежде всего, преступления против личности (против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности, свободы чести и достоинства, конституционных прав и свобод, семьи и несовершеннолетних). Это направление ассоциируется, прежде всего, с научными трудами доктора юридических наук, профессора А.Н. Игнатова, возглавлявшего кафедру с 1989 по 1992 год. Его наиболее известные труды — монографии «Ответственность за преступления против нравственности» (М., 1966) и «Квалификация половых преступлений» (М., 1974). Современная российская уголовно-правовая наука, в той части, в которой она направлена на противодействие т.н. «половым преступлениям», базируется именно на трудах Алексея Николаевича. Результаты его научного творчества были восприняты законодателем, что свидетельствует о всемерном признании заслуг ученого: А.Н. Игнатов принимал непосредственное участие в разработке ныне действующего Уголовного кодекса РФ. Более десяти проектов законодательных актов, разработанных Игнатовым А.Н., были реализованы в Указах Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР. Научное наследие Алексея Николаевича востребовано поколением молодых юристов — уже второй год кафедра проводит Международную научно-практическую конференцию «Игнатовские чтения», в повестке которой содержатся актуальные вопросы

борьбы с насильственной преступностью в современном мире. Как показывает печальная действительность, насильственные преступления становятся все более жестокими, изощренными, более «интеллектуальными». Криминальное насилие обрушивается на наименее защищенные группы населения: женщин, детей, пожилых людей, беженцев и вынужденных переселенцев. Преступления сексуального характера стали, как показывают войны и международные конфликты, средством этнических чисток и даже геноцида. Всё это лишний раз свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования насильственных преступлений на основе научно-теоретического и методического инструментария, разработанного А.Н. Игнатовым.

Одной из важнейших задач как уголовно-правовой, так и криминологической науки является всестороннее изучение «актора» преступного деяния — самого преступника. Ведь преступление совершает конкретный человек, обладающий эмоциями, разумом, психикой. Субъект преступления и личность преступника — вот тот «мост», который прочно соединяет уголовное право и криминологию, поскольку исследования этих наук в данной плоскости взаимно дополняют друг друга и являются определяющими как при квалификации преступления и назначении наказания, так и для криминологической профилактики преступности в целом либо отдельных групп преступлений. На нашей кафедре исследованием проблем детерминации преступного поведения, изучением мотивов преступного поведения и их уголовно-правового значения занимался выдающийся ученый, подлинный мэтр уголовного права — доктор юридических наук, профессор Борис Степанович Волков. На кафедре профессор Волков проработал достаточно долгое время — с 1986 по 2004 год.

«Чужая душа — потемки» — мы часто слышим эту поговорку, но перед следователем, прокурором и судьей всегда стоит задача правильно сориентироваться в этих потемках с тем, чтобы найти истину, верно квалифицировать содеянное и вынести справедливое наказание. В работах профессора Волкова изучалось соотношение мотива и цели преступления, конкуренции мотивов преступного поведения, соотношения мотива и других признаков состава преступления, роли мотива при изучении различных институтов уголовного права (соучастия, неоконченного преступления, наказания), значение мотива для предупреждения преступности. Именно мотив часто называют «спусковым крючком» преступления, ведь это те побуждения, которыми движимо лицо, совершающее преступление. И пусть проблема изучения мотива преступного поведения «стара как мир», сегодня она привлекает повышенное внимание всех специалистов, вовлеченных в противодействие преступности. Как и чем объяснить мотивы отдельных видов террористических преступлений, когда фанатики-террористы осуществляют самоподрывы во имя неких идеалов, а конечные бенефициары этих подрывов получают миллионные прибыли? Как и чем объяснить мотивы преступного поведения женщин, хладнокровно лишаящих жизни собственных детей? Изучение мотивации преступного поведения в сего-

дняшних криминальных реалиях и мотивов отдельных преступлений имеет приоритетное значение, а успешное решение этой задачи немислимо без широкого использования трудов Бориса Степановича Волкова. Но если залогом успешных научных исследований выступает междисциплинарный подход, то изучение мотивации преступного поведения просто невозможно без всемерного участия юридической психологии.

На нашей кафедре работали два выдающихся (в полном смысле этого слова «ведущих») специалиста данной науки — доктор психологических наук, профессор А.И. Папкин (работал на кафедре с 1995 по 2010 год) и доктор психологических наук, профессор В.М. Поздняков (работал на кафедре с 2009 по 2018 гг.).

Анатолий Иванович Папкин являлся видным исследователем проблем виктимологии и обеспечения безопасности личности от криминальных посягательств, экстремальной юридической психологии, управления персоналом правоохранительных органов, влияния жизненных кризисов на девиантное поведение личности.

Известный герой Ильфа и Петрова сказал однажды: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Видимо, литераторы и не подозревали тогда что эта шутка «черного юмора» во многом станет определяющей при выборе безопасного поведения потенциальных потерпевших от преступления. Виктимологические исследования во главу угла ставят обеспечение безопасности личности, когда эту безопасность обеспечивает сама личность. Механизм резонансных преступлений, жертвами которых становятся малолетние дети, лица пожилого возраста или лица, страдающие какими-либо расстройствами, свидетельствует об особой актуальности чрезвычайной злободневности виктимологических изысканий, которые продолжаются на кафедре по сей день.

Вячеслав Михайлович Поздняков изучал также теоретические и прикладные вопросы пенитенциарной психологии, психологическую подготовку личного состава органов внутренних дел (в том числе и к действиям в экстремальных условиях и при чрезвычайных ситуациях), технологии управления персоналом, оказания индивидуальной и групповой психологической помощи. Эти научные направления крайне важны для кадрового обеспечения органов, ведущих борьбу с преступностью — колоссальные психологические нагрузки, эмоционально-профессиональное «выгорание», личностные деформации несут огромную опасность как для самих правоохранителей, так и для всего общества в целом.

Всемирный экономический форум в Давосе (2018) отнес к глобальным рискам человечества коррупцию и широкомасштабную вынужденную миграцию. Само собой разумеется, что эти явления находятся в фокусе повышенного внимания мировых научных исследовательских центров и университетов. Коррупция и вынужденная (подчас нелегальная) миграция в их криминальных формах исследуются доктором юридических наук, профессором Л.А. Букалеровой — заведующей кафедрой уголовного права, уголовного процесса и крими-

налистики с 2014 года по настоящее время. Людмила Александровна сотрудничает по данной научной линии с целым рядом ведущих зарубежных вузов, что выражается в совместной работе с профессорским составом этих институтов и университетов в рамках лекций в качестве приглашенного профессора и участия в многочисленных научных конференциях.

Отличительной чертой кафедры является научно-исследовательская и педагогическая деятельность ее сотрудников по линии компаративистских изысканий в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, криминалистики, уголовного процесса России и зарубежных стран, и в частности стран приема студентов из Азии, Африки, Латинской Америки, обучающихся в РУДН. Это перспективное, актуальное и очень сложное направление деятельности неразрывно связано с именем профессора И.Д. Козочкина, руководившего кафедрой с 1992 по 2003 год. Именно Ивана Даниловича многие заслуженно относят к числу отцов-основателей современной отечественной науки уголовного права зарубежных стран, а его работы составили золотой фонд этой науки.

Исходя из реалий сегодняшнего дня, особо подчеркнем актуальность изучения современными юристами уголовного и уголовно-процессуального права зарубежных стран. Открытые границы, деловая и академическая мобильность, укрепление межкультурного сотрудничества, миллионные потоки российских туристов, выезжающих за пределы страны, актуализировали потребность в специалистах, досконально разбирающихся в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном праве зарубежных стран с тем, чтобы отстаивать интересы российского государства, российского бизнеса, российских граждан за рубежом. Лишнее доказательство тому — прошедший недавно в Бразилии VI Юридический форум стран БРИКС. На нем обсуждались перспективы создания центров правовой помощи российским гражданам за рубежом. Учитывая, что эта помощь очень часто оказывается именно по уголовным делам, можно представить, какое поле деятельности открывается для нашей кафедры.

Сколько бы ни были проработанными и отлаженными нормы уголовного законодательства, как бы четко ни были проработаны институты уголовного права, они не будут иметь никакого эффекта, если не будут реализованы в рамках соответствующих уголовно-процессуальных процедур. Уголовно-процессуальное право есть форма жизни материального уголовного права — их органическое единство и неразрывность никем не может быть поставлена под сомнение. Мы, конечно же, не можем, вслед за Эдуардом Бернштейном, провозгласить лозунг: «Движение — всё, а конечная цель — ничто», но юрист, знающий материальное право, но не разбирающийся в праве процессуальном, будет похож на «узкого специалиста» Козьмы Пруткова — «полнота его будет одной стороной».

Выдающиеся уголовно-процессуальные школы на кафедре представлены выдающимися учеными-юристами, «корифеями» юридической науки —

доктором юридических наук, профессором А.А. Леви (трудился на кафедре с 1997 года по 2018 год) и доктором юридических наук, профессором В.Н. Маховым (трудится на кафедре с 1996 года по настоящее время).

Сферу научных интересов Александра Абрамовича Леви составляют проблемы криминалистической техники, процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий, вопросы адвокатской деятельности, в том числе использование защитником данных криминалистики. Его библиография поистине впечатляет: он автор и соавтор более 100 печатных работ, из них 29 монографий, методических и справочных пособий по вопросам криминалистики, уголовного процесса и адвокатуры.

Сфера научных интересов Вадима Николаевича Махова включает уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы досудебного производства в уголовном процессе России и зарубежных стран, теорию доказательств в уголовном процессе, прокурорский надзор, уголовное преследование, использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений, методика расследований отдельных видов преступлений. Ряд предложений, высказанных в публикациях В.Н. Махова, реализованы при разработке Уголовно-процессуального кодекса РФ, внесения в него дополнений и изменений: о расширении функции специалиста, допуска его к участию во всех следственных действиях.

Знаменитая книга Юргена Торвальда «Век криминалистики» известна всему миру. Нынешний двадцать первый век — это тоже век криминалистики. Криминалистики будущего, когда расследование преступлений и изобличение преступников будет опираться на высочайший интеллект современных криминалистов, обладающих энциклопедическими знаниями в самых различных областях, освоивших самые современные высокотехнологичные средства и методики. Мы вошли в век цифровой криминалистики, криминалистики будущего. На нашей кафедре криминалистические исследования тесно связаны с научными школами доктора юридических наук, профессора Л.В. Бертовского и доктора юридических наук, профессора А.В. Нестерова. Их фундаментальные труды посвящены, среди прочего, расследованиям преступлений в сфере экономической деятельности и киберпреступлений.

Об авторе:

Клебанов Лев Романович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код: 8500-609

e-mail: solomon70@bk.ru

Для цитирования:

Клебанов Л.Р. Проблемы борьбы с преступностью в XXI веке: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические решения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2020. Т. 24. № 1. С. 186–192. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-186-192.

Дата поступления в редакцию: 18 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Informational article

**PROBLEMS OF THE FIGHT AGAINST CRIME IN THE XXI CENTURY:
CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS
DECISIONS**

Lev R. Klebanov

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

About author:

Lev R. Klebanov — Doctor of Legal Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код: 8500-609

e-mail: solomon70@bk.ru

For citation:

Klebanov, L.R. (2020) Problems of the fight against crime in the XXI century: criminal law, criminal procedure and criminalistics decisions. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 186–192. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-186-192.

Article received November 18, 2019

Article accepted December 25, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-193-202

Информационная статья

КАФЕДРА СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕР СИНТЕЗА НАУКИ, ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Чеснокова

Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве Российской Федерации
109028, Москва, Россия, Хохловский переулок, д. 13, стр. 2

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Проиллюстрированы особенности совместного образовательного проекта РУДН и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (РФЦСЭ) по подготовке магистров по программе «Судебно-экспертная деятельность в правоприменении». Среди них выделяется непосредственная связь науки и практики при участии профессорско-преподавательского состава кафедры, совмещающего преподавание с практической деятельностью в РФЦСЭ.

Отмечена роль созданного на базе РУДН и РФЦСЭ объединенного совета по защите ученых степеней доктора и кандидата наук по специальности 12.00.12 — криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность. Он представляет собой ключительное звено в системе подготовки кадров высшего образования по направлению судебно-экспертной деятельности.

Рассмотрены основные формы международной деятельности кафедры, которые включают изучение и обмен опытом в рамках взаимоотношений государств-участников СНГ, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Европейского союза (ЕС). Представлены перспективы ее развития в виде подготовки к размещению как обязательной дисциплины «Теория судебной экспертизы» в учебном процессе бакалавров и создание переводных учебно-методических комплексов по судебной экспертизе и криминалистике, содержащих интегрированные знания об истории развития, современном состоянии наук в Российской Федерации и за ее пределами для привлечения иностранных студентов.

Ключевые слова: образовательный процесс РУДН, научная школа РФЦСЭ при Минюсте России, судебно-экспертная деятельность в правоприменении, объединенный диссертационный совет, международное сотрудничество в сфере судебной экспертизы

© Чеснокова Е.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

В 2015 году на базе Юридического института РУДН создана кафедра судебно-экспертной деятельности. Ее возникновение обусловлено необходимостью расширения рамок образовательной подготовки юристов, поиска новых знаний, востребованных в современной юридической практике. Произошло это по инициативе Светланы Аркадьевны Смирновой — директора ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России (РФЦСЭ) и Олега Александровича Ястребова — директора Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН).

Особенность кафедры заключается в том, что она обладает возможностями применения в учебном процессе экспертной и научной основ, складывающихся из безграничного интеллектуального потенциала работников — судебных экспертов и исторически сложившейся научной школы РФЦСЭ. Основопологающими принципами деятельности кафедры являются преемственность поколений, глубокое взаимоуважение, взаимовыручка и поддержка.

Профессорско-преподавательский состав кафедры успешно занимается научно-исследовательской и организационной деятельностью по основному месту работы, и по совместительству преподаванием, чем способствуют объединению научных знаний из области судебной экспертизы с юриспруденцией.

Заведует кафедрой Смирнова Светлана Аркадьевна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации. За свою многолетнюю карьеру в сфере судебно-экспертной деятельности она проделала путь от младшего научного сотрудника отдела координации научных исследований Центральной Ленинградской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РСФСР до Директора Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России. Главное направление научной деятельности Смирновой С.А. — оптимизация и модернизация судебно-экспертной деятельности в целях повышения эффективности механизмов правоприменения. Видный ученый-организатор науки судебной экспертизы и практики судебно-экспертной деятельности в настоящее время является лидером научной школы РФЦСЭ. Пример руководителя кафедры для молодых ученых — доцентов кафедры представляет собой важнейший стимул саморазвития, повышения качества подготовки учебно-методических материалов, проведения собственных научно-исследовательских работ.

С.А. Смирнова осуществляет научное руководство аспирантами и магистрантами кафедры. Среди ее учеников и доктора юридических наук, и кандидаты, один из которых работает доцентом кафедры¹. В числе учебных дисциплин

¹ Кузьмин С.А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2016. 244 с.

плин: «История возникновения и развития судебной экспертизы», «Современная теория судебной экспертизы».

В целях обеспечения образовательного процесса адаптированной к учебному плану РУДН литературой коллективом кафедры под редакцией доктора юридических наук, профессора С.А. Смирновой были опубликованы: в 2016 году учебник «Судебно-экспертная деятельность в правоприменении. Введение в магистерскую программу»; в 2019 году — монография «Судебная экспертиза в международном правоприменении»².

В настоящее время кафедра ведет подготовку по программам магистратуры и аспирантуры.

Учебный план магистратуры включает в себя систему дисциплин материального и процессуального права, которые находятся в ведении соответствующих кафедр института, а также судебно-экспертного блока кафедры судебно-экспертной деятельности. Такое построение учебного плана на современном этапе развития образовательного процесса, осуществляемого кафедрой, признано оптимальным в обеспечении качества подготовки обучающихся по программе «Судебно-экспертная деятельность в правоприменении»³.

Обучение в магистратуре позволяет повысить уровень подготовки экспертов и, следовательно, качество производства экспертиз, в том числе по делам, имеющим большой общественный резонанс. Научные исследования магистров активно используются в экспертной практике. Поэтому дистанция между результатами выпускных квалификационных работ и использованием их в практической деятельности почти отсутствует.

Стоит отметить особенности контингента обучающихся по магистерской программе. Среди магистров кандидаты юридических, филологических, биологических наук, а также перспективные руководители структурных подразделений РФЦСЭ и системы СЭУ Минюста России.

Не менее весомым фактом подготовки в рамках магистерской программы является широчайший диапазон разрабатываемых тем ВКР, разнообразие которых можно классифицировать согласно классам и родам судебных экспертиз:

— судебные строительно-технические, землеустроительные; среди них в качестве наиболее удачной можно назвать «Правовые, организационные, методические основы назначения и производства судебной землеустроительной экспертизы»;

— судебно-почерковедческие, в перечне тем которых наиболее перспективной является «Основы применения математических методов для оцен-

² Смирнова С.А. Судебная экспертиза в международном правоприменении. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2019. 402 с.

³ Усов А.И. Инновации и прогресс в судебно-экспертной деятельности // Право и государство. 2016. №1 (70). С. 48–52.

ки основных характеристик почерковых реализаций — устойчивости и вариационности»);

— судебные транспортно-трассологические, автотехнические, автотовароведческие; наиболее показательной из них можно назвать «Правовые и методические основы формирования судебной автотовароведческой экспертизы»;

— судебно-психологические, наиболее актуальной темой для судебно-экспертной деятельности, освещенной в ВКР, является: «Правовые и организационные основы судебной психологической экспертизы информационных материалов».

Также имеются разработки в области стандартизации судебно-экспертной деятельности и системы менеджмента качества в области судебной экспертизы, например, «Правовые и методические основы аккредитации судебно-экспертных лабораторий (на примере ФБУ Калининградской ЛСЭ Минюста России)».

Для некоторых магистрантов ВКР является базой для кандидатских и даже докторских диссертаций.

На уровне подготовки кадров высшей квалификации (аспирантуры) учебным планом по научной специальности 12.00.12 — криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, который реализует кафедра судебно-экспертной деятельности, предусмотрены несколько дисциплин, отражающих наиболее масштабные направления в судебно-экспертной деятельности: методология судебно-экспертной деятельности, основы оперативно-розыскной деятельности и криминалистики, основы менеджмента качества в области судебной экспертизы, актуальные проблемы использования специальных знаний в современном судопроизводстве. Для прохождения практики согласно учебному плану имеются широкие возможности как в РФЦСЭ, так и в иных судебно-экспертных учреждениях Минюста России.

Выпускниками аспирантуры юридического института РУДН по вышеуказанной специальности стали работники системы судебно-экспертных учреждений Минюста России, подготовившие диссертационные работы в области судебно-экономических, судебных землеустроительных и судебно-трассологических экспертиз. В настоящее время продолжается подготовка в отношении обучающихся сотрудников системы, теперь их научные исследования посвящены проблемам судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности и коррупционным преступлениям в деятельности государственных судебно-экспертных учреждений.

В образовательном проекте по подготовке научных кадров в качестве заключительного звена действует объединенный диссертационный совет, созданный на базе двух авторитетных организаций: РФЦСЭ и РУДН по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук по данной научной специальности.

Создание диссертационного совета стало важнейшим событием в деятельности РФЦСЭ на современном этапе. Его можно расценить как успешный результат восстановления ранее утраченного. Дело в том, что в РФЦСЭ в период с 1976 по 2006 годы действовал специализированный диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций, в котором защитили свои научные работы признанные ныне ученые в области судебной экспертизы.

Члены диссертационного совета, как правило, работают в РУДН и РФЦСЭ, и в свою очередь имеют собственные широко известные научные школы. Кроме того, их деятельность основана на понимании востребованности подготовки научно-педагогических работников и необходимости повышения показателей качественного состава научных кадров, прежде всего в государствах Евразийского экономического сообщества. Движение к обозначенной цели реализуется посредством совместных возможностей: в РФЦСЭ накоплен значительный опыт по организации и проведению научных и экспертных исследований, в РУДН имеется взаимосвязанная система образовательных институтов, интегрированная в международную научно-образовательную сеть.

Особенность диссертационного совета еще и в объединении видных представителей науки в области криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности, сплоченных единой методологией, едиными образовательными принципами⁴. Важно и то, что в совете работают ученые с большим опытом преподавания в высших учебных заведениях, обучающие по направлению «Судебная экспертиза», и ученые-практики, работающие в РФЦСЭ и ведущие подготовку экспертных кадров в формате дополнительного профессионального образования. Это обеспечивает комплексный подход при обсуждении проблематики защищаемых диссертаций.

В диссертационном совете за время его существования защищено восемнадцать диссертаций, семь из которых на соискание ученой степени доктора юридических наук. Среди них нельзя не отметить масштабную научную работу «Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности»⁵ (Khasiev, 2017), ставшую результатом многолетней научно-исследовательской деятельности. Она представляет собой первое комплексное монографическое исследование мирового и отечественного опыта международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности, его состояния, проблем и перспектив дальнейшего развития. Одним из результатов исследования можно назвать: факт наибольшей востребованности для целей международного уголовного судопроизводства экспертов в области

⁴ Чеснокова Е.В. О работе объединенного диссертационного совета РФЦСЭ и РУДН. Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 1. С. 22–26.

⁵ Хазиев, Ш.Н. Теоретические основы и организация Международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12. М.: Рос. ун-т дружбы народов. 2016. 465 с.

судебной медицины (танатологов, антропологов, травматологов, токсикологов, генетиков), судебной баллистики, экспертизы взрывчатых веществ и взрывных устройств, компьютерно-технической экспертизы, судебного почерковедения и судебно-технической экспертизы документов, судебной психиатрии и психологии, а также характеристику особенностей решаемых этими экспертами задач.

Для привлечения к уголовной ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности в первую очередь возникает необходимость установления наличия состава того или иного международного уголовного преступления с привлечением специальных знаний при исследовании жертв этих преступлений, применявшегося оружия, документов, а также для решения вопросов о вменяемости обвиняемых. Идентификационные судебно-экспертные исследования проводятся для установления личности жертв преступлений и последующей передачи их останков родственникам. При расследовании террористических актов, например в Ливане, для установления личности виновных и личности жертв террористических актов проводятся многочисленные идентификационные исследования с использованием молекулярно-генетических методов.

Продолжением развития данной масштабной тематики международного сотрудничества в области криминалистики и оперативно-розыскной деятельности стала диссертация на тему: «Концептуальные основы экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках международного сотрудничества Российской Федерации и европейских государств»⁶.

Защищены несколько интересных и достаточно оригинальных кандидатских диссертаций, например: «Строительно-техническая экспертиза в судебных спорах хозяйствующих субъектов»⁷. Одним из ее результатов представлены основные поведенческие и риторические приемы, позволяющие эксперту эффективно отстаивать свои суждения в ходе полемики с оппонентами. На основании известных со времен античности постулатов риторики сформирован рациональный порядок оглашения заключения эксперта, соблюдение которого позволяет кратко изложить ход проведенных исследований и суть полученных результатов. Определена система эффективных действий, направленных на нейтрализацию критики со стороны участников судебного спора, цель которой сводится, по большому счету, не к достижению истины, а лишь к победе в споре. Сформулированы требования, предъявляемые к устной речи эксперта в монологах (оглашение заключения) и диалогах (полемика с оппонентами), а также

⁶ Никитина И.Э. Концептуальные основы экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках международного сотрудничества Российской Федерации и европейских государств: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. 390 с.

⁷ Стацева Е.Б. Строительно-техническая экспертиза в судебных спорах хозяйствующих субъектов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. 185 с.

вербальным средствам достижения ее ясности, последовательности и грамотности; уместности, стилю и результативности высказываний.

В работе «Научно-методическое обеспечение судебной экспертизы объектов дикой флоры и фауны»⁸ содержится важное для науки судебной экспертизы обоснование выделения из класса биологических экспертиз самостоятельного рода — судебной экспертизы объектов дикой флоры и фауны, что позволило создать благоприятные условия к развитию рода и составляющих его видов судебных экспертиз. Кроме того, в работе затронуты вопросы экологии и сохранения биоразнообразия, которые в настоящее время являются жизненно важными не только для населения нашей страны, но и для всего человечества.

Впоследствии научные разработки данной кандидатской диссертации послужили основой к программам дополнительной профессиональной подготовки РУДН по направлениям: «Исследование объектов дикой фауны» и «Исследование объектов дикой флоры». Методически они обеспечены учебным пособием «Судебная экспертиза объектов дикой флоры и фауны»⁹. По указанной программе в 2018 году прошли обучение 7 человек, среди которых 3 ведущих специалиста из авторитетной организации — АНО «Амурский тигр». Впоследствии вышеуказанные лица успешно прошли сертификацию компетентности в РФЦСЭ.

Важным направлением деятельности кафедры, вызывающим неподдельный интерес со стороны российских и зарубежных экспертов, адвокатов, судей, ученых и студентов, является организация и ежегодное проведение международных научно-практических конференций под названием: «Восток–Запад: партнерство в судебной экспертизе»¹⁰ (Smirnova, Usov, 2018:6). Участникам для обсуждения предлагаются масштабные социально-значимые темы, например, в 2017 году: «Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения экологической безопасности и сохранения биоразнообразия», приуроченная к году экологии в России; в 2018 году — «Образовательные инновации в профессиональной подготовке судебно-экспертных кадров государств-членов ШОС». На прошедшей в апреле 2019 года конференции: «Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения защиты интеллектуальной собственности», повышенный интерес вызвали доклады зарубежных правоприменителей, в которых рассматривались примеры использования в качестве доказательств заключения экспертов в вышеуказанной области.

⁸ Гулевская В.В. Научно-методическое обеспечение судебной экспертизы объектов дикой флоры и фауны: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2016. 200 с.

⁹ Омелянюк Г.Г. Судебная экспертиза объектов дикой флоры и фауны: учебное пособие М., 2017. 103 с.

¹⁰ Смирнова С.А., Усов А.И. Судебная экспертиза как базовый механизм реализации принципа верховенства права в государствах - членах ШОС. Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 2. С. 6–15.

Кафедра с позиции международного сотрудничества не ограничивается только рамками университета, необходимо отметить, что результаты осуществления совместного образовательного проекта РУДН и РФЦСЭ освещались на Санкт-Петербургском Международном форуме¹¹ (Saint-Peterburg International Forum, 2016) в выступлении профессора Смирновой С.А. и докладе профессора Ястребова О.А.

Результатом научного общения стал интерес к получению образования в РУДН со стороны граждан Республики Казахстан. В настоящее время в группе магистров по направлению «Судебно-экспертная деятельность в правоприменении» обучаются также граждане Республики Узбекистан и Республики Эквадор.

Осознавая специфику учебного материала, который необходимо передать обучающимся в удобной для восприятия форме, сотрудники кафедры находятся в постоянном поиске наилучших форм его подачи. Перспективными направлениями, разрабатываемыми кафедрой, являются: подготовка к включению в качестве обязательной дисциплины «Теория судебной экспертизы» в учебный процесс бакалавров и создание переводных учебно-методических комплексов по судебной экспертизе и криминалистике, содержащих интегрированные знания об истории развития, современном состоянии наук в Российской Федерации и за ее пределами для привлечения иностранных студентов. Глобальная цель деятельности кафедры, достижение которой позволит гармонизировать российские научные специальности с форматом научных специальностей на международном уровне, видится в осуществлении трехуровневой подготовки студентов с возможностью последующей защиты диссертаций в формате «PhD» по специальности «Судебная экспертиза» в РУДН. Кроме того, кафедра вышла с инициативой к министрам юстиции ШОС об открытии самостоятельного направления «Судебно-экспертная деятельность в правоприменении» в Университете ШОС, организационной площадкой которого в том числе является и РУДН.

Активное использование возможностей кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института РУДН приводит к расширению рамок образовательной подготовки юристов посредством внедрения новых знаний в области судебной экспертизы, востребованных современной юридической практикой.

На системной основе в РУДН проводится профессиональное обучение работников судебно-экспертных учреждений Минюста России на уровне магистратуры, выполнение научных исследований в аспирантуре и докторантуре, а также защиты диссертационных работ в объединенном диссертационном совете.

¹¹ Петербургский международный юридический форум, available at: <https://spblegalforum.ru/> (Accessed 1 July 2019).

Таким образом, научно-методическая и практическая деятельность РФЦСЭ гармонично сопряжена с образовательным процессом РУДН.

Об авторе:

Чеснокова Елена Владимировна — кандидат юридических наук, заместитель заведующего отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-5853-8418

e-mail: e.chesnokova@sudexpert.ru

Для цитирования:

Чеснокова Е.В. Кафедра судебно-экспертной деятельности пример синтеза науки, экспертной практики и образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 193–202. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-193-202.

Дата поступления в редакцию: 17 октября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Informational article

DEPARTMENT OF FORENSIC ACTIVITY IS AN EXAMPLE OF THE SYNTHESIS OF SCIENCE AND FORENSIC PRACTICES AND EDUCATION

Elena V. Chesnokova

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice
of the Russian Federation

13, building 2, Khokhlovsky lane, 109028, Moscow, Russia

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

The features of the joint educational project of RUDN and RFCFS on preparation of masters on the program “Forensic activity in law enforcement” are illustrated. Among them is the direct connection of the teaching staff of the Department “Forensic activity” of the law Institute of the Russian Academy of Sciences, represented by employees of the RFCFS, with practical expert activities.

The role of the joint council for the protection of scientific degrees of doctor and candidate of Sciences in the specialty 12.00.12 — criminalistics, forensic activity, operational-search activity created on the basis of the RUDN and RFCFS is considered. It represents the final link in the system of training of higher education personnel in the field of forensic activity.

The main forms of international activities of the Department, which include the study and exchange of experience in the framework of relations between the CIS member States, the Shanghai coop-

eration organization (SCO), the European Union (EU), are considered. Presented the prospects of its development in preparation for placement as a mandatory discipline “the Theory of judicial examination” in the educational process of bachelors and the creation of transferable teaching materials on forensics and criminology that contains integrated knowledge about the history of the development of the modern state of science in Russia and abroad to attract foreign students.

Key words: educational process the people's friendship University, research school of center of forensic expertise of the Ministry of justice, judicial-expert activity in law enforcement, the United dissertation Council, international activities

About author:

Elena V. Chesnokova — Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Forensic Research Methodology Department of the Russian Federal Centre of Forensic Science of Russian Ministry of Justice; Docent of the Department of Expert activity of RUDN

ORCID ID: 0000-0001-5853-8418

e-mail: e.chesnokova@sudexpert.ru

For citation:

Elena V. Chesnokova (2020) Department of forensic activity is an example of the synthesis of science and forensic practices and education. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 193–202. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-193-202.

Article received October 17, 2019

Article accepted December 25, 2019

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В ЛИЦАХ FACULTY OF LAW (INSTITUTE) IN PERSONS

В связи с 60-летием юридического института РУДН редакционная коллегия продолжает серию воспоминаний – персоналий

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-203-218

Информационная статья

ПАМЯТИ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д.Ю.Н. ПРОФ. В.К. ПУЧИНСКОГО

М.Н. Кузнецов

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Ежегодный международный научный юридический форум памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации д.ю.н. проф. В.К. Пучинского на тему «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», 18 октября 2019 года

В настоящей статье содержится обзор ряда прозвучавших и присланных в печатном виде тезисов докладов и научных сообщений по указанной в названии конференции тематике — ученых, практических работников, аспирантов, магистрантов, студентов из России, Азербайджана, Белоруссии, Бразилии, Вьетнама, Казахстана, Германии, Кении, Китая, Молдовы, Панамы и Сирии.

Обзору предшествует характеристика научной личности В.К. Пучинского как ученого и педагога, подготовленная по случаю проведения в честь него Форума сотрудниками кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов¹.

© Кузнецов М.Н., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

¹ Фролова Е.Е., Ермакова Е.П. История международной научной конференции памяти профессора Василия Клементьевича Пучинского // Государство и право. 2018. № 3. С. 113–116.

Выявлены перспективные научные направления исследований преподавателями кафедры по актуальным темам в сферах защиты прав и законных интересов участников финансового рынка, внедрения цифровых технологий, развития социального предпринимательства, частноправовых интересов на международной арене и традиционно — гражданского законодательства стран Латинской Америки².

Ключевые слова: сравнительное право, гражданский процесс, цивилистика, арбитражный процесс, источники права, финансовые споры, социальное предпринимательство, цифровое право, цифровая экономика, инвестиции, оценка доказательств, международное частное право

Ученый, запечатлевший в своих трудах срез эпохи

В последнее десятилетие на базе кафедры гражданского и трудового права (с 2016 года — каф. гражданского права и процесса и международного частного права юридического института) в Российском университете дружбы народов ежегодно проходят научные конференции, посвященные памяти выдающегося ученого, мыслителя и педагога, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного профессора РУДН **Василия Клементьева Пучинского**. Эти форумы из внутрикафедральных и факультетских переросли во всероссийские и международные с участием ученых — представителей зарубежных государств — стран Европы, США, Азии, Африки и Латинской Америки³.

Сегодня, как это часто бывает с великими людьми, его имя обрастает неким ореолом легенды, хотя по большому счету легендой и была его настоящая жизнь, и в первую очередь научно-педагогическая.

Пучинский В.К. родился 01 июля 1925 года в обычной семье советских служащих, где царили любовь и уважение к людям — чувства, которые сформировали его характер и которые позволили ему самому быть и оставаться уважаемым и любимым всю дальнейшую жизнь.

Едва достигнув совершеннолетия, он уходит на фронт, куда стремились многие из его сверстников, желая помочь Родине выстоять в борьбе с самым сильным и коварным врагом. Фронт, где неотъемлемой частью каждого прожитого дня были смерть или ранения, оставил глубокий след в его душе и повлиял

² Гражданское и торговое право зарубежных стран. Уч. пособие под ред. Пучинского В.К., Безбаха В.В. // М., РГБ, 2006; Пучинский В.К., Безбах В.В. Гражданский процесс зарубежных стран. Монография // М., Зерцало-М., 2013, 519 с.; Герреро-Перес Б.А., Ермакова Е.П., Залеский В.В., Зенкин Н.М., Ковалев С.И., Кузнецов М.Н., Мальцев Г.В., Масевич М.Г., Мозолин В.П., Муцинова Н.А., Никеров Г.И., Понька В.Ф., Протопопова О.В., Пучинский В.К., Телицин В.М., Шаропуто М.В., Ульянищев В.Г. Гражданское и торговое право зарубежных стран. Уч. пособие // М., МЦФЭР, 2004, 896 с.; Пучинский В.К., Безбах В.В., Ермакова Е.П., Капустин А.Я., Муромцев Г.И. Муцинова Н.А., Никеров Г.И., Протопопова О.В. Право Европейского Союза: правовое регулирование торгового оборота. Уч. пособие // М., Зерцало, 1999, 400 с.

³ Dudin, M.N., Frolova, E.E., Protopopova, O.V., Artemieva, J.A., Abashidze, A.H. Latin America and Russia on the course of mutual contingency under conditions of global economic crisis // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2016. 14(15), pp. 11161–11170.

на всю оставшуюся жизнь. На передовой в одном из тяжелых боев получил ранение, но волей Божьей остался живым.

После войны он находит в себе силы осуществить мечту своей юности — стать юристом.

В 1950 году успешно заканчивает престижный Московский юридический институт; уже в 1953 году блестяще защищает кандидатскую диссертацию на тему «Признание в советском процессе» и получает назначение во Всесоюзный институт юридических наук, где в должности научного сотрудника проработал до 1963 года, после чего вся его дальнейшая жизнь и научная карьера были неразрывно связаны с Российским университетом дружбы народов. Именно здесь число его научных публикаций на русском и иностранных языках переваливает за сто; сфера же научных интересов выходит далеко за рамки гражданского процесса. Именно здесь он становится заслуженным деятелем науки, почетным профессором РУДН и избирается действительным членом Международной академии наук высшей школы.

Анализируя научные труды Василия Клементьевича Пучинского, невольно обращаешь внимание на то, что в работах автора чудесным образом запечатлелась смена эпох в российском праве, — советской послевоенной, наполненной восстановлением лучших достижений довоенной и даже дореволюционной юридической мысли, нашедших отражение в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и новых гражданском и гражданском процессуальном кодексах 1961–1964 гг., до исчерпания этих идей в конце 90-х годов прошлого века и начала стремительного взлета новых правовых мыслей, вершиной которых можно смело считать разработку и принятие гражданского процессуального и арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в самом начале 2000-х годов. В работе над ними непосредственное участие принял Василий Клементьевич Пучинский, к тому времени получивший широкое признание не только в России, но и далеко за ее пределами.

Слом эпох развития нашей Родины, происходивший в самом начале 90-х годов прошлого столетия, нашел отражение в многочисленных правовых исследованиях В.К. Пучинского, как процессуального, так и материально-правового характера, выполненных им как до, так и после этого исторического судьбоносного для нашей страны события.

Как ученый мирового масштаба В.К. Пучинский заявил о себе уже в 1975 году, защитив во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства докторскую диссертацию на тему: «Гражданский процесс Англии: критический анализ общих понятий, принципов и институтов». Уже одно название этого исследования, впоследствии продолженное и воплотившегося в ряде монографий, свидетельствует о масштабе мыслей, широте охвата и научной дерзости выводов.

Российская юридическая мысль в середине 70-х годов прошлого века в лице таких цивилистов, как Братусь С.Н., Грибанов В.П., Добровольский А.А., Иоффе О.С., Кейлин А.Д., Корнеев С.М., Лунц Л.А., Рубанов А.А., Сади-

ков О.Н., Халфина Р.О. и др., достигла своего уровня зрелости в вопросах регулирования внутригосударственного развития и остро нуждалась в доступе к правовому опыту наиболее развитых зарубежных стран.

Первооткрывателем такого доступа в рамках своего исторического времени стал В.К. Пучинский.

В процессуальном плане Англия была почти не известна российской цивилистике. И нужен был ум мыслителя, чтобы уловить значимость происходящих в ее праве процессов, которая при всей их важности были отнюдь не просты и вовсе не очевидны.

В начале 70-х годов Англия стремительно и для многих совершенно неожиданно ворвалась в Общий рынок (прообраз современного Европейского Союза) и привнесла в него свое отточенное процессуальное право, доставив ощутимое беспокойство европейским комиссиям, комитетам и евродепутатам. В.К. Пучинский предвидел такое развитие событий и, как мыслитель мирового уровня, считал необходимым безотлагательно обратить внимание наших ученых, практиков и государственных деятелей на происходящие процессы.

Другой стороной научного вклада Пучинского В.К. явилось то, что он сумел предвидеть то, что сама Англия и ее юриспруденция подошла к рубежу, когда назрела реформа ее процессуального права. Профессор Пучинский первым среди ученых почти за десятилетие до начавшейся в Англии реформы процессуального права услышал робкий, а затем все более усилившийся «стук» реформы в «дверь» английской правовой системы. Вот почему исследования Пучинского В.К. середины 70-х годов прошлого века можно смело рассматривать как ревизию процессуального права Англии, накануне реформы, начавшейся в 80-е годы прошлого века.

Если учесть, что понятия, принципы и институты английского процессуального права несомненно сопрягались и влияли на развитие материального права, то вполне правомерно утверждать, что исследования В.К. Пучинского в известном смысле предвосхитили и грядущие изменения всей английской цивилистики.

Но не только право Англии было подвержено научному анализу В.К. Пучинским. В 1988 году выходит его работа «Понятие и источники гражданского процессуального права Англии, США и Франции». В 1989 году — обстоятельная работа более общего характера «Принципы буржуазного гражданского процессуального права». В 1991 году — «Участники буржуазного гражданского процесса (Англия, США, Франция)», а еще ранее «Гражданский процесс США» (1979 г.), позднее переиздана и доработана (1985 г.)

Однако еще более значимый научный «подвиг» связан с овеществленным масштабным замыслом Василия Клементьевича по подготовке и изданию силами преподавателей кафедры перевода и комментирования сборников законов по гражданскому и торговому праву и процессу и международному частно-

му праву зарубежных стран под общим названием «Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов»⁴.

Этот труд, осуществленный под организационным и научным руководством Василия Клементьевича, продолжался всю вторую половину 80-х годов и стал знаковым событием в сфере сравнительно-правовых исследований эпохи позднего СССР. Сборники нормативных правовых актов стремительно разошлись как по институтам и университетам высшей школы, так и были востребованы практикой, в том числе во многих зарубежных странах. Приведем лишь некоторые из них, свидетельствующие о масштабах научной личности нашего руководителя:

- Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: Гражданские и торговые кодексы: Учебное пособие / Под ред.: Кулагин М.И., Пучинский В.К. — М.: Изд-во УДН, 1986. — 336 с.
- Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции / Под ред.: Кулагин М.И., Пучинский В.К. — М.: Изд-во УДН, 1987. — 260 с.
- Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: Авторское право / под ред. В.К. Пучинского, М.Н. Кузнецова. — М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. — 206 с.
- Гражданское и семейное право развивающихся стран. Сборник нормативных актов: Гражданские кодексы стран Латинской Америки: Учебное пособие / Отв. ред.: Безбах В.В. — М.: Изд-во УДН, 1988. — 220 с.
- Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. нормативных актов: обязательственное право / Под ред. В.К. Пучинского, М.И. Кулагина, — М.: Изд-во УДН, 1989.

⁴ Впоследствии опыт такой систематизации не был забыт кафедрой и был повторен преподавателями кафедры Е.Е. Фроловой, а также доцентом кафедры конкурентного и предпринимательского права ДВФУ Н.А. Войковой. Ими были подготовлены издания: Войкова Н.А., Фролова Е.Е. Банковское право России в нормативных правовых актах. Основы федерального законодательства по банковскому праву. Книга 1. Издательский дом «Наука», 2014. 500 с.; Войкова Н.А., Фролова Е.Е. Банковское право России в нормативных правовых актах. Основы федерального законодательства по банковскому праву. Книга 2. Часть 1. Издательский дом «Наука», 2014. 758 с.; Войкова Н.А., Фролова Е.Е. Банковское право России в нормативных правовых актах. Основы федерального законодательства по банковскому праву. Книга 2. Часть 2. Издательский дом «Наука», 2014. 756 с.

Материалы сборников конференций, которые ежегодно проводились под руководством В.К. Пучинского⁵, явились стимулом масштабных научных исследований и по существу заложили основу развернувшихся сравнительно-правовых исследований, проводимых кафедрой⁶.

Значение указанных трудов состоит также и в том, что они тотчас же были востребованы сообществом предпринимателей пореформенной России, которые, выходя на рынки зарубежных стран, остро ощущали потребность в такого рода научно-практической «продукции».

Следует отметить, что целый ряд научных работ В.К. Пучинского был переведен на иностранные языки или издан за рубежом. Ученый и руководитель кафедры Василий Клементьевич Пучинский являлся автором раздела о проблемах доступности правосудия в шеститомнике изданий «Access to Justice», вышедшего в Милане (Италия) в 1978 году. В 2003 году профессор Пучинский принял участие в коллективном исследовательском проекте, результатом которого в Италии опубликован научный труд совместно с профессором Николо Пикарди⁷.

Знаковым событием, свидетельствующим о масштабах мыслей Пучинского В.К., говорят вышедшие под его редакцией и такие работы как: «Гражданское и семейное право развивающихся стран. Учебное пособие / Под ред.: Безбах В.В., Пучинский В.К. М.: Изд-во УДН, 1989. 208 с.»; «Гражданское и торговое право зарубежных стран. Учебное пособие / Безбах В.В., Герреро Перес Б.А., Ермакова Е.П., Залесский В.В., и др.; Под общ. ред.: Безбах В.В., Пучинский В.К. М.: МЦФЭР, 2004. 896 с.», а также целый ряд других востребо-

⁵ Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского // М., РУДН, 18 октября 2013, 355 с.; Сравнительное право и проблемы частного правового регулирования в России и зарубежных странах. Сборник статей всероссийской конференции // М., РУДН. 2014, 450 с.; Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского // М., РУДН, 23 января 2015; 232 с.; Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского // М., РУДН, 14 октября 2016, 437 с.; Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского // М., РУДН, 13 октября 2017, 552 с.; Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского // М., РУДН, 12 октября 2018, 712 с.

⁶ Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е. Разрешение финансовых споров в странах АТР. Индия. Учебное пособие // М., РУДН, 76 с.; Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е. Разрешение финансовых споров в странах АТР. Монография // М., Инфотропик Медиа, 2019, 416 с.

⁷ V.K. Puchinsky — E.V. Kudryavtseva, *Il nuovo codice di procedura civile della Federazione Russa*, in N. Picardi — R. Martino (eds.), *Codice di procedura civile della Federazione Russa del 2003*, Cacucci Editore, Bari, 2007, pp. 81–93.

ванных практикой и наукой работ, в числе которых «Научно-практический комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации»; «Основы российского гражданского права»; «Обращение в суд в английском гражданском процессе», «Путь к закону» и другие.

В.К. Пучинским был не только выдающимся ученым и мыслителем! В Российском университете дружбы народов, в котором он проработал с 1963 года до конца своих дней в должностях доцента, профессора, заведующего кафедрой гражданского и трудового права и, наконец, проректора по науке (1981–1996 гг.) выкристаллизовался не только его талант педагога, но и организатора науки.

Он организовал обмен опытом чтения лекций и ведения семинарских занятий между преподавателями, и сам часто посещал эти лекции и семинары. Ученый всегда был в центре внеучебных мероприятий, проводимых кафедрой, обладал блестящим юмором, и часто подшучивал над коллективом, не выходя за рамки уважения к достоинству каждого из нас.

Проф. Пучинский разработал и более 40 лет преподавал курс по гражданскому судопроизводству, в который включил не только отечественную, но и зарубежную проблематику на основе сравнительного исследования права Англии, США, Франции и ФРГ.

За успешную подготовку кадров для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки Василий Клементьевич был награжден орденом «Знак почета»; 8 августа 2005 года, за 4 месяца до кончины, за заслуги в области образования и науки был удостоен другой государственной награды — Ордена Почета.

Научные идеи В.К. Пучинского присутствуют в лекциях и исследовательских работах его учеников. Его имя и его научные труды вдохновляют быть похожими в своих исследованиях на него. Для нас он был и остается ученым, запечатлевшем в своих трудах по праву России и зарубежных стран, своеобразный срез эпохи, — срез, произошедший в конце 20-го, начале 21-го века, в которой нам досталось жить.

Кафедра продолжает традиции, заложенные В.К. Пучинским. Ежегодно проводится международная конференция его памяти, а после успешного проведения конференции в 2018 году руководством РУДН рекомендовано увеличить масштаб проводимого научного мероприятия до международного форума, проводимого Юридическим институтом университета.

18 октября 2019 года проведен Международный научный юридический форум, в котором приняли участие представители различных правовых школ из более чем 20 стран мира, ведущие специалисты в области юриспруденции.

Научное мероприятие было открыто приветственными словами д.ю.н. профессором кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.В. Кудрявцевой, д.ю.н. проф. кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.А. Борисовой, заместителем директора юридического института по научной работе РУДН С.Б. Зинковским.

Модераторами форума Фроловой Е.Е., д.ю.н., профессором, зав. кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, Кузнецовым М.Н., д.ю.н. профессором кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, была отмечена важность и значение научных работ В.К. Пучинского в области реформирования гражданского процесса, в сфере компаративистики, гражданского права для развития науки, его вклад в становление преподавания этих дисциплин в российских вузах.

Участниками форума стали известные ученые — ученики Василия Клементьевича, представители ведущих научных школ страны и зарубежья, среди которых:

Е.В. Кудрявцева — д.ю.н., профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В своем докладе «Упрощенные производства в деятельности мирового судьи в свете проведенной реформы» обратила внимание слушателей на происходящие в нашей стране в последние 20 лет реформы судоустройства и судопроизводства, в частности, в области прикладного производства у мировых судей в связи с принятием Закона № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸.

Докладчик отметила, что у истоков многих изменений современного гражданского процессуального законодательства стоит выдающийся российский процессуалист профессор Пучинский. В 2016 году в рамках указанной выше реформы в ГПК РФ впервые было введено упрощенное производство. По мнению Е.В. Кудрявцевой, в качестве упрощенного производства в деятельности мировых судей следует рассматривать только приказное производство, отмечая при этом, что этот институт вызывает серьезные споры ученых относительно его правовой природы и теоретических концепций, лежащих в его основе, их соотношения с классическими установками гражданского судопроизводства⁹.

По мнению автора, внесенные в ст. 122 ГПК РФ изменения в части перечня требований, по которым мировой судья может выдать судебный приказ, и их уточнения, «*во-первых, вряд ли целесообразны, а, во-вторых, вряд ли изменят статистику вынесенных судебных приказов*».

Логичным считает автор изменение, внесенное в п. 4 ч. 1 ст. 127 ГПК РФ, регламентирующее сведения о должнике в судебном приказе.

Обобщая новеллы, внесенные законом 451-ФЗ и судебную практику, докладчик пришла к выводу, что каких-либо существенных изменений в регулировании приказного производства в деятельности мирового судьи ожидать не следует.

⁸ Кудрявцева Е.В. Новеллы гражданского процессуального законодательства о подсудности дел мировому судье // *Мировой судья.* 2019. № 3. С. 31–32.

⁹ См., в частности, полемику Г.А. Жилина и Н.А. Громошиной (Жилин Г.А. *Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: Монография.* М., 2010. С. 31; Громошина Н.А. *Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве.* М., 2010. С. 233).

Берта Алисия Герреро Перес — к.ю.н. (Эквадор), *Безбах В.В.* — д.ю.н., Заслуженный юрист Российской Федерации, проф. кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН обратили внимание участников форума на «Моделирующий фактор кодификации гражданского законодательства в Эквадоре». Таким основанием был и остается чилийский Гражданский кодекс 1857 года, разработанный известным латиноамериканским правоведом Андресом Бельо.

Действующий гражданский кодекс Эквадора был принят в декабре 1860 г. и стал первым на латиноамериканском континенте ГК, создания по модели чилийского, и вступил в силу в 1861 году.

Долинская В.В. — д.ю.н., проф. кафедры гражданского права МГЮА имени О.Е. Кутафина. В докладе «Социальное предпринимательство в системе гражданского оборота: опыт зарубежных стран и проблемы России» отметила, что на основе анализа правовых актов и научных исследований ей удалось классифицировать основные направления в современной доктрине, в законодательстве и государственном регулировании такого явления, как социальное предпринимательство в системе гражданского оборота России.

Для выявления современных проблем социального предпринимательства и их решения автор использует опыт зарубежных стран (Италии, США, Тайланда, Канады, Финляндии, Англии и др.).

Докладчик установила, что в последние годы за рубежом сложились основные направления в доктрине и законодательстве и государственном регулировании социального предпринимательства.

Субъекты социального предпринимательства, по мнению докладчика, делятся на две группы: непосредственно социальные предприниматели и потребители их товаров и услуг.

Учитывая опыт зарубежных стран и применяя метод сравнительного правоведения, проф. Долинская В.В. дает критический анализ ряда российских нормативных актов, в частности, Федерального закона от 24.07.2007 г., впервые легализовавшего социальных предприятий как субъектов малого или среднего предпринимательства, 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г., 95-ФЗ «О политических партиях» от 11.07.2001 г., ГК РФ и ряд других.

На основе социологических исследований¹⁰ докладчик приходит к выводу, что значительная доля социально-ориентированных некоммерческих организаций, созданных в нашей стране по профессиональному признаку, ориентирована на удовлетворение, главным образом, интересов своих членов.

В ходе форума были обсуждены векторы научных исследований в области зарубежного гражданского и арбитражного процесса, в сфере цивилистики,

¹⁰ Речь идет о результатах научных исследований Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ Высшей школы экономики: Мониторинг состояния гражданского общества // <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/>.

а также перспективы междисциплинарных научных исследований, яркие шаги в направлении которых сделаны учеными кафедры в течение последних нескольких лет, опубликовавших ряд монографий:

- «Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония)». В монографии представлены выводы исследовательского проекта № 17-03-00093 «а» (науч. рук. Фролова Е.Е.) «Порядок разрешения финансовых споров в странах АТР» по конкурсу РФФИ 2017 г.;

- “CONFLICT-FREE” SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS: PERSPECTIVES AND CONTRADICTIONS (A.O. Inshakova, E.E. Frolova, Dolinskaya V.V. and other). Bingley, West Yorkshire, 2019¹¹.

Фролова Е.Е. — д.ю.н., проф., зав. каф. гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН посвятила свой доклад «Лидирующим позициям стран АТР в правовой регламентации альтернативного разрешения финансовых споров». Примечательно, что важность данного научно-практического исследования подчеркивает то, что оно подготовлено при финансовой поддержке указанного выше проекта, научным руководителем которого является докладчик.

Автор приходит к выводу, что в странах АТР в сфере индустрии финансовых услуг арбитражное и медиативное урегулирование споров набирает популярность в качестве альтернативы судебному разбирательству¹². Этот вывод обосновывается, по меньшей мере, тремя обстоятельствами, на которые в своем докладе указывает проф. Е.Е. Фролова. Речь идет о том, что:

- в арбитражных центрах этих стран растет число специализированных панелей арбитров по финансовым спорам;
- в последние годы (2017–2019 гг.) заметно возрастает активность стран АТР по модернизации национального законодательства об арбитраже и медиации;
- принимаются меры по оптимизации работы центров арбитража и медиации стран АТР и совершенствованием внутренних регламентов.

Рассматривая каждое из этих обстоятельств, автор обращается к нормативным актам Сингапура, Гонконга, Индии, Южной Кореи, Новой Зеландии, Малайзии и Японии и делает выводы относительно деятельности стран АТР в целях превращения своих арбитражных и медиативных центров в международные центры разрешения финансовых споров. Каждая новая идея в этой об-

¹¹ "Conflict-Free" Socio-Economic Systems: Perspectives and Contradictions. Bingley, West Yorkshire, Emerald Group Publishing Limited 2019, 376 с.

¹² Фролова Е.Е. Понятие финансового спора в соответствии с положениями Закона Новой Зеландии о поставщиках финансовых услуг 2008 г. (с изменениями 2014 г.) // Черные дыры в Российском законодательстве // 2017. № 4. С. 51–54; Ermakova E.P., Rusakova E.P., Sitkareva E.V., Frolova E.E. Main components of protecting consumers of financial products in Asian-Oceanic (APAC) countries. *International Journal of Engineering and Technology (UAE)*. 2018. vol. 7. № 4.38. 157–162.

ласти немедленно подхватывается другими странами и воплощается на практике. Идет настоящая «война» за каждого потенциального клиента — банк, фонд, страховую компанию и т.д. В так называемой арбитражной «войне» в ход идут различные средства: от совершенствования национального законодательства и внедрения новых моделей арбитража и медиации (ускоренный арбитраж, интерактивный арбитраж и др.) до опережающего другие страны совершенствования арбитражных регламентов и создания специализированных панелей арбитров по финансовым спорам¹³. Автор утверждает, что такая напористая политика приносит свои результаты, и иллюстрирует это тем, что в 2018 г. в Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) был подан 521 иск, что превышает показатели многих европейских арбитражных центров;

Ермакова Е.П. — к.ю.н, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН в докладе «Новые параметры разрешения международных финансовых споров: итоги 2018 г.» остановилась на новых параметрах разрешения международных финансовых споров¹⁴. Данное новое для российской цивилистики исследование также подготовлено в рамках указанного научного проекта.

Согласно полученным автором данным поток финансовых споров, передаваемых на разрешение в арбитраж, постоянно возрастает, что, по мнению докладчика, связано с увеличением объема банковских и финансовых претензий. При этом выбор арбитражного форума для разрешения споров в сфере международных финансов вместо государственных судов Лондона и Нью-Йорка стал очевидной реальностью, с которой следует считаться российским политикам и бизнесменам¹⁵.

Автор предлагает обратить особое внимание на новые формы арбитражных оговорок, т.к. гибридные арбитражные оговорки (hybrid dispute resolution clauses), которые дают контрагентам право выбора между национальным судебным разбирательством и международным арбитражем, сочетают в себе преимущества того и другого.

¹³ Фролова Е.Е. Финансовая система Японии: правовое регулирование споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Том 9. № 1. С. 67–73; Фролова Е.Е. Правовое регулирование альтернативного разрешения споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг в Сингапуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. № 24 (273). 2017. С. 159–164; Беликова К.М., Мутанна Абукамар Юсеф Абдулла. Правовая основа регулирования деятельности международного коммерческого арбитража в России и Иордании // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 54–59.

¹⁴ Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ковыршина Н.А., Русакова Е.П. Способы разрешения споров с разносистемных правопорядках // Москва, Инфотропик Медиа, 2017.

¹⁵ Ермакова Е.П. Альтернативные способы разрешения финансовых споров в Индии // В сборнике: Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. Российский университет дружбы народов. 2018. С. 169–180; Ивановская Н.В. Медиация финансовых споров в Индии // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 290–293.

Русакова Е.П. — к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН в своем докладе «Разрешение финансовых споров Австралийским управлением по финансовым жалобам» обратила внимание на принципы, на которых базируется процесс разрешения финансовых жалоб, а также способы их разрешения. В соответствии с новейшими Правилами Австралийского управления по финансовым жалобам (AFSA), принятыми 1 октября 2019 года. Русакова Е.П. выделяет внутреннюю систему разрешения споров и внешнюю — когда спор не может быть разрешен внутри самой финансовой компании.

Новеллой является то, что Управление заменило собой финансового, кредитного и инвестиционного омбудсменов, и рассматривает жалобы, связанные с кредитами, финансами, страхованием, банковскими вкладами и займами, а также пенсионные споры.

В рамках Австралийского управления по финансовым жалобам выступающий обратил внимание на следующие виды разрешения споров: ускоренный способ (fast track); стандартный способ: управление делом и вынесение решения; способ разрешения сложных финансовых споров: управление делом и вынесение решения по сложному финансовому спору. При этом применяются как неформальные методы: переговоры и согласительная процедура, так и формальная, если в ходе применения неформальных способов жалоба не была разрешена;

Протопопова О.В. — к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН представила научное сообщение на тему «Зеленое финансирование — основа устойчивого развития Индии: проблемы правового регулирования»¹⁶.

Докладчик отметила, что на индийском рынке существуют различные стимулы и инструменты для поддержки зеленого финансирования, в частности финансирования возобновляемых источников энергии. С целью мобилизации капитала частного сектора Резервный Банк Индии (RBI) в апреле 2015 г. классифицировал сектор возобновляемых источников энергии в качестве приоритетного сектора кредитования. Совет по ценным бумагам и биржам Индии (SEBI) опубликовал официальные требования к зеленым облигациям в январе 2016 г., а в мае 2017 г. выпустил «Требования к раскрытию информации для выпуска и листинга зеленых облигаций» (Disclosure Requirements for Issuance and Listing of Green Bonds). По состоянию на конец 2017 г. «Индия, являясь одним из 10 крупнейших мировых эмитентов зеленых облигаций, выпустила их на сумму \$ 4,3 млрд. Однако, существует ряд проблем, с которыми в настоящее время сталкивается рынок зеленых облигаций в Индии»¹⁷.

¹⁶ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00093 "а" (Н. рук. — Е.Е. Фролова).

¹⁷ Подробнее: Артемьева Ю.А., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е., Ермакова Е.П. Разрешение финансовых споров в странах АТР. Индия. Учебное посо-

Проанализировав ряд конкретных примеров зеленого финансирования (Crowd Funding и др.), докладчик акцентировала внимание на недостатки в правовом регулировании финансирования возобновляемых источников энергии в Индии, слабость регулятивных мер для поддержки зеленого финансирования, отсутствие должной методологии для оценки различных проектов и ряд других. В этой связи доцент Протопопова О.В. полагает, что на современном этапе усилия правительства Индии по т.н. зеленому финансированию как основы устойчивого развития страны пока недостаточны, и сама дальнейшая работа в этом направлении могла бы повысить доверие инвесторов и способствовать минимизации их затрат на проекты;

Кузнецов М.Н. — д.ю.н., проф. кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН и *Понька В.Ф.* — д.ю.н., проф., проф. кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН свой доклад посвятили ряду научных и образовательных аспектов международного частного права и в том числе тому, что собой представляет международное частное право (МЧП), в рамках какой системы права его следует кодифицировать. Докладчики приходят к выводу, что МЧП имеет свою, отличную от других интегральных совокупностей норм сферу действия, реальные отношения в которой не могут быть урегулированы нормами ни одной из известных отраслей права.

Как в научных, так и образовательных целях ученые предлагают более четко определить не только сферу действия МЧП (определяют ее как «особая жизненная среда»), но и задачи (функции) МЧП и цель международного частного права, которую они формулируют как опосредование и оформление объективного происходящего процесса хозяйственного, научного, культурного и гуманитарного сближения стран и народов.

Ведущие российские и зарубежные ученые затронули и другие актуальные проблемы. Так Борисова Е.А., д.ю.н., проф. кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, коснулась изменений кассационного производства в гражданском процессе и законодательных новелл в этой связи; Иншакова А.О., д.ю.н., проф., зав. кафедрой гражданского и международного частного права ВолГУ, обратила внимание на трансформацию гражданского права в условиях цифровой «революции»; Петюкова О.Н., д.ю.н., проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, заместитель декана по научной работе и международному сотрудничеству Юридического факультета, затронула тему защиты прав потребителей в сравнительно-правовом анализе; Беспалов Ю.Ф., д.ю.н., судья в отставке, профессор, посвятил свой доклад убыткам по гражданскому законодательству РФ и Республики Казахстан; Ван Чжихуа, доктор юридических наук, профессор из Китая, зав. каф. сравнитель-

ного права Института сравнительного правоведения Политико-правового университета КНР, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китайской Народной Республики, поддержал важность проведения такого плана научных мероприятий; Мещанова М.В., зав. кафедрой гражданского права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, посвятила свой доклад трансформации гражданского права в Республике Беларусь; Чжан Чжэньли, (Китай), юрист, партнер юридической фирмы «Дэ Хэн», рассказал о правовом регулировании инвестиционных соглашений в КНР; Ихаб Обайд, Сирия, аспирант РУДН, обратил внимание на общие положения о брачном договоре в Сирии; Ван Вэй, сотрудник юридического бюро, остановился на процессуальном положении иностранных лиц в гражданском процессе Китая¹⁸; Ху Найсинь, адвокат по медицинским спорам, Beijing Dacheng Law Office, LLP, Китай, обратила внимание на режим общей совместной собственности супругов в отношении недвижимого имущества. Нгуен Куанг Хью, магистрант РУДН (Вьетнам) представил свой доклад «Условия заключения и расторжения брака посемейному законодательству РФ и Вьетнама»; Синкевич К.В., аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), представила доклад на тему: «К вопросу о пределах расщепления договорного статута»; Кочубей Т.А., аспирант Института права, Волгоградского государственного университета (г. Волгоград), акцентировал внимание на объективной форме аудиовизуального произведения; магистры и аспиранты юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова представили доклады по следующим актуальным темам: Багрянская П.Д., специалист отдела гражданского законодательства и процесса ИЗИСП при Правительстве РФ — «Задачи гражданского судопроизводства: сравнительно-правовой аспект»; Бруцкий А.В., остановился на пределах компетенции государственных судов при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение состоявшегося арбитражного решения или при рассмотрении заявления об отмене такого решения; Львов М.А. выступил с докладом об отдельных проблемах внедрения информационных технологий в практику гражданского судопроизводства; Лозовицкая А.Д. представила доклад, раскрывающий вопросы ответственности за нарушение процедуры раскрытия доказательств; Мамедалиева А.В. — о предмете доказывания в английском гражданском процессе; Робышев В.О. — о свидетельских показаниях в английском гражданском процессе; Яковлев А.С. — о недобросовестном поведении стороны арбитражного (третейского) разбирательства как основание для отказа в праве на возражение.

¹⁸ Рассмотрение частноправовых споров в странах БРИКС: монография / Е.П. Русакова. Москва, 2018. 302 с.

Отдельного внимания заслуживают доклады на английском языке, выполненные и представленные магистрами и аспирантами кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН: Edgar Young, LL.M. «Private interest foundations for asset protection and estate planning»; Faith Nthenya Mulonzi, LL.M Major, «Mediation as a form of dispute resolution method (Kenyan perspective)»; Ulvi Ocaqli, «Data protection and privacy and its diffusion to Russian legislation»; Кошелев А.А., «Protection of private investment by the ICSID».

Об авторе:

Кузнецов Михаил Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор, кафедра гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ORCID ID: 0000-0001-7229-1351

e-mail: kuznetsov-mn@rudn.ru

Для цитирования:

Кузнецов М.Н. Памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации д.ю.н. проф. В.К. Пучинского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 203–218. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-203-218.

Дата поступления в редакцию: 20 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Informational article

**IN MEMORY OF HONORED SCIENTIST
OF THE RUSSIAN FEDERATION,
DOCTOR OF LAW PROF. V.K. PUCHINSKY**

Mikhail N. Kuznetsov

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

The annual international scientific legal forum in memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, prof. V.C. Puchinsky on the topic “Comparative legal aspects of the legal relations of civil turnover in the modern world”, October 18, 2019

This article provides an overview of a number of abstracts and reports made and printed in print form on the topics of scientists, practitioners, graduate students, undergraduates, students from Russia, Azerbaijan, Belarus, Brmmany, Kenya, indicated in the title of the conference, China, Moldova, Panama and Syria.

The review is preceded by a brief, but capacious disclosure of the scientific personality of V.K. Puchinsky, as a scientist, thinker and teacher, prepared on the occasion of the Forum by the employees of the Department of Civil Law and Process and International Private Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia¹⁹.

Promising research areas were identified by the teachers of the department on relevant topics in the areas of protecting the rights and legitimate interests of financial market participants, introducing digital technologies, developing social entrepreneurship, private law interests in the international arena and traditionally civil legislation of Latin America²⁰.

Key words: comparative law, civil procedure, civil law, arbitration process, sources of law, financial disputes, social entrepreneurship, digital law, digital economy, investments, assessment of evidence, international private law

About author:

Mikhail N. Kuznetsov — Doctor of Legal Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0001-7229-1351

e-mail: kuznetsov-mn@rudn.ru

For citation:

Kuznetsov, M.N. (2020) In memory of Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law prof. V.K. Puchinsky. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 203–218. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-203-218.

Article received November 20, 2019

Article accepted December 25, 2019

¹⁹ Frolova, E.E., Ermakova, E.P. (2018) The history of the international scientific conference in memory of Professor Vasily Klementievich Puchinsky. *State and law*. (3) 113–116.

²⁰ Puchinsky V.K., Bezbakh V.V. (eds.) (2006) *Civil and commercial law abroad*. Textbook. Moscow, Russian State Library; Puchinsky V.K., Bezbakh V.V. (2013) *Civil process of foreign countries*. Monograph. Moscow, Zertsalo-M.; Guerrero-Perez B.A., Ermakova E.P., Zalessky V.V., Zenkin N.M., Kovalev S.I., Kuznetsov M.N., Maltsev G.V., Masevich M.G., Mozolin V.P., Mutsinova N.A., Nikerov G.I., Ponka V.F., Protopopova O.V., Puchinsky V.K., Telitsin V.M., Sharoputo M.V., Ulyanischev V.G. (2004) *Civil and commercial law of foreign countries* Textbook. Moscow, IKFER; Puchinsky V.K., Bezbakh V.V., Ermakova E.P., Kapustin A.Ya., Muromtsev G.I. Mutsinova N.A., Nikerov G.I., Protopopova O.V. (1999) *European Union law: legal regulation of trade turnover*. Textbook. Moscow, Zertsalo-M.

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-219-225

Информационная статья

ИГНАТОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

М.А. Игнатова

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Настоящая статья посвящена обзору научных идей профессора Игнатова А.Н. и его вкладу в развитие российской науки уголовного права. Особое внимание уделяется научным положениям о борьбе с насильственной преступностью против личности и, в частности, с преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, квалификация преступлений, преступления против жизни, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности

Алексей Николаевич Игнатов, заслуженный деятель науки РФ, проработал в РУДН в должности профессора уголовного права более 25 лет. Являясь автором около ста пятидесяти научных работ, в том числе монографий, учебников, учебных пособий и комментариев к российскому Уголовному кодексу; внес заметный вклад в теорию уголовного права и совершенствование уголовного законодательства.

Многие знают имя профессора А.Н. Игнатова как одного из первых и в последствии ведущих специалистов в области уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Однако следует отметить, что круг научных интересов Алексея Николаевича был гораздо шире. В течение своей научной карьеры автор исследовал многие проблемы криминологии, уголовно-исполнительного права и др.

Подготовил более 30 кандидатов наук, пятеро из которых впоследствии стали докторами наук, имея многолетний стаж научно-педагогической деятельности, и являясь продолжателем лучших традиций классической школы уголовного права, А.Н. Игнатов создал свою школу по изучению проблем уголовно-правовой борьбы с преступлениями против личности.

© Игнатова М.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

В работах профессора А.Н. Игнатова впервые в отечественной уголовно-правовой науке предложена совокупность концептуальных положений о системе, видах и квалификации половых преступлений, были предложены уголовно-правовые и криминологические рекомендации борьбы с другими насильственными посягательствами.

Значительное внимание автор уделял вопросам правильной квалификации преступных деяний. Большое научно-практическое значение имели разработанные им положения, позволяющие разграничить такие смежные уголовно-правовые составы, как: разбой и вымогательство; разбой и корыстное убийство¹.

Проблемам ответственности за насильственные преступления против личности А.Н. Игнатов посвятил отдельное исследование вопросам наиболее распространенных и опасных преступлений против несовершеннолетних, предусмотренных советским уголовным законом².

Как отмечалось, автор уделял внимание и вопросам криминологии, в частности, анализу личности преступника. В этой связи ученый опубликовал ряд материалов, посвященных роли социальных и биологических факторов в преступном поведении, о критериях классификации личности насильственного преступника, о преступной личности и типологии преступников, о мерах индивидуального предупреждения преступлений, о социально-демографической, уголовно-правовой и пенитенциарной характеристике лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за преступления против личности, а также условно освобожденных и условно осужденных за аналогичную группу преступлений³.

В советский период А.Н. Игнатов исследовал и проблемы уголовного наказания. Научно-практическое значение имеет анализ правовой природы условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, предусмотренного действовавшими в то время Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, вопросы применения условного освобождения осужденного от наказания, условно-досрочного освобождения от наказания⁴.

¹ Игнатов А.Н. Понятие разбоя по советскому уголовному праву. Учёные записки высшей школы КГБ при Совете Министров СССР, Москва, 1955, выпуск 1, с. 171–172; 173.

² Игнатов А.Н. Уголовный закон охраняет права несовершеннолетних. М., Юридическая литература, 1971.

³ См. Игнатов А.Н. Социальное и биологическое в преступном поведении // Сб. «Вопросы советской криминологии». Ч. 2. ВНИИ Прокуратуры СССР, М., 1976; Игнатов А.Н. Преступная личность и типология преступников // Сб. «Некоторые проблемы современной зарубежной криминологии». ВНИИ Прокуратуры СССР, М., 1976; Игнатов А.Н., Дьяченко А.П., Борисова О.Б. Характеристика осужденных, отбывающих наказание за преступления против личности. ВНИИ МВД СССР, выпуск 9. М., 1982.

⁴ Игнатов А.Н. Развитие советского уголовного законодательства о применении наказания. В сборнике: А.Н. Игнатов. Избранные труды. С. 372–382.

Особое значимым для отечественной науки уголовного права явилось комплексное исследование правовых норм, устанавливающих ответственность за все преступления, нарушающие уклад половых отношений в обществе, результаты которого отражены в докторской диссертации и нескольких монографиях.

Особенностью этого исследования явилось то, что автор впервые наряду с вопросами ответственности за половые преступления проанализировал ряд составов преступлений, отнесенных законодателем к посягательствам против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения: вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, содержание притонов разврата и распространение порнографических предметов.

Выбор объекта исследования объяснялся тем, что несмотря на высокую степень общественной опасности преступлений, связанных с сексуальным насилием, эта разновидность деяний была в то время слабо изучена, а составы таких преступлений были слабо аргументированы, что создавало трудности в судебной практике. А.Н. Игнатов отмечал, что соответствующие статьи УК РФ «были сделаны настолько плохо, что применение их на практике вызывало большие трудности, разночтения, различные толкования, а как следствие этого — судебные ошибки»⁵.

Рассмотрение преступлений в области половых отношении в единой системе позволило ученому точно определить их сущность, специфические общие черты, выделить основания квалификации таких деяний и другие теоретически и практически значимые вопросы уголовного права. В результате проведенного исследования им были подготовлены предложения по совершенствованию уголовного законодательства, а также практические рекомендации по квалификации преступлений, некоторые из которых нашли отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда⁶.

Другими словами, научно-практическая деятельность А.Н. Игнатова повлияла на развитие законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за половые преступления. В действующем УК РФ в отличие от предыдущего появилась новая глава «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», в названии которой четко названы родовые объекты соответствующих посягательств.

Под влиянием научных разработок ученого сложилась обоснованная и справедливая квалификация такого преступления, как изнасилование. Так, в своих

⁵ Игнатов А.Н. Вопросы развития уголовного законодательства об ответственности за преступления на сексуальной почве, available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/ignatr.htm> (Accessed 1 November 2019).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1964 г. «О судебной практике по делам об изнасилованиях», available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9598#02791381909545936> (Accessed 1 November 2019); Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 05.08.1967 г. «О выполнении судами РСФСР Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасилованиях», available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10640#012130041073009701> (Accessed 1 November 2019).

работах, рассматривая понятие изнасилования, ученый отмечал, что в советской судебной практике неоднозначно квалифицировалось так называемое «насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах». По мнению А.Н. Игнатова, поскольку в уголовном законе изнасилование определялось и определяется как «половое сношение», а удовлетворение половой страсти в извращенных формах с медицинской точки зрения не является половым сношением, то, следовательно, по точному смыслу закона оно не может быть признано изнасилованием, и наиболее правильным было бы выделение таких действий в самостоятельный состав преступления⁷.

В тот же период времени в действующем УК РФ появилась ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера», предусматривавшая ответственность за любые действия сексуального характера, совершенные с применением насилия, угроз насилием или с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. Таким образом, была решена существенная проблема квалификации половых преступлений, а выработанное советской судебной практикой выражение «половое сношение в извращенной форме» кануло в лету, как и немедицинское, и неправовое понятие.

В результате инициатив А.Н. Игнатова был декриминализован состав добровольного мужеложества, который применялся в советский период (ч. 1 ст. 121 УК РСФСР 1960 г.).

Глубокое многолетнее комплексное исследование проблем ответственности за так называемые половые преступления прославило Алексея Николаевича Игнатова как наиболее авторитетного ученого криминалиста в этой области. Однако в центре его исследований были и другие вопросы ответственности за различные насильственные посягательства на человека. Следует отметить, что как ученого А.Н. Игнатова отличал системный подход и безупречная логика, именно поэтому он считал крайне важным, чтобы все законодательные формулировки были четкими и однозначно понимаемыми, а конструкции различных составов не противоречили друг другу, поэтому он всегда обращал внимание на качество закона.

В частности, ученый писал о неурегулированности в действующем УК РФ проблемы умышленного причинения вреда здоровью потерпевшей в процессе изнасилования, что «может привести к назначению за преступление с менее тяжкой формой вины более строгого наказания, чем за умышленное причинение такого же вреда»⁸.

По мнению А.Н. Игнатова, отказ в действующем УК РФ от понятия неоднократности и изменение понятия совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ)

⁷ Игнатов А.Н. Ответственность за преступления против нравственности. М., Юридическая литература, 1966. С. 63–65.

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 6-ое издание, М., 2009. С. 347–348

нарушили разработанную российской наукой теорию множественности преступлений.

Так, по букве действующего закона совершение убийства в процессе разбойного нападения или изнасилования должно квалифицироваться только по п. «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, тогда как в соответствии с научными правилами квалификации, сложившейся судебной практикой и рекомендациями постановлений Пленума Верховного Суда РФ, такие преступления надо квалифицировать по совокупности и как убийство, и как разбой или изнасилование.

А.Н. Игнатов обосновывал, что при совершении убийства, сопряженного с разбоем или изнасилованием, имеет место реальная совокупность двух тяжких преступлений. Квалификация таких деяний только по ст. 105 УК РФ в правоприменительной практике приведет к ослаблению ответственности за тяжкое преступление. Так, если лицу, совершившему убийство при изнасиловании, предъявили обвинение только по ч. 2 ст. 105 УК РФ, а суд установит, что смерть потерпевшему лицу причинена по неосторожности, обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах отпадает. Однако в суде невозможно переквалифицировать совершенное деяние на статью 131 УК РФ, так как в обвинительном заключении не было предъявлено обвинение в изнасиловании, а направление дела на дополнительное расследование для предъявления нового обвинения действующий УПК РФ не предусматривает. В таком случае суд может переквалифицировать содеянное с п. «к» ч. 2 ст. 105 УК на ст. 103 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), а «тяжкое преступление — изнасилование остается без юридической оценки, а виновный без заслуженного наказания, что также ослабляет уголовно-правовую охрану личности»⁹.

По мнению профессора, «такие признаки, как убийство, сопряженное с разбоем, и убийство, сопряженное с изнасилованием, следовало бы исключить из ч. 2 ст. 105 УК РФ, что облегчило бы применение закона в судебной практике и соответствовало бы общим принципам российского уголовного права».¹⁰

В течение жизни А.Н. Игнатов последовательно отстаивал свои научные взгляды, логично и системно оценивая действующее уголовное законодательство. Реформа уголовного кодекса в 2003 году вызвала ряд критических замечаний ученых и юристов нашей страны. Целью реформы была гуманизация уголовного права, однако, по мнению А.Н. Игнатова, цель была достигнута только частично.

Большое недоумение вызвали у него изменения закона, которые приводят к ослаблению охраны личности от насильственных посягательств. Такая тенденция, по мнению ученого, прослеживается в изменении признаков такого преступления, как хулиганства, в частности, в связи с исключением уголовной

⁹ Игнатов А.Н. О реформе уголовного права // Правоведение. 2005. № 6. С. 45.

¹⁰ Игнатов А.Н. Проблемы квалификации преступлений против жизни. Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 5 С. 98–99.

ответственности за причинение вреда здоровью средней тяжести по неосторожности, в том числе и при часто совершаемых дорожно-транспортных правонарушениях, в снижении санкции за квалифицированный разбой, предусмотренный ч. 2 ст. 162 УК РФ, что автоматически повлекло переход этого деяния из категории особо тяжких преступлений в категорию тяжких.

Несмотря на обоснованную критику правовых норм и конструкций действующего уголовного законодательства, А.Н. Игнатов подчеркивал, что УК РФ 1996 года исходит из признания высшей ценностью человека, его прав и свобод, существенно отличается от УК РСФСР 1960 года как по структуре, так и по решению ряда принципиальных вопросов, сохраняя при этом ряд позиций и определений, теоретически обоснованных, проверенных практикой и не противоречащих новым политическим и социально-экономическим условиям жизни¹¹.

Изложенные и многие другие идеи профессора Игнатова Алексея Николаевича не потеряли своей актуальности для развития и совершенствования современного российского уголовного законодательства.

Алексей Николаевич Игнатов является ярким представителем уголовно-правовой науки, его имя отнесли к золотому фонду выпускников юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова¹².

Алексея Николаевича Игнатова высоко ценили его коллеги, ученики, друзья и родные. «Ваши глубокие знания и блестящая эрудиция, строгая логика и изящная речь выросли на вулкане Ваших бушующих страстей — к науке, искусству, русской поэзии, прозе, театру, спорту и, самое главное, — страсти к жизни во всех ее незабываемых проявлениях...» — написал Его ученик и коллега профессор Анатолий Петрович Дьяченко, поздравляя Алексея Николаевича с 80-летием¹³.

«Несмотря на все свои заслуги перед российской юриспруденцией и широкую известность, Алексей Николаевич всегда был доступен, внимателен и чуток к нуждам людей, обращавшихся к нему за помощью. Никогда не повышая голоса, Алексей Николаевич умел помочь так, что поддержка его не выглядела услугой»¹⁴, — отметил профессор Александр Владимирович Бриллиантов.

Алексей Николаевич, будучи серьезным ученым, в памяти коллег, учеников, друзей и родных остался мудрым человеком широких взглядов с прекрасным чувством юмора и доброжелательным отношением к людям.

¹¹ Игнатов А.Н. Новая шкала ценностей. Комментарии к Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации в сборнике: А.Н. Игнатов. Избранные труды. М., Российский университет дружбы народов, 2013. С. 247.

¹² Международная конференция «Уголовно-правовая защита прав и свобод личности». Юридический факультет МГУ (<http://www.law.msu.ru/node/28532> (Accessed 1 November 2019)).

¹³ Дьяченко А.П. Поздравляем с юбилеем профессора Алексея Николаевича Игнатова // Вестник Орловского государственного университета. 2008. № 2. С. 15.

¹⁴ Бриллиантов А.В. Памяти Алексея Николаевича Игнатова (некролог) // Уголовное право. 2011. № 1. С. 137.

Об авторе:

Игнатова Милена Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-9985-7220

e-mail: ignatova-ma@rudn.ru

Для цитирования:

Игнатова М.А. Игнатов Алексей Николаевич и его научное наследие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 219–225. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-219-225.

Дата поступления в редакцию: 16 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Informational article

IGNATOV ALEXEY NIKOLAEVICH AND HIS SCIENTIFIC HERITAGE

Milena A. Ignatova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

This article is devoted to the review of scientific ideas of Professor Ignatov A.N. and his contribution to the development of the Russian science of criminal law. Special attention is paid to the scientific provisions on the fight against violent crime against the person and, in particular, against sexual freedom and sexual integrity.

Key words: criminal liability, crime, qualification of crimes, crimes against life, crimes against sexual freedom and sexual integrity

About author:

Milena A. Ignatova — Candidate of Legal Sciences, Assistant professor of the Department of Criminal Law, Criminal Process and Forensics RUDN University, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0001-9985-7220

e-mail: ignatova-ma@rudn.ru

For citation:

Ignatova, M.A. (2020) Ignatov Alexey Nikolaevich and his scientific heritage. *RUDN Journal of Law*. 24 (1), pp. 219–225. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-219-225.

Article received September 16, 2019

Article accepted December 25, 2019

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал
ВЕСТНИК РУДН
Серия «Юридические
науки»

20831

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20831

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Юридические науки»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК